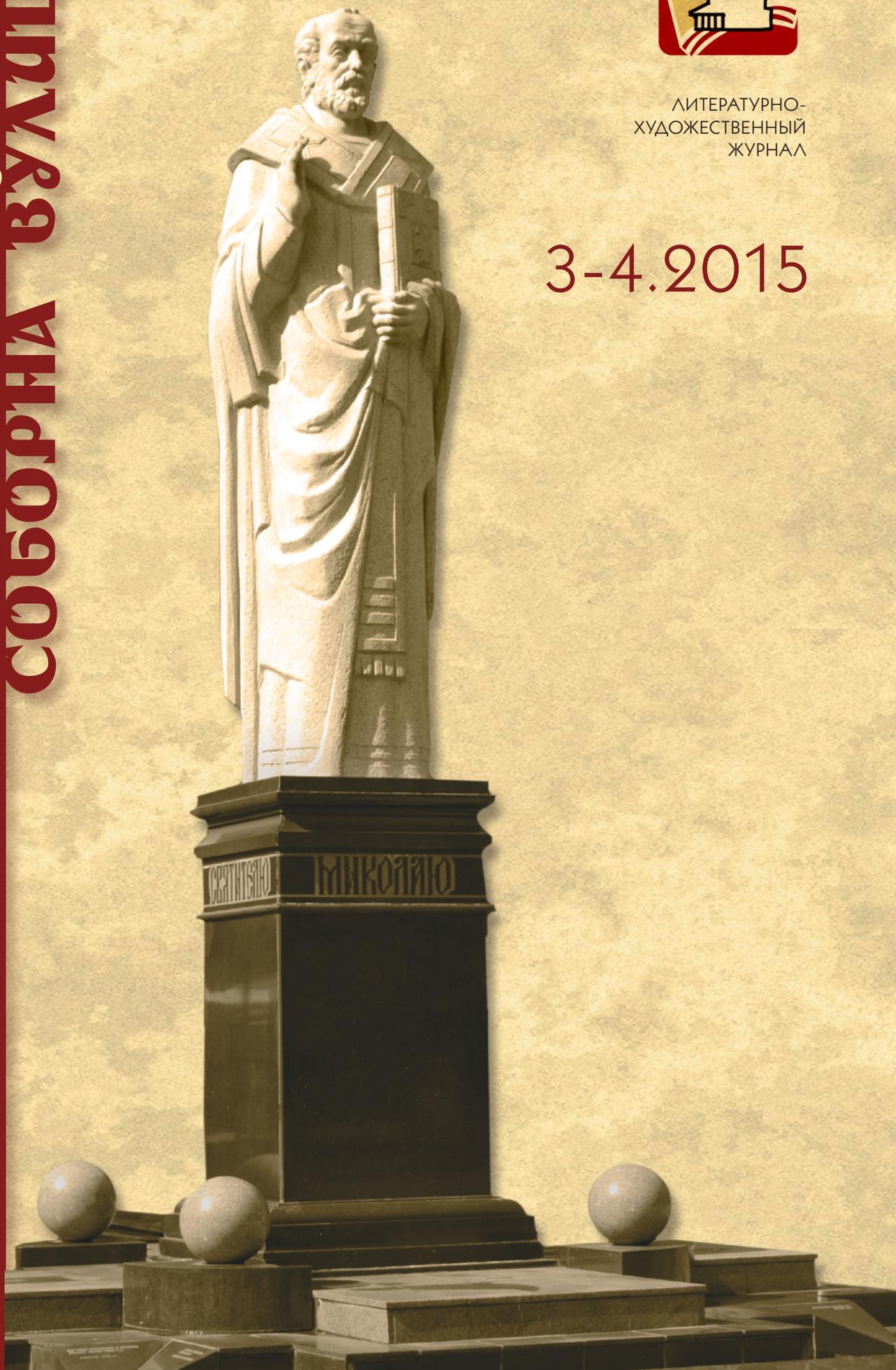

СОБОРНАЯ УЛИЦА
СОБОРНАЯ УЛИЦА

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

3-4.2015

Юрий Макушин. Памятник А. С. Пушкину. Бронза, 1988 г.

**Миколаївський
літературно-художній журнал
«СОБОРНА ВУЛИЦЯ»
№ 3-4 (10-11) 2015 р.**

Головний редактор:
Дмитро КРЕМІНЬ

Редакційна колегія:
Євген МІРОШНИЧЕНКО
Володимир ПУЧКОВ
Ілля СТАРИКОВ
Олексій ТОРХОВ
(видавничий редактор)

Редакційна рада:
Таміла БУГАЄНКО
Олександр ГЛУШКО
В'ячеслав КАЧУРІН
Сергій ПІСКУРЬОВ
Олександр ПРОНКЕВИЧ
Сергій РОСЛЯКОВ
Олександр СИЗОНЕНКО
Олена СИМОНЕНКО
Світлана СКИБА
Тетяна ФАБРИКОВА
Олександр ХАЄЦЬКИЙ

Художник:
Юрій КОРНЮКОВ

Засновник і видавець:
Редакція газети «Рідне Прибужжя»

Свідоцтво про реєстрацію:
серія МК № 846-342/Р від 4 травня 2012 р.

Адреса редакції та видавця:
54001, м. Миколаїв, вул. Нікольська, 46

E-mail: s-street.red@yandex.ru

Журнал видається з червня 2012 р.
російською та українською мовами
за участю обласних організацій
Національної спілки письменників України,
Конгресу літераторів України,
Спілки письменників Росії

Періодичність – один раз на квартал
Розповсюджується безкоштовно

Віддруковано:
СПД Румянцева Г. В.
54001, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
МК № 11 від 26.01.2007 р.

Формат 60x841/8
Умовн. друк. арк. 20,93
Замовлення № 130-07
Тираж 500 прим.

**Видано в рамках обласної
Програми підтримки
вітчизняного книговидання,
книгорозповсюдження та популяризації
української книги в Миколаївській
області на 2011-2015 роки**

СОБОРНАЯ УЛИЦА СОБОРНА ВУЛИЦЯ

**Николаевский
литературно-художественный
журнал**

**3-4
2015**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Евгений МИРОШНИЧЕНКО: Пахучее евшан-зелье 3

БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

Татьяна БЕРЕЗОВСКАЯ: Из семейных хроник Аркасов 4

Наталья ГАРКУША: «В былых веках ищу своё начало...» 8

Владимир ПУЧКОВ: Под небом голубым есть город золотой... 16

ПОЭЗИЯ

Дмитро КРЕМІНЬ: Скрипка з того берега 28

Вячеслав КАЧУРИН: Прости меня, моя душа! 33

Анатолій КАЧАН: Гуляє парус на Лимані 50

Ирина УХОВА: Как на свет – из острога! 55

Світлана ІЩЕНКО: Оком сонця і барвами весен... 67

Юрий БОЛЬШАКОВ: Три птицы в пустоте 71

Ольга БАКК: Вишнёвые сны 87

Олександр КУЧЕРЕНКО: Жити інакше 91

Анжела БОГАЧЕНКО: Мы же – светимся 98

ПРОЗА

Илья СТАРИКОВ: Интервью профессора. Горькая радость. Сто часов счастья.
Историко-психологические новеллы 38

Алексей ТОРХОВ: Бабнадя. Рассказ 60

Лорина ЛИСОГУРСЬКА: Вівчарка. Оповідання 77

Геннадій МОЛЧАНОВ: А завтра буде все інакше. Оповідання 95

ПУБЛИЦИСТИКА

175 років з дня народження М. Кропивницького

Людмила СТАРОВОЙТ: Батько українського театру 102

Валерій МАЛИНА: Україна: парадигма зрадництва 106

Сергей ГАВРИЛОВ: Без Льва Толстого 114

К 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза К. Ф. Ольшанского

Алексей ПИЛИПЧУК: Ещё раз о бессмертном десанте 118

МАСТЕРСКАЯ

Наталья САПАК: Мыслить и творить. О скульпторе Юрии Макушине 127

«Поставьте рабочего и колхозницу. Как в Москве». Беседа с Ю. А. Макушиным 131

Александра ФИЛОНЕНКО: Фестиваль «Відкрита Ніч» в Николаеве 134

К 70-летию Ивана Булавицкого

Екатерина НАТОЧА: Властвующий над стихией 138

АРХИВ

Александр КУПРИН: В клетке зверя. Добрая осень 142

Евгений МИРОШНИЧЕНКО: Южные рассказы Александра Куприна 146

Сергей ПИСКУРЁВ, Елена ПОНОМАРЁВА: Доктор Петров. Судьба в стихах 150

НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

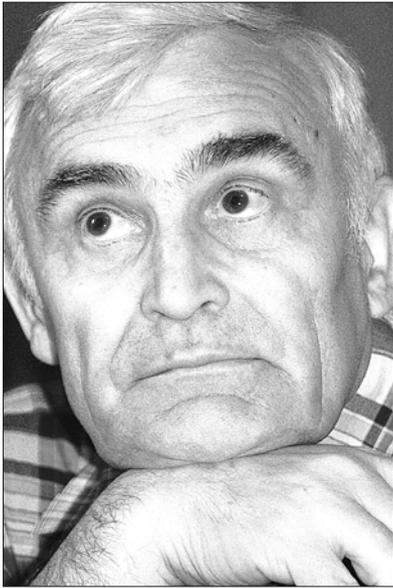
Наталья ХРИСТОВА: Этот нерекомендованный Альберт Вербец 166

Издательский перекрёсток. Новые книги 169

ЭКСЛИБРИС

Евгений ГОРБУРОВ: Шахматный турнир 1945 года 173

Содержание журнала «Соборная улица» за 2012–2015 годы 175

ПАХУЧЕЕ ЕВШАН-ЗЕЛЬЕ

Культурологи давно предостерегают нас о тотальном перерождении общественной и личной жизни, унификации не только экономических и социальных структур, но и духовных ценностей. Причём эта тенденция проявляется на массовом уровне и оборачивается стандартизацией духа, что для культуры чрезвычайно опасно. Противоречия между единой цивилизацией, её необратимыми интеграционными процессами и потребностью человека в сохранении ценностей национальной культуры в XXI веке приняли всеобщий характер. Социологи говорят: современность – это арена и драма, в которой три основных персонажа – культура, цивилизация и варварство.

В свете этих размышлений совершенно живо прозвучала идея библиотечных работников, николаевских краеведов организовать конференцию, обсудить актуальные вопросы сохранения культурно-исторического наследия. Идею поддержала директор госархива Николаевской области Л. Л. Левченко, вузовские

специалисты, в Николаев приехал Г. Д. Гусейнов, главный редактор украинского литературного альманаха «Кур'єр Кривбасу», В. Н. Христенко, редактор международного интернет-журнала «Николаев литературный» (Москва), работники госархивов Одессы, Херсона, директор Центрального государственного архива-музея литературы и искусства Украины Е. В. Чижова. Они выразили общую мысль: работа по сохранению художественного наследия талантливых писателей-земляков в современных общественных реалиях требует новых концептуальных критериев и технологических решений.

Первое постсоветское энциклопедическое издание «Николаевцы» (1999), включающее 2000 персоналий, публикует статьи о 60 литераторах, между тем это лишь половина тех, кто оставил вдохновенные строки о причерноморской земле, чей вклад в национальную, даже мировую, культуру общепризнан. В коллективной дискуссии за круглым столом звучали имена В. Даля, Н. Аркаса, Т. Шевченко, М. Кропивницкого, И. Бунина, Е. Замятина, И. Бабеля, М. Винграновского, М. Лисянского, А. Поперечного, Л. Вышеславского, А. Сизоненко, Э. Январёва. В наших архивах отсутствуют биографические материалы о В. Малагуше, П. Елагине, В. Автономове, поэтах расстрелянного поколения. Утрачен личный архив известного украинского поэта и переводчика В. П. Бойченко, бывшего председателя николаевской «Просвиты», возглавлявшего в 80-х годах николаевскую писательскую организацию.

Неповторимый художественный образ украинской степи создал в своих стихах археолог Борис Мозолевский, родившийся в Веселиновском районе Николаевской области. Незадолго до кончины он писал землякам: «Если случится такое, что забуду необъятную степь и руки ваши натруженные, и древние муки ваши, то пришлите мне пучок полыни, того пахучего евшан-зелья, и я снова полечу к вам и мыслями, и чувствами своими, ибо уже не только в степи – в сердце моём прорастёт та полынь». Вправе ли мы предать забвению жизнь и творчество наших выдающихся мастеров слова?

Как большую потерю для всех, кто изучает историю культуры Бугского края, участники региональной конференции восприняли отсутствие в г. Николаеве областного литературно-художественного музея, хотя материалы для создания его экспозиции собраны.

Евгений МИРОШНИЧЕНКО

Татьяна БЕРЕЗОВСКАЯ

ИЗ СЕМЕЙНЫХ ХРОНИК АРКАСОВ

Знаменитая греческая семья Аркасов проживала в Николаеве более 125 лет, начиная с момента основания города. Их большой и красивый дом, прозванный в народе дворцом, располагался на пересечении Адмиральской и Соборной улиц.

Вклад рода Аркасов в развитие Николаева, южного региона и страны велик и значителен. Ещё не одно поколение николаевцев будет обращаться к изучению истории жизни представителей этого замечательного семейства.

Прежде всего, стоит говорить об интеграционном аспекте, который присутствует в истории укоренения греков на юге Украины в новых обстоятельствах и чужой стране. Конец XVIII века вообще ознаменовался массовым переселением греков в Северное Причерноморье. Они спасались от турецкого геноцида, покидали родные места и нелегально добирались на наши земли. Российская империя после ряда русско-турецких войн отбила эти земли у Османской империи и принялась массово заселять. По замыслам «греческого проекта», задуманного правительством Екатерины II, как буферная держава юг Украины должен был быть заселён греческим населением. В 1794 году семья Андреаса Аркаса (1766–1825), которая состояла из самого Андреаса, его жены Асимины и годовалого сына Захария, оказалась в пределах недавно основанного города Николаева. Условия для проживания здесь были ужасными. Проблемы с питьевой водой и многочисленные пресмыкающиеся, которые вторгались в жилище, – это было то малое зло, с чем можно было ещё мириться в сравнении с отсутствием профессиональной занятости.

Между тем Андреас имел неплохое образование, он закончил патриаршую школу в Литохороно, владел восемью языками. Греческая диаспора помогла ему в Николаеве, устроив на первых порах торговать овощами в небольшой лавочке. Но это было далеко от его чаяний и призвания. Молодой амбициозный человек был полон желаний реализовать свои способности в условиях новой родины, и такая возможность вскоре представилась. Открытие в Николаеве штурманского училища позволило Андреасу Аркасу занять должность преподавателя истории. Заложенные на генетическом уровне чувство ответственности и стремление честно выполнять свой долг побуждали гражданина общины принести наибольшую пользу своему новому отечеству. По собственной инициативе молодой преподаватель составляет параллельный словарь морских терминов. Это было очень кстати, ибо обобщённой морской терминологии на тот момент не существовало, а команды только что спущенных на воду судов были пёстрыми в этническом отношении и разноязычными, нуждались в лингвистическом справочнике преподаватели, воспитанники штурманского училища.

Вскоре Андреаса перевели в штаб Черноморского флота. Он уже укоренился в Николаеве. Его семейство значительно расширилось. Один за одним родились восьмеро детей. Последний, девятый, появился на свет, когда матери было уже за сорок, а старшему сыну Захарии двадцать пять. Рождение ребёнка рассматривали как чудо, дарованное в городе Святого Николая. И назвали мальчика Николай. Когда мальчику едва исполнилось семь лет, умер отец, и старший брат Захарий Андреевич Аркас (1793–1866) взял на себя заботу о младших. Захарий тоже окончил Николаевское штурманское училище и поступил на флот в звании лейтенанта. Со временем он сделает самую невероятную карьеру, пройдя путь от юнги до адмирала, генерал-адъютанта самого императора Александра II.

Жизнь сложилась так, что Захарии не суждено было обзавестись семьёй и детьми. Все силы своей души он отдавал изучению античной истории. Служба на флоте ко многому обязывала, исследовательская работа входила в противоречие со службой. Захарий вышел в отставку. Собираение книг для пополнения Севастопольской офицерской библиотеки, исследование Херсонеса и написание первой истории Черноморского флота – было для него всепоглощающим занятием и, судя по всему, более отвечало духовным запросам.

На этом месте стоял дом Н. Н. Аркаса (памятник на ул. Адмиральской)

Захарий очень любил своего маленького братца Николая, который буквально бредил морскими походами. Пойдя на уговоры, Захарий подделал документы Николая, прибавив ему два года, и определил на корабль, где сам служил лейтенантом. Именно поэтому во всех морских энциклопедиях рождение Н. Аркаса датируется не 1818-м, а 1816-м годом.

Звезда Николая зажглась, в том числе и благодаря судьбоносной встрече в Севастополе, когда на борт корабля, где служили братья Аркасы, взойшёл Николай I с цесаревичем Александром. Бедный цесаревич страдал морской болезнью, и его ровесник Николай находился при нём постоянно. Императору даже пришлось остановить плавание, чтоб высадить сына вместе с юнгой на берег в Балаклаве. Между мальчиками завязалась дружба на всю жизнь. Они не только родились в один год, но в один год и скончались.

Николай I был решительным и энергичным человеком. Не в силах побороть коррупцию и бюрократическую систему, которые господствовали в Российской империи, он создал собственный аппарат власти, состоявший из способных молодых флигель-адъютантов. В своё время в него входил и Александр Казарский. Николаевцам не нужно напоминать о подвиге этого незаурядного офицера. Попал во флигель-адъютанты и Н. А. Аркас, которого отличало удивительное свойство личности: он бережно относился к казённым деньгам, экономно ими распоряжался и в то же время успешно выполнял поставленные задачи.

Деятельность Н. А. Аркаса приобрела широкий размах. На его счету много славных начинаний. Особой грандиозностью отличался проект по созданию пароходной флотилии на Каспии. Пароходы частями из Англии доставлялись на Каспийское море. Для этого было прорыто множество каналов, соединяющих реки, создана инфраструктура, организована торговля, исследованы нравы и обычаи народов и многое другое.

Связь с родным городом флигель-адъютант Аркас никогда не терял. Здесь он нашёл свою любовь и жену Софию Богданович. Она была младшей дочерью П. Г. Богдановича, сменившего на посту одного из отцов-основателей Николаева М. Л. Фалеева. Судя по сохранившейся переписке, брак этот был счастливым. В семейном союзе соединились не только сердца, но и слились две крови: греческая и украинская. Именно в этой семье родился известный украинский просветитель, автор оперы «Катерина», книги «История Украины-Руси» Н. Н. Аркас.

По долгу службы Н. А. Аркасу доводилось жить вначале в Севастополе, потом в Санкт-Петербурге. Однако тамшний климат подорвал здоровье Николая Андреевича. Доктора настоя-

тельно рекомендовали ему отправиться на лечение в Италию. Однако Аркас категорически заявил: «Моя Италия – моя Богдановка». Что же это за замечательное место, и где его искать любознательному любителю бугского края? А место это расположено в 20 километрах от Николаева и носит то же название, разве что с добавлением Старая. Таким образом поместье земли семьи Аркасов можно проследить в пределах двух Богдановок – Старой и Новой.

Козацкий хутор Дерекля перешёл во владения П. Г. Богдановича, отца жены Н. А. Аркаса, в конце XVIII века, и традиционно эти земли получили новое название – Богдановка. Эти земли стали приданы Софии Петровны. В начале 70-х годов XIX в. сюда из Петербурга переехала семья Аркасов. И для этих земель началась невиданная жизнь. Деятельная натура Н. А. Аркаса превратила их в образцовое капиталистическое аграрное хозяйство. Имение начало приносить прибыль. Семья вошла во вкус и приобрела ещё земли, на которых организовала конный завод (с. Христофоровка Баштанского р-на Николаевской обл.).

В Богдановке Аркасы поставили церковь Святителя Николая, она собирала прихожан со всего побережья. Парусные суда, проходя мимо, приветствовали Аркаса зычным гудком. Хотя имение в Богдановке не сохранилось, церковь действует и поныне. Это удивительный уголок южного края, где сошлись историческое прошлое, прекрасные пейзажи и перспективы развития нашей страны посредством экспорта зерновых, в том числе и по водам Днепро-Бугского лимана, чему во многом способствовал Н. А. Аркас.

Активный николаевский период начался для него с назначения на пост главного командира Черноморского флота и военного губернатора города. Ещё в начале 70-х годов XIX в., пребывая на службе в Санкт-Петербурге, он пролоббировал прошение Б. Глазенапа об открытии в Николаеве Морского торгового порта.

Это событие стало знаковым для Николаева и открыло перед ним, а заодно и перед всей губернией, невиданные ранее перспективы. Дело в том, что вместе с открытием порта Николаев получил блестящую привилегию в виде снятия полукопеечного сбора с каждого пуда экспортируемого зерна. Принимая во внимание тот факт, что пуд зерна стоил в среднем 50 копеек, а хлебный экспорт начислялся десятками миллионов пудов, это были значительные деньги, поступающие в городской бюджет.

Таким образом, во время губернаторства Н. А. Аркаса бюджет города позволял утверждать социальные планы, начать активное замощение улиц, они были грунтовыми и неудобными для перемещения, особенно в распутицу. Появились фонарные столбы с освещением, в городе были открыты бесплатные столовые и ночлежные дома.

Внешняя хлебная торговля обогащала и производителей, и посредников. Единственная проблема, которая казалась неразрешимой, – это проблема грузчиков. Она выглядит надуманной сегодня, но оказалась очень актуальной и болезненной в начале 70-х годов XIX в. Дело в том, что население Николаева было незначительным, портовая инфраструктура только создавалась, не хватало рабочих рук. На период активной погрузки зерна на суда в Николаев стекалось сельское население. Грузчики трудились сезонно и получали неплохие деньги, которые, казалось бы, должны были кормить семьи целый год. Но в реальности получалось по-другому. День расчёта превращался для горожан в страшное время бесчинств и даже опасности. Грузчики не спешили домой, к семьям, а начинали отмечать получение зарплаты во всю ширину своей славянской души. Трактиры гудели, тугие кошельки опустошались.

Во-первых, нужно было обязательно приобрести красную жилетку и лаковые штиблеты. Во-вторых, нанять извозчика и гармониста, а дальше понеслось – безудержное пьянство и драки с поножовщиной. Город трясло несколько дней. Потом наступало горькое похмелье и крестьяне разъезжались по селам. И так до следующего сезона.

Губернатор Н. А. Аркас понимал, что с помощью полиции и карательных методов проблему не решить, и взялся утверждать своё видение сложившихся обстоятельств. Он передал из военного ведомства в фонд города земли в районе нынешнего Центрального рынка и Сухого фонтана. Селянам было предложено начать там строительство жилья на льготных условиях. Выделялись материалы и долгосрочный кредит под символические проценты. Крестьяне начали массово переселяться, в городе возник строительный бум, и как следствие – заработанные деньги начали поступать на благое дело. В городе прекратились беспорядки. Жители вздохнули с облегчением. Но эта акция имела и гораздо большее положительное значение. Благодаря Н. А. Аркасу Николаев получил постоянные трудовые ресурсы, значительно расширил свои пределы. В этом был весь Аркас, он действовал чёт-

ко, энергично, видел перспективу. Ему всё удавалось.

И семейная жизнь Николая Аркаса и Софии Богданович сложилась удачно. Их старший сын Николай прославил семью и вошёл в историю Украины как автор первой оперы на сюжет поэмы Т. Г. Шевченко «Катерина», первого иллюстрированного популярного издания «История Украины-Руси», а также как основатель николаевского товарищества «Просвита».

С. П. Богданович, судя по многочисленным источникам, была чрезвычайно привлекательной и милой женщиной. Чего стоят только городские сплетни, которые приписывали ей связи с императором Александром II. Ведь он являлся крёстным отцом их с Николаем Андреевичем сына Константина. В реальности подобная связь существовала лишь в больном воображении городских чиновников, которые от души ненавидели адмирала Аркаса. Его крутой нрав сказывался не только в деловых вопросах, но и в воспитании сыновей. Он мучительно вытравливал из старшего сына Николая «мужичью блажь», которая выражалась в желании жениться на простой сельской девушке Ирине Сало и зажить простой деревенской жизнью.

Второй блажью сына Николая было желание податься в актёры. Его друг, у которого он крестил дочь, драматург и режиссёр М. Л. Кропивницкий, собрал собственную театральную труппу и выступал с ней в Одессе и на юге Украины. Холодными зимами, когда актрисы часто болели, Николай с успехом заменял их на сцене. Благо театр размещался недалеко от гостиницы, где проживал студент естественного факультета Новороссийского университета Н. Н. Аркас.

Взаимоотношения знаменитых отца и сына Аркасов были не простыми. Семейная переписка свидетельствует о частых ссорах и длительных примирениях. София Петровна металась между сыном и мужем, пытаясь наладить взаимопонимание. Она не раз взывала к сознанию сына одуматься и не судить отца слишком строго. Между тем Николай, переполненный юношеского нигилизма, называл отца, ни много ни мало, царским сатрапом и старался во всём действовать ему наперекор. Именно Николай нарушил семейную традицию и отказался от карьеры морского офицера. Поэтому отец и определил его в университет в Одессу. А сразу после окончания курса устроил адъютантом при своей особе. И только после смерти отца Н. Н. Аркас вышел в отставку и всецело отдался своему истинному гуманитарному призванию. София Петровна души не чаяла в сыне, разделяя его увлечения. Она самоотверженно переписывала для него тексты по истории Украины.

К счастью, сохранился семейный архив в фондах Николаевского областного краеведческого музея. Да и сам Николаев несёт на себе печать энергичной деятельности главного командира Черноморского флота Н. А. Аркаса. Его сын Н. Н. Аркас вошёл в историю как выдающийся деятель украинского возрождения и прославил свой род, родной город.

Березовская Татьяна Всеволодовна. Доцент кафедры украиноведения Николаевского национального аграрного университета, кандидат исторических наук. Окончила Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова, автор научных статей, учебных пособий, книг.

Могилы Николая Николаевича и Софьи Петровны в семейном склепе Аркасов (Николаевский некрополь)

Наталья ГАРКУША

«В БЫЛЫХ ВЕКАХ ИЩУ СВОЁ НАЧАЛО...» (Страницы жизни краеведа и археолога Феодосия Каминского)

*...Только и можно черпать твёрдость
в общей обречённости судеб в XX веке.*
А. Солженицын

Увидеть египетские пирамиды

Бурное XX столетие было наполнено множеством исторических событий, повлиявших на судьбу нашего народа: революции, войны, становление нового государства, голодный 1933 год, период жестоких политических репрессий и снова война, а затем залечивание ран и душ человеческих, восстановление хозяйства, короткая хрущёвская «оттепель»... Все эти события писали историю страны, биографии её граждан. Историк нашего края, археолог Феодосий Каминский был участником и свидетелем этих событий, они стали страницами его биографии и трагической личной судьбы.

Родился Феодосий 14 (27) августа 1888 г. в семье Тимофея Григорьевича и Марии Ивановны Каминских. Проживали они вблизи Николаева в посаде Богоявленское. Отец работал мастером малярно-кровельного цеха завода сельскохозяйственных машин братьев Донских. Мать вела домашнее хозяйство, растила и воспитывала семерых детей: Степана, Клавдию, Даниила, Феодосия, Алексея, Бориса, Марию. Дети глубоко уважали родителей, стремились помогать им. В летнее время старшие сыновья вместе с отцом работали на заводе и при выполнении частных заказов зарабатывали средства на обучение.

В 1905 г. Феодосий окончил городское училище. В течение двух лет работал в частной строительной конторе и самостоятельно осваивал программу пяти классов реального училища. Спустя два года после успешной сдачи экзаменов он становится учеником VI класса Александровского реального училища. Феодосий Каминский любил технические дисциплины, увлекался географией, историей, много читал. В лето 1907-го он осуществил свою заветную мечту – увидеть египетские пирамиды. В Одессе ему удалось договориться с капитаном пассажирского судна о бесплатном проезде, судно отправлялось в Александрию (за это в течение всего рейса он работал помощником кочегара). В Гизе Феодосий увидел пирамиды, познакомился с коллекциями местных древностей. На две недели подрабился землекопом в экспедицию археолога Говарда Картера (позднее англичанин прославится открытием пирамиды Тутанхамона). Эта замечательная поездка стала одним из счастливых событий в жизни Феодосия Тимофеевича.

В семье Каминских любили народные песни и думы, читали произведения украинских писателей и поэтов. Брат Феодосия, Тимофей, был активным членом николаевского отделения общества «Просвита», Феодосий и Мария также принимали участие в различных мероприятиях, проводимых обществом. 13 декабря 1907 г. в Николаев по приглашению основателя общества, историка и композитора Н. Н. Аркаса приехал талантливый бандурист Терентий Пархоменко. Городской полицмейстер не разрешил публичные выступления народного музыканта, поэтому Терентий выступил лишь в нескольких частных домах и в реальном училище. Так родилось ещё одно увлечение Ф. Каминского – он стал самостоятельно осваивать музыкальную грамоту, учиться играть на бандуре. В конце ноября 1908 г. Феодосий вместе с двумя друзьями отправился путешествовать по Южному берегу Крыма. Однажды в Ялте юноша обратил внимание на необычную пару – высокий мужчина, одетый в украинский национальный костюм, с бандурой в руках, шёл в сопровождении

* «В былых веках ищу своё начало...» – строка из стихотворения киевского археолога, кандидата исторических наук, исследователя Ольвии С. Б. Буйских.

миловидной женщины. Из любопытства Феодосий последовал за ними, спутники подошли к небольшому одноэтажному дому и постучали в дверь. На пороге появилась худенькая бледная женщина, поздоровалась на украинском языке. Впустив пришедших, хозяйка спросила Каминского: «Вы к нам по делу?» Он ответил: «Да». Последовало приглашение войти в дом. Выяснилось, что бандуриста ждали, чтобы записать его игру и пение на фонограф. В процессе общения Феодосий рассказал, что учится играть на бандуре, и посоветовал на отсутствие собственного инструмента. Временно он использовал бандуру, купленную мировым судьей г. Николаева С. И. Гайдученко у Т. Пархоменко. Тогда хозяйка попросила его оставить свой николаевский адрес и пообещала сообщить, где можно купить бандуру.

Вскоре к Феодосию Каминскому приехал незнакомый мужчина и вручил новую бандуру, денег не взял. Юноша согласился принять инструмент, только если ему назовут имя дарителя, им оказалась известная поэтесса Леся Украинка.

В 1909 г. Ф. Каминский окончил реальное училище и поступил в Петербургскую военную школу, учился до 1912 г. В это же время в качестве вольного слушателя он посещал лекции в аудиториях Археологического института. Преподаватели читали курсы лекций по архивному делу, русской палеографии, нумизматике, археологии. На базе Эрмитажа и других музеев северной столицы проводились семинарские занятия. Вольные слушатели, выдержавшие экзамен, получали свидетельство об окончании института и право на проведение археологических разведок и раскопок. Феодосий Каминский закрепил теоретические знания участием в раскопках античного Херсонеса и экспедиции Д. И. Эварницкого, изучавшей места казацких поселений.

Весной и летом 1913 г. молодой исследователь уже самостоятельно провёл небольшую археологическую разведку в Херсонской губернии.

Наступал тревожный 1914 год, принёсший Первую мировую войну. Братья Каминские были мобилизованы. Семья жила ожиданием вестей с фронта, где находились братья. В начале января 1915 г. родители получили извещение: «Подпоручик 188-го пехотного Карского полка Алексей Каминский убит в штыковом бою 17 декабря у деревни Лопушно Келецкой губернии». 19 января Феодосий телеграфировал: *«В день погребения дорогого Алёши всеми чувствами и мыслями с Вами. Земно кланяюсь тебе, сражённый вражьей пулей герой. Легка земля тебе, милый наш Алёша».*

Степан Каминский письмо родителям заканчивал так: *«Бог взял от нас дорогого брата. Тяжела эта година для всех нас. Пусть же та жертва, которую мы принесли на алтарь Родины, сплотит нашу дорогую семью ещё больше...»*

Каминские, как тысячи других семей, столкнулись с несправедливостью, разрушительной силой войны. Военную службу Феодосий начинал подпоручиком 133-го Симферопольского пехотного полка. Принимал участие в боевых действиях, служил командиром батареи резервного пехотного полка. В марте он телеграфировал отцу: «Здоров, бодр. Был легко ранен, остался в строю. Будьте все здоровы, дорогие мои. Не беспокойтесь. Пишу письмо. Дося» (домашнее имя Феодосия).

За время участия в боевых действиях Феодосий ещё трижды получал ранения. В феврале 1918 года капитан Ф. Т. Каминский демобилизовался. Войну вспоминал всю жизнь. Уже в 1970-е годы в разговоре с В. И. Никитиным он спросил: «А знаете ли Вы, Василий Иванович, что такое штыковая атака? Я четыре раза водил солдат в штыковые атаки». В его голосе чувствовалась глубокая печаль, глаза при этом увлажнились.

Весной 1918 г. при гетмане П. Скоропадском Ф. Каминского мобилизовали и назначили членом комиссии по ликвидации учреждений военного времени, а затем её председателем. В период деникинской оккупации Николаева (с октября 1919 г.) он был отправлен в 78-й Тенгинский полк, который стоял на станции Долинская Елисаветградского уезда Херсонской губернии. В Николаев вернулся за две недели до отступления белогвардейцев. С установлением в январе 1920 г. Советской власти работал в николаевском отделении Украинского народного кооперативного банка.

17 апреля 1920 г. в дом № 53 по ул. Мещанской явились представители Губчека, у них имелся ордер № 80, предписывающий: «Произвести обыск, выемку документов, ценностей, денег, товаров, оружия и арест гр. Каминского Ф. Т.». Поводом к аресту стали показания подполковника Полонского, он утверждал: «Офицер Каминский Ф. Т. служил при Добровольческой армии в реквизиционной комиссии по возвращению имущества, взятого Советской властью».

18 апреля Феодосий Тимофеевич написал заявление: «Прошу ускорить рассмотрением моё дело, так как я должен перед отделом Народного образования выполнить высоко научное поручение.

Ученик реального училища Феодосий Каминский

Участник Первой мировой войны

У меня на подготовительные работы в греческой колонии Ольвия остаётся немного времени. С 1 мая должны уже начать раскопки в самом широком масштабе. Я являюсь руководителем будущих раскопок». Этим планам не суждено было осуществиться, так как расследование затягивалось. «Из-за приближения к г. Николаеву фронта, 15 июля в числе многих арестованных я был отправлен в Москву», – писал Каминский в одном из пояснительных документов. В Москве Феодосий Тимофеевич проживал в доме № 29 на Тверском бульваре. В назначенное время он был обязан являться в ЧК для дачи показаний. В свободное время посещал музеи, выставки. Постоянно думал о пожилых, оставшихся без его опеки и материальной поддержки родителей, с нетерпением ждал окончания следствия.

В начале марта 1921 г. ему разрешили возвратиться в Николаев. В сопроводительном документе значилось: «Командирован на юг Украины для ведения научной работы». В Николаеве при отделе политпросвещения работала музейно-экскурсионная секция, Каминскому предложили её возглавить. Краевед стал заниматься проблемами охраны памятников истории и культуры. В июне-июле 1921 г. он совершил две исследовательские поездки в Кисляковскую волость, побывал в Богоявленске, Александровке, Свято-Троицком, Кисляковке. Осмотрел место переправы остатков армии шведского короля Карла XII и казаков гетмана И. Мазепы, бежавших в турецкие владения после поражения в Полтавской битве (июль 1709 г.). Зарисовал кресты над могилами казака Василия Коношко и супругов Катле, позднее Феодосий Тимофеевич выяснил, что оба креста изготовил в 1780-е годы бывший казак Пашковского куреня Никита Кресторез. Завершилась поездка 3 июля, в Богоявленске по просьбе представителей волостной власти он участвовал в концерте. В сопровождении бандуры Феодосий Тимофеевич исполнил лучшие номера своего репертуара: «Думу про Морозенка», «На смерть Сави Чалого», «Гуляв чумак по риночку», «Ой не шуми, луже» и другие.

В мае 1923 г. Ф. Т. Каминского назначили заведующим (директором) историко-археологического музея. На этой должности он проработает до конца сентября 1929 г., всего шесть лет. Но благодаря бесконечной преданности делу, энергии и энтузиазму эти годы станут наиболее плодотворными в его профессиональной деятельности, будут временем расцвета музея. Через год Ф. Т. Каминский стал первым учёным хранителем территории древней Ольвии, тогда же его избрали председателем Николаевского научного общества. Члены общества проводили этнографические, археологические изыскания на территории нашего края.

Ф. Т. Каминский в рабочем кабинете (1920 г.).

Рядом с Б. Фармаковским

Летом 1924 г. возобновились стационарные исследования Ольвии экспедицией под руководством историка античного искусства, опытного полевого археолога Бориса Владимировича Фармаковского. Из-за отсутствия финансирования новые работы в Ольвии были сосредоточены лишь на территории некрополя.

25 июля 1925 г. Борис Фармаковский сообщил Каминскому: «Мне удалось достать небольшие средства на Ольвию. Начал все хлопоты. Буду в Киеве, Одессе, Николаеве». Далее он пишет о составе экспедиции, приглашает Феодосия Тимофеевича и научного сотрудника музея Леонида Кузнецова принять участие в раскопках.

К 1 сентября экспедиция завершила свою работу, все находки – керамика, украшения, монеты – передали Николаевскому историко-археологическому музею. В музейной книге отзывов Б. В. Фармаковский записал: «С большим интересом и пользой для себя осмотрел музей, имеющий хотя и небольшую античную коллекцию, но заключающую ряд весьма ценных предметов».

На страницах местного журнала «Бурав» в статье «Наш археологический музей» корреспондент писал: «У нас замечательный музей, по ценности своих экспонатов – мирового значения. Николаев может гордиться своим маленьким «Эрмитажем», небольшой, но весьма значительной во всех смыслах археологической сокровищницей». Здесь же автор указывает на необходимость перемещения музея в более просторное здание.

В 1926 г. Ф. Т. Каминский активно переписывается с Б. В. Фармаковским, постоянно сообщает о новых археологических открытиях, находках. 26 января он пишет: «Восстановлено перекрытие в склепе Евресивия и Ареты». 15 июня Б. Фармаковский написал Ф. Каминскому: «Многоуважаемый Феодосий Тимофеевич! Относительно вновь созданного ольвийского заповедника Вы намечаете границы правильно, я поправок не вношу. Я выполняю ряд разных формальностей, после чего экспедиция выедет в Ольвию...»

Работы велись с 18 июля по 5 сентября. Было исследовано несколько жилых домов, открыта главная городская улица. На некрополе нашли уникальную площадку для кремации, на её территории обнаружили 90 амфор. Газета «Красный Николаев» постоянно сообщала горожанам о значительном пополнении ольвийской коллекции местного музея. Среди наиболее интересных экспонатов упоми-

нались литейные формочки для изготовления украшений из серебра и золота, образцы рельефной керамики, терракотовые статуэтки.

В 1927 г. из-за тяжёлой болезни Б. В. Фармаковского создали Совет экспедиции, в состав которого вошёл и Каминский, были продолжены работы в Ольвии и на некрополе.

Полевой сезон 1928 г. также прошёл без Фармаковского. В первых числах августа из Ленинграда пришло печальное сообщение о смерти учёного. В некрологе, опубликованном 5 августа в газете «Красный Николаев», Ф. Каминский написал, что лучшим памятником выдающемуся учёному будет дальнейшее археологическое изучение Ольвии. Тогда же он стал формировать личный фонд учёного в собрании Николаевского историко-археологического музея. Из Одессы передали письма Фармаковского Э. Р. фон Штерну, С. С. Дложевскому, М. Ф. Болтенко. Фотографии, книги, многочисленные оттиски статей подарила жена Т. И. Бутакова-Фармаковская. В конце ноября 1928 г. с разрешения Наркомата просвещения УССР музейному отделу «Ольвия» присвоили имя её неутомимого исследователя. Все материалы из раскопок Ольвии 1927–1930-х гг. также поступили в местный музей.

Личное общение с опытными исследователями способствовало профессиональному росту Каминского-археолога. Самостоятельные полевые разведки, проведённые им вдоль берегов Бугского лимана, привели к открытию многочисленных поселений ольвийской сельской округи. По новым материалам Феодосий Тимофеевич составил первую археологическую карту Нижнего Побужья. В 1950–1970-е гг. данными этих разведок воспользовались сотрудники Института археологии Академии наук Украины.

В 1925–1928 гг. в связи с большим ростом ольвийской коллекции музея остро встал вопрос о перемещении экспозиции в новое здание. Ф. Т. Каминский предлагал наиболее приемлемые варианты помещений, доказывал, объяснял, убеждал. В итоге городские власти приняли решение о передаче музею здания бывшей гауптвахты. В 1928 г., после завершения ремонтных работ, музей переехал на новую территорию.

С помощью общества «Друзья музея» была создана новая экспозиция. Торжественное открытие состоялось 10 марта 1929 г. Размещение в новом здании давало перспективу для развития музея, появилась химическая лаборатория, фотолаборатория, зал для чтения лекций и проведения мероприятий. Ф. Т. Каминский много работал, готовил лекции по истории края, писал доклады на научные конференции и статьи для местных газет. Он был преисполнен творческих замыслов, однако им не суждено было осуществиться. Трагические события в семье Каминских полностью изменили жизнь Феодосия Тимофеевича.

Под надзором ОГПУ

Весной 1929 г. арестовали Степана Каминского, брата Феодосия. В его послужном списке, составленном в 1946 г., значится: «С сентября 1929 г. по январь 1931 г. работал в Мурманске завтехотделом при правлении Севгосрыбтреста». Сохранившееся открытое письмо Степана позволяет уточнить место его пребывания – Соловецкий исправительно-трудовой лагерь. Поднималась первая волна сталинских репрессий, началось плановое уничтожение специалистов, творческой интеллигенции, режим создавал условия для тотального контроля за развитием общественной мысли.

29 (по другим данным – 26-го) сентября 1929 г. Ф. Т. Каминский был арестован. Его обвинили в попытке превратить Николаевский историко-археологический музей в центр украинской культуры, что расценивалось как проявление буржуазного национализма. Припомнили Каминскому и борьбу за новое здание музея, и переписку с Рудметалторгом по вопросу сохранения части пушек старого флота в связи с их исторической ценностью. Газета «Красный Николаев» 8 февраля 1930 г. писала:

«Не так давно во главе нашего историко-археологического музея стоял гр-н Каминский. Этот «учёный» реакционного пошиба тормозил передачу пушек Рудметалторгу. Он умудрился заручиться даже соглашением Главнауки, которую он, видимо, ввёл в заблуждение. Известно, что гр-н Каминский домогался сохранения ныне закрытого Адмиралтейского собора. Ретивость этого «учёного» дошла до того, что он неоднократно пытался выставить Горсовет и Отместхоз из ныне занимаемого им здания, некогда принадлежавшего адмиралу Аркасу».

Из статьи запорожского краеведа В. Шевченко, имевшего возможность изучить материалы следственного дела Ф. Т. Каминского, мы узнаём, что следователь знал – обвиняемый был офицером царской армии и в 1920 г. подвергался аресту. Когда же в 1921 г. возвратился в Николаев и

Ольвийская экспедиция 1929 г. (Ф. Т. Каминский третий справа в нижнем ряду)

занимался обычной для члена музейно-экскурсионной секции работой – исследовательскими поездками, учётом исторических памятников, для сотрудника комиссариата внутренних дел (НКВД) это выглядело как антисоветская деятельность. Он писал:

«Каминскому часто приходилось разъезжать по периферии округа, где он, группируя крестьян, при помощи бандуры распевал узко-национальные песни, чем настраивал окружающих в шовинистическом духе».

Следователь рассматривал служебные поездки Каминского в Киев, Харьков как попытку контрреволюционного центра (академик Ефремов) поддерживать постоянную связь с провинциальными организациями. Даже создание общества «Друзья музея» расценивалось в качестве желанья объединить людей, критически настроенных к советской власти.

29 января 1930 г. по постановлению коллегии ОГПУ Ф. Т. Каминский был осужден к пяти годам пребывания в трудовом лагере. В феврале он находился в Харькове, в особом корпусе НКВД, туда посылали письма и открытки родственники. В одном из писем жена Ирина Степановна сообщала: *«Милый Досенька! Ты волнуешься о посланных мною характеристиках. Не волнуйся, может быть, они нужнее ОГПУ. Я сделаю копии и перешлю их. О нашей материальной стороне, милый, не думай. Я всегда помню одно, что есть люди, которым ещё хуже»* (на попечении Ирины Степановны был сын Борис, 1927 г. рождения). Из Харькова Феодосия Каминского отправили на Дальний Восток, в лагере под Хабаровском он находился до 1935 г.

После окончания срока приговора перед Каминским встал вопрос, где поселиться, так как в 1933 г. решением тройки НКВД ему было запрещено жить в 12 населённых пунктах, в том числе и в Николаеве.

Феодосий Тимофеевич уехал в Запорожье, где у него были знакомые, в частности директор музея при Днепрогэсе Николай Филянский. Ф. Каминский был принят на работу в проектный отдел «Запорожстали» на должность плановика-экономиста. В свободное время общался с коллегами-археологами, принимал участие в раскопках на Хортице.

Однако вольная жизнь закончилась достаточно быстро – 7 августа 1937 г. его снова арестовали и решением тройки ОГПУ по Днепропетровской области осудили по статье 58 (пункт 10) на 10 лет. В этот раз Ф. Т. Каминского обвинили в участии в работе националистической организации «Спілка визволення України». Необходимо заметить, что такой организации просто не существовало. Следователи пытались «разоблачить» контрреволюционный центр, во главе которого якобы стоял Н. Филянский. После угроз и избиений Филянский стал давать показания, столь подходящие

карательным органам. На допросе 1–2 ноября 1937 года он показал: «В начале 1935 г. из Киева с заданием относительно контрреволюционной деятельности в Запорожье приехала Мария Степановна Мушкет, которую я принял на работу на должность археолога. Ко времени приезда Мушкет я уже связался с участником СБУ Каминским Феодосием Тимофеевичем, который только что вернулся из ссылки. После разговора с ним я полностью убедился, что он сохранил свои контрреволюционные националистические взгляды и стоит на позициях борьбы с Советской властью». Николай Филянский писал, что археологические разведки по побережью Днепра были использованы для активной агитации, националистической пропаганды среди местного населения (цитируем по публикации В. Шевченко «Непідвласний мороку забуття»).

М. Мушкет была выслана из Запорожья, Н. Филянского расстреляли 12 января 1938 г., Ф. Каминский получил 10 лет пребывания в концлагере. Он был отправлен в Орлово-Розовское отделение Сиблага.

В августе 1947 г. он возвратился в Запорожье. Несколько месяцев проживал в с. Балабино Камышеватского района, в октябре был принят на должность счетовода на запорожскую нефтебазу (работал до февраля 1949 г.). В 1949 г. город Запорожье стал областным центром. По законам того времени политическим заключенным было запрещено жить в столицах, областных центрах и крупных промышленных городах. Феодосий Тимофеевич уехал в Никополь. Там он работал в строительной конторе, познакомился с сотрудниками местного музея, но через 4 месяца его отправили в г. Петропавловск (Северный Казахстан), там он находился до 1954 г. Работал маляром, бухгалтером. Свободное время посвящал изучению истории этого края. Был членом научного совета Северо-Казахстанского историко-краеведческого музея.

События 1929 – начала 1950-х годов в жизни Феодосия Тимофеевича Каминского вместились в несколько строк анкет, которые он заполнял, добиваясь реабилитации и для оформления пенсии. Ни одна анкета, справка не смогли бы отразить всей обиды, горечи и боли, жившей в душе человека, на много лет лишённого общения с близкими, заботы о семье, а ещё по-настоящему любимой работы.

Снова в Николаеве

В марте 1953 г. после смерти Сталина в стране начались позитивные изменения в социально-политической сфере, тысячи жертв политических репрессий были освобождены из мест заключения. Феодосий Тимофеевич возвратился в Николаев в 1954 году. Давно умерли родители, жена часто болела (умерла в 1966 г.). Сын Борис жил во Львове. По возвращении в родной город нужно было приспособиваться к новым условиям жизни. Ф. Каминский был принят на работу старшим научным сотрудником Николаевского краеведческого музея. 29 декабря 1956 г. в его жизни произошло важнейшее событие: решением президиума Запорожского областного суда он был реабилитирован по всем пунктам обвинения. В музее он трудился до 1958 г., за это время полностью проверил всю документацию археологической коллекции, занимался инвентаризацией новых поступлений, работал с материалами по истории города.

В 50-е годы возобновил переписку с Б. В. Страдомским, владельцем коллекции исторических документов города Николаева. 23 декабря 1956 г. Феодосий Тимофеевич сообщает Борису Васильевичу, что подаренные им материалы вошли в экспозицию музея. Среди документов – рукопись сатирических стихов на моряков Черноморского флота, их автором был Николай Николаевич Аркас. Каминский считал, что занимая должность в канцелярии своего отца – адмирала Н. А. Аркаса, «он действительно мог знать всю подноготную личного состава флота».

В следующий раз имя Николая Аркаса Каминский упоминает в письме от 19 февраля 1957 г. Он сообщает, что принимал участие в работе конференции, которая проходила 9–14 февраля в Киеве при Институте искусств. После завершения конференции Феодосию Тимофеевичу пришлось задержаться в столице – его пригласили быть научным консультантом в Киевском театре оперы и балета, его труппа готовила к постановке оперу Н. Аркаса «Катерина».

Участие в научных конференциях за пределами Николаева подчас было связано с моральным унижением. В феврале 1956 г. Ф. Каминский получил приглашение на VIII Всеукраинскую конференцию в Институте археологии. Чтобы поселиться в гостинице на 5 дней, ему, обладателю паспорта серии XX-ПХ (реабилитированные граждане), необходимо было иметь несколько справок с места работы и специальное разрешение милиции. В 1957 г. для участия в работе конференции Ин-

ститута истории материальной культуры в Москве краевед должен был получить разрешение Верховного Совета СССР.

В Москве состоялась встреча со старыми знакомыми, участниками ольвийской экспедиции Е. И. Леви, А. Н. Карасёвым, Ф. М. Штительман. Это стало поводом для возобновления дружеских, научных связей. Специалисты-античники подарили Феодосию Тимофеевичу свои монографии. В дарственных надписях – слова благодарности за совместную работу в Ольвии, признание его роли в создании Ольвийского заповедника.

В феврале 1958 г. Ф. Т. Каминский оформил пенсию по возрасту и состоянию здоровья, однако переписку с коллегами, общение с николаевскими краеведами, журналистами, литераторами не прекратил. Феодосий Тимофеевич активно писал для местных газет, он рассказал читателям о тайнах степных курганов, о раскопках поселений эпохи бронзы, загадках древней Ольвии. Для школьников, студентов, преподавателей Каминский проводил увлекательные экскурсии по улицам исторической части города и городскому некрополю.

Одним из светлых событий последних лет жизни Каминского было общение с Т. И. Фармаковской. Она задумала написать книгу о муже, учёном, неутомимом исследователе Ольвии Б. В. Фармаковском. Феодосий Тимофеевич написал воспоминания и подарил материалы из личного архива. Книга вышла в декабре 1988 г., Каминскому не суждено было порадоваться этому событию.

В последние годы он жил один, рядом была племянница. К сожалению, их отношения не всегда были тёплыми. Сотрудники краеведческого музея часто навещали старого коллегу, приносили лекарства, помогали по дому. А ещё часами слушали его интересные рассказы о городе, старожилах, археологических памятниках. Приходили художники, студенты, коллекционеры. Он всегда радовался творческому и человеческому общению.

27 августа 1978 г. Феодосий Тимофеевич отметил свое 90-летие, а 11 октября трагически погиб от рук нелюдей-убийц, позарившихся на антикварные вещи, хранившиеся в его доме. Следствие установило, что были украдены 23 картины, монеты, несколько нательных икон и рукопись поэмы Т. Г. Шевченко «Сон». Это был список поэмы, он попал к Каминскому, вероятно, из семьи Аркасов. Верно предположение краеведов: Ф. Т. Каминский был убит именно из-за списка шевченковской поэмы. Преступники посчитали его автографом великого поэта и «погорели» при попытке продать артисту московского передвижного цирка.

Так трагически завершилась долгая, наполненная множеством испытаний, жизнь нашего выдающегося земляка. С середины 1970-х годов сотрудники Института археологии АН Украины, Николаевского областного краеведческого музея проводят планомерные раскопки Ольвии и поселений её сельской округи, часть из которых была открыта Феодосием Тимофеевичем Каминским.

Гаркуша Наталья Михайловна. Историк, старший научный сотрудник Николаевского областного краеведческого музея. Занимается изучением истории археологических исследований в Степном Причерноморье, историей музея. Автор археологических выставок «Возвращение» (1995), «Від своєї давнини до козацької доби» (2000), «Дикий Сад – археологічна перлина Миколаївщини» (2011), новой археологической экспозиции музея (2012). Лауреат областной культурологической премии им. Н. Аркаса (2006, 2012). Награждена орденом княгини Ольги III степени.

Памятник на могиле Феодосия Каминского

Владимир ПУЧКОВ

ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ ЕСТЬ ГОРОД ЗОЛОТОЙ...

Ломаю голову над простой, почти арифметической, задачкой. Как смогла стать процветающей страна, в которой:

- а) нет пресной воды;
- б) нет полезных ископаемых (кроме камня-известняка);
- в) нет газа, нефти, угля и других энергоносителей;
- г) почти нет плодородной почвы – сплошной камень...

А что есть? – спросите вы.

Есть ослепительное солнце и непредсказуемый, то ласковый, то жёсткий, средиземноморский ветер. В изобилии – желтоватый и белёсый известняк, из которого слеплены природой острова Мальтийского архипелага. Бескрайнее солёное море – на десятки и сотни километров вокруг. И есть главное: умные и работающие, жизнерадостные, закалённые природой и историей люди.

Именно люди сумели обжить эти неудобные скалы, отстоять их в многовековой борьбе, создать свою страну и добиться её независимости, сделать жизнь комфортной, а безжизненные острова превратить в поистине праздничный уголок Средиземноморья.

Когда удаётся бывать за пределами родной Украины, – всегда непроизвольно сравниваю, ревниво соизмеряю.

Пытаясь прокусить твёрдый, как яблоко, американский помидор, напичканный химией и взлелеянный гидропоникой, мысленно гордился, вспоминая вкус и запах наших «розовых великанов» – вольных, степных, полнокровных.

Радуюсь, как ребёнок, встретив где-то на стамбульской клумбе под стенами Айя-Софии родные чернобривцы.

Но и огорчаюсь нередко, видя, как умеют зарубежные люди – рачительно, уважая себя и друг друга, – делать общую жизнь зажиточной и комфортной. И как безответственно, то хищнически, то наплевательски, обращаемся мы с природными благами, столь щедро дарованными нам Богом. Как хмуро-недоверчивы лица встречаемых, как замусорена, и в прямом, и в переносном смысле, наша обыденная жизнь!..

На днях услышал горькие, но справедливые слова экс-президента Грузии Михаила Саакашвили, взявшегося руководить в соседней Одессе. Бедность Украины противоречит законам природы, поскольку украинские ресурсы позволяют ей жить на значительно более высоком уровне, – считает он.

Повидав, какими ресурсами располагает Мальта и какого уровня жизни своим умом и трудом добился её народ (одно только бесплатное медицинское обслуживание и образование чего стоит!), – не могу не согласиться с темпераментным грузинским реформатором.

А перевести сказанное на простонародный язык поможет традиционная украинская присказка: «Чого ми бідні? – Бо дурні. – А чого дурні? – Бо бідні».

В самом центре Средиземноморья

Пресс-тур, организованный Украинским журналистским фондом в содружестве с киевским турагентством TPG (Travel Professional Group) и Министерством туризма Республики Мальта, – оказался невероятно интересным.

Крохотная Мальта (27 на 15 км, остров Гозо вдвое меньше, менее полумиллиона населения – почти как наш город Николаев) – сгусток исторических и культурных достопримечательностей, оставшихся в наследство от разных эпох и народов.

Архипелаг, расположившийся в 90 км южнее итальянской Сицилии, стратегически уникален: он находится в самом «узком» месте Средиземноморья – между южной оконечностью европейской

Город-крепость Валлетта

Италии и побережьем африканского Туниса. Мальта – центровая точка Средиземноморья, тут лежат главные морские пути: Север – Юг, Восток – Запад. Отсюда их удобно контролировать, поэтому Мальта издавна привлекала завоевателей всех мастей. Кроме того, острова изрезаны бухтами – большое удобство для мореплавателей (само название – от древнефиникийского *malat* («гавань», «убежище»).

Кого тут только не было за последние три тысячелетия: финикийцы, греки, арабы, карфагеняне, римляне, норманны, испанцы... Самые яркие следы оставил рыцарский Орден госпитальеров, которому в XV веке остров Мальта был предоставлен в вечное владение тогдашним хозяином – императором Карлом V. Именно они, потомки крестоносцев, рыцари овеянные легендами военно-религиозного ордена святого Иоанна, положившие в основу своей деятельности благотворительность, заботу о больных и бедных, определили дальнейшую судьбу и весь нынешний облик архипелага. Прежде всего, рыцари отстояли Мальту от безудержного натиска распухавшей Османской империи, находившейся в тот момент, в эпоху Сулеймана Великолепного (того самого, у которого в любимых жёнах была наша украинская легенда и гордость Роксолана), – на пике своей пассионарной мощи. Именно после безуспешной турецкой осады (40-тысячное османское войско – против 8 тысяч защитников острова), когда рыцари Ордена, поддержанные местным населением, отстояли эту скудную, но родную землю, не пустив захватчиков-грабителей далее в Европу, – именно после этого Мальта начала расцветать.

И именно тогда была основана красавица Валлетта – столица, город-музей, город-крепость. Стали обретать цивилизованный европейский вид городки и деревни (которые, к слову, сегодня ничем друг от друга не отличаются – ни внешним обликом, ни образом жизни). Стали расти церкви – центры духовной и общественной жизни островитян. Новый захватчик – Наполеон – сделал то, что не удалось туркам-османам: он упразднил власть Ордена на острове (кто думает, что первыми отделили церковь от государства большевики, ошибается – первым это сделал Наполеон). Но против Бонапарта восстали местные жители, призвав на помощь англичан. И с начала XIX века, на целых полтора столетия, Мальта оказалась колонией Великобритании (а по сути – её огромной морской и авиационной военной базой). Только в 1964 году страна добилась независимости, стала парламентско-президентской республикой, а в начале XXI века была принята в Евросоюз.

От колонизаторов мальтийцы унаследовали левостороннее (как в Англии) движение, громоздкие трёхфазные розетки и квадратные трёхштырьковые вилки, а также универсальный английский

язык, который, наряду с мальтийским (он сродни арабскому, достался ещё со времён карфагенского владычества), – стал здесь вторым официальным. И это, похоже, никого не напрягает.

Поначалу молодое государство проводило политику тесного сотрудничества с Великобританией и другими странами НАТО, но вскоре выбрало нейтральный статус, закрыв офис НАТО и прекратив походы Шестого флота США в Валлетту. Как видно, натерпелись, навоевались...

Может быть, именно поэтому нейтральная территория Мальты была выбрана для исторической встречи в 1989 году лидеров СССР и США Михаила Горбачёва и Джорджа Буша – встречи, ознаменовавшей конец «холодной войны».

Впрочем, обо всём этом можно почитать в любом путеводителе или узнать гораздо полнее, заглянув в интернет.

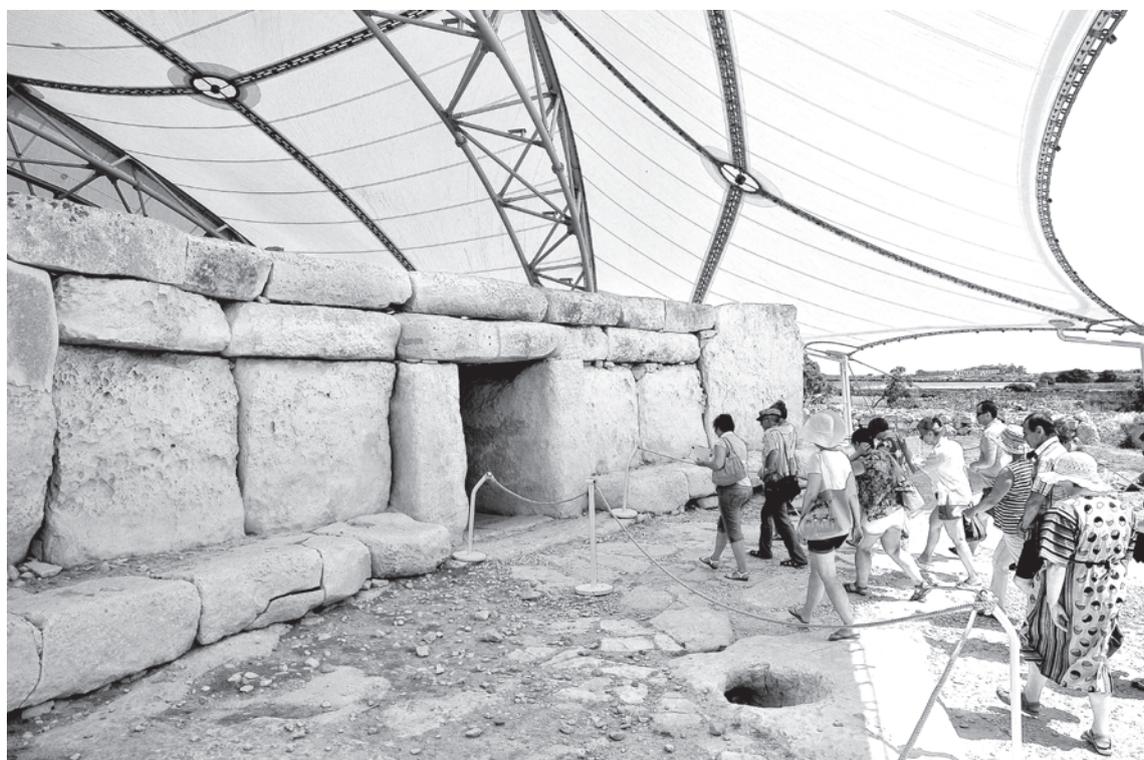
Мне же хочется поделиться не восторгам по поводу отелей, пальм и туробъектов, а отдельными впечатлениями, личными ощущениями от увиденного и мыслями, на которые увиденное наталкивает.

За семь тысяч лет до нашей эры

Пологие холмы, разделённые на маленькие поля, террасами спускаются к морю. Огородики отделены друг от друга невысокими каменными заборами, сложенными, как и в наших причерноморских сёлах, без применения раствора, «насухо», из разносортных камешков-«дикарей», выковырянных из скудной глинистой почвы. Посмотришь издали – каменная решётка лежит на склонах, превращённых в гигантские ступени. Эти ступени устремляются к бескрайнему морю. А навстречу им монотонно движутся раздольные волны – тоже террасами, тоже ступенями – одна за другой, то с шорохом, то с грохотом накатывая на причудливые известняковые скалы.

Образ «гигантских ступеней» всплыл не случайно. Одним из главных пунктов нашей разнообразной и расписанной по минутам программы, подготовленной Министерством туризма Мальты, было знакомство с загадочными каменными храмовыми комплексами (их называют мегалитами), сооружёнными 7 тысяч лет назад, за тысячу лет до пирамид Древнего Египта и Месопотамии, без применения металла. Масштабы всех мегалитов настолько грандиозны, что местные жители полагали, будто их построили великаны-гиганты.

Доныне неизвестно, кто были эти строители, откуда они явились на Мальту и куда ушли потом. Ясно одно: «храмовые строители» не были предками мальтийцев, и неизвестно, чьими пред-

Мегалитический храмовый комплекс

ками они стали потом, уйдя с Мальты, – нигде больше архитектурный и инженерный талант этих первобытных умельцев не проявился. Трудно представить себе, как люди (и люди ли?) каменного века, не имевшие ни железа, ни бронзы, каменными инструментами обрабатывали эти многотонные известняковые глыбы, как передвигали их из каменоломен и поднимали на высоту.

Какие божества входили в пантеон древних мальтийцев? В точности это неизвестно, но несомненно, что первенствовала среди них средиземноморская Великая богиня, богиня-мать, покровительница земледелия. Об этом свидетельствуют многочисленные находки женских статуэток, отличающихся характерными пышными формами и напоминающих «палеолитических венер». Существует гипотеза, что весь Мальтийский архипелаг в «эпоху храмовых строителей» (так называют тот период истории) был неким общесредиземноморским сакральным центром, обиталищем Великой богини и её жриц.

Мегалитические храмовые комплексы на островах Мальта и Гозо – как надземные, так и «зеркальные» подземные, – признаны древнейшими архитектурными сооружениями Европы и взяты под опеку ЮНЕСКО.

Глядя на то, как ухожены каменные великаны, как обустроены и охраняются территории этих музеев под открытым небом, как они тщательно укрыты огромными тентами от разрушающего воздействия солнца и морского ветра, – я с горечью думал о нашем «граде киммерийском» в урочище «Дикий Сад» и его покрытой мраком дальнейшей судьбе. Конечно, ему не семь тысяч лет, а вдвое меньше, но и это, согласитесь, не фунт изюму. Самоотверженные археологи готовы чуть ли не собственными телами укрывать от бомжей и вандалов этот бесценный памятник – современник гомеровской Трои, сенсационно открытый в самом центре Николаева, ещё до конца не изученный и безнадежно ждущий от властей хоть какого-то внимания, защиты и охраны. Воистину: что имеем – не храним, потерявши – плачем!..

Европа – это не только географическое понятие

Нынешняя украинская власть не устаёт повторять мантры о «европейском выборе» и «европейских ценностях». Однако не будем забывать, что подавляющее большинство наших сограждан, особенно тех, кто постарше, особенно на Востоке и в Центре Украины, – редко выезжали даже за пределы родного региона. А некоторые так и вовсе – знают только своё село, два-три соседних да райцентр, об который, как писали Ильф и Петров, по их представлениям, «разбиваются волны Атлантического океана». Почему так? А на какие шиши им было ездить? Да и не поощряла Советская власть бесконтрольное шаштанье за бугор. Только – для проверенных и достойных, только под бдительным присмотром, в плановом порядке. Времена, конечно, изменились, зарубежье стало доступным, а «заробитчанство» – довольно массовым явлением, но опять-таки: многие ли могут себе позволить познавательные путешествия или отдых на средиземноморских курортах? Вот и получается, что для большинства украинских граждан заклинания политиков о «европейском выборе» звучат абстрактно, как красивая, но не наполненная реальным содержанием сказка-мечта.

Бывая за рубежом, обращаешь внимание, как ведут себя местные жители. Минимальная пенсия в стране 650 евро, минимальная зарплата – 1200. На такие деньги здесь не пошпикуешь, но люди достойно выглядят, сидят в кафе и ресторанчиках, по воскресеньям семьями идут в церковь (98% мальтийцев рьяные католики). На 316 квадратных километрах территории Мальты – 365 церквей. При 450 тысячах жителей в стране зарегистрировано 360 тысяч автомобилей. За неделю я не увидел ни одного подвыпившего мальтийца, не засёк ни одного бомжа, нигде, даже на папертях, не видел нищих и попрошайек.

Тем огорчительнее, когда сталкиваешься в благополучной и культурной Европе с состоятельными отечественными, извините за просторечие, жлобами – скороспелым нашенским, постсоветским «миддл-классом», привыкшим гулять по-купчески, плевать на окружающих и ни в чём себя не ограничивать, даже в «чужом монастыре». В таких случаях бывает стыдно.

Вот картинка. С натуры. Жилая улочка в курортном мальтийском районе Буджибба. Уютный скверик с фонтаном и замечательной детской площадкой. Слава Богу, в этот час народу мало, а детей на площадке и вовсе нет. На скамеечке – средних лет загорелый мужик в шортах и футболке, облепившей пузо, голову назад запрокинул, глаза закатил. Местный или турист – сразу не разберёшь, все тут одеты сходно, по-курортному.

Вижу: две пожилые местные тётушки со скамейки напротив забеспокоились. О чём-то озадаченно перемолвились, глядя на мужчину, потом встают, подходят к нему и, тронув за плечо, участливо (естественно, по-английски) интересуются здоровьем: мол, не нуждается ли мистер в помощи?

«Мистер» продирает глаза, бессмысленно озирает окрестный пейзаж – и выдавливает из себя хриплую фразу, в которой отчётливо слышатся «Блин!» и «Зашибись!»

Тётушки смущённо удаляются. А мужик оживает, раскидывает руки, как птица в полёте, широкая душа требует песни – и он начинает горланить что-то вроде «Батяня комбат», с характерным «аканьем».

Чтобы меня не заподозрили в русофобии, замечу, что, по словам нашего гида, подобное поведение свойственно не только россиянам. Однако туристы из Украины, по её мнению, в целом воспитаннее.

Всё это к тому, что никакие благие пожелания и форсированные реформы нас вмиг не «европеизируют». Надо строить Европу в Украине и самим становиться цивилизованными людьми дома – тогда и Европа нас примет как своих.

В гостях у маркиза де Пиро

С потомками князей, графов и даже одного барона – мне прежде общаться доводилось. А вот титул «маркиз» до сих пор воспринимался сквозь призму сказки «Кот в сапогах». Помните, там был «маркиз Карабас»? Ну и, конечно же, всплывает в памяти ставшее нарицательным имя маркизы Помпадур. Да, ещё был маркиз де Сад – тот, который «садизм» придумал. Вот, пожалуй, и всё...

На Мальте удалось увидеть настоящего маркиза. И даже пообщаться с ним. Носящий этот средневековый титул господин де Пиро знакомил нас со своим уникальным домом Casa Rocca Piccola на центральной улице столицы Ла Валлетты – города-крепости, города-музея, который по праву называют «жемчужиной Средиземноморья».

В этом доме 75-летний маркиз де Пиро живёт. И значительная часть этого семейного дома-дворца, построенного основателем династии – мальтийским рыцарем доном Пьетро ля Рока более 400 лет назад, в XVI веке, ныне является общедоступным «живым музеем», наглядно демонстрирующим историю знатной мальтийской семьи, её быт и образ жизни наиболее ярких представителей. Здесь много вещей и вещиц – портретов, мебели, книг, посуды, сувениров, прикосновение к которым невольно пробуждает трепетные чувства. Это как в намоленной церкви – почти физическое ощущение накопленной информации, аккумулированной энергии страстей...

Говорят, что на Мальте проживает много титулованных особ. Потому что много лет тут правили Мальтийские рыцари – члены основанного ещё в XI веке, в эпоху первых крестовых походов, Ордена святого Иоанна, называемые «госпитальерами». А для того, чтобы стать полноправным членом этого (элитарного, как сказали бы сегодня) военно-религиозного объединения, – соискателю нужно было доказать благородство своего происхождения в восьми поколениях!

«Мужчины, рыцари, куда ж девались вы?..»

Мальта досталась рыцарям в трудный момент – после того, как Орден, вытесненный нашепствием воинственных турков-сельджуков из Иерусалимского королевства, а затем османами с Кипра, а потом султаном Сулейманом Великолепным и с острова Родос, – оказался своеобразным «межгосударственным государством» без собственной территории. Император Карл V, стремясь усилить своё влияние в Средиземноморье и создать оплот против турок и пиратов, подарил в 1530

Маркиз де Пиро

году госпитальерам весь Мальтийский архипелаг, со всеми крепостями и постройками. Условием владения островами являлась ежегодная дань в виде... 1 сокола (кстати, эта дань выплачивалась аккуратно до 1798 года, пока власть рыцарей не сверг Наполеон). С этого времени рыцари обосновались на Мальте и стали называться мальтийскими.

Высшего расцвета слава мальтийского Ордена достигла при правлении Ла Валлетта (1557–1568 гг.), когда приходилось постоянно ожидать нападения. При Ла Валлетте Мальта выдержала жесточайшую осаду флота и войск Османской империи, которая в этот период находилась на пике своего могущества. 18 мая 1565 года турецкий десантный отряд со 190 кораблями высадил на остров сотысячную армию. Военные силы госпитальеров насчитывали, по разным источникам, от 400 до 700 рыцарей и около 6–7 тысяч солдат. Осада крепости с неоднократными штурмами длилась вплоть до сентября. Однако госпитальеры во главе с гроссмейстером (так ещё называли Великих магистров) Жаном Паризо де ла Валлетт отбили все атаки. С приходом подкреплений, посланных на остров по настоянию Римского Папы, туркам пришлось отступить, потеряв свыше 25 тысяч человек. Орден потерял 240 рыцарей и около 5 тысяч солдат. События «Великой осады» знаменовали апогей воинской славы Ордена. С этого времени за ним закрепилась репутация могучей морской силы. В честь этой победы было решено построить новую укрепленную столицу, назвав её именем того, кто командовал иоаннитами, – Ла Валлетта. 28 марта 1566 г. состоялась её закладка.

Цитадель с прекрасным городом внутри

Мечтая о надёжной резиденции, великий магистр де Ла Валлетт представлял её мощной цитаделью с прекрасным городом внутри. Благородные господа возводили столицу для себя, но сотворили настоящее архитектурное чудо. Вид Большой гавани с самой высокой точки острова позволяет оценить талант зодчих, уделивших одинаково большое внимание надёжности и красоте. На прямых улицах расположились великолепные жилые дома, дворцы, храмы, благодаря которым сегодняшняя Валлетта с полным правом называется городом-музеем. Одним из «живых музеев» и является дом потомка мальтийских рыцарей маркиза де Пиро.

Очарование бывшей резиденции Ордена с особой силой проявляется вечером, когда улицы заметно пустеют, а город окутывает прохладный туман. Расстояния здесь невелики: медленная прогулка от городских ворот до форта святого Эльма занимает меньше часа. Затем можно спуститься по узкой улице к набережной Марсамшетт. Тот, кто предпримет это приятное путешествие, будет награждён видом здания со стрельчатыми готическими окнами, где в своё время жил и работал над романом о госпитальерах великий английский романист Вальтер Скотт. Рядом располагается подходящая по теме скульптурная группа: коленапреклонённый рыцарь в коротком форменном плаще с мальтийским крестом, склонивший голову перед Мадонной с младенцем.

Набережные Валлетты почти никогда не бывают пустынными. В дни праздников народ гуляет у моря до рассвета, любуясь волнами и слушая глухие удары пушек. Старинные, но вполне исправные орудия у гранитных парапетов по будням стреляют несколько раз в день, зато во время торжеств палат без перерыва. Ещё две чугунные пушки расположились на лестнице у собора Святого Иоанна, символически охраняя вход в главный городской храм.

Удивительно, в этом городе-дворце живут не только потомки рыцарей, графья и маркизы, но и обыкновенные работяги-мальтийцы.

Прокативший нас, украинских журналистов, по Большой гавани лодочник – в меру небритый, простецкого вида коренастый пожилой мужичок – показал на одно из красивых зданий над гаванью и обыденно произнёс: «Я здесь живу». После этого мы стали смотреть на его трёхдневную щетину, бейсболку с логотипом местного пива и застиранную рубашку другими глазами.

В отличие от западных городов, в столице Мальты нет многоэтажных зданий из стекла и бетона. Своеобразие городского пейзажа определяют невысокие старинные дома из светлого камня. Возраст большинства из них – несколько веков, правда, некоторые были разрушены и восстановлены в прежнем виде после Второй мировой войны (Мальту, являвшуюся важной военно-морской базой Британии, нацисты и их союзники беспощадно бомбили, но так и не захватили).

Одно из самых знаковых зданий города, безусловно, – кафедральный собор Святого Иоанна. Здесь покоятся останки руководителей Ордена, храм великолепно украшен, в его картинной галерее – полотна великих мастеров, в том числе Караваджо (который, кстати, тоже был кавалером Мальтийского ордена).

В кафедральном соборе Святого Иоанна

Интересная и довольно неожиданная встреча произошла в этом соборе. В приделе храма мы увидели памятник, установленный в честь одного из Великих магистров, особо отличившегося в сражениях с турками-османами. Скульптурная группа изображает, образно говоря, самого героя – и поверженных им врагов. Каково же было наше удивление, когда среди этих самых поверженных врагов мы узрели... понурого украинского козака. Типичного – с роскошным чубом-«оселедцем» и обвисшими усами.

– Чему удивляться-то? – пояснила гид Татьяна. – Османская империя была конгломератом народов. Многих пленников, представителей коренных народов завоёванных территорий турки вовлекали к себе на службу – кого уговорами, кого силой. Украинские козаки, судя по этой скульптуре, не были редкостью в османской армии, вот и оказывались пленниками-невольниками...

Здесь каждая дорога ведёт к храму

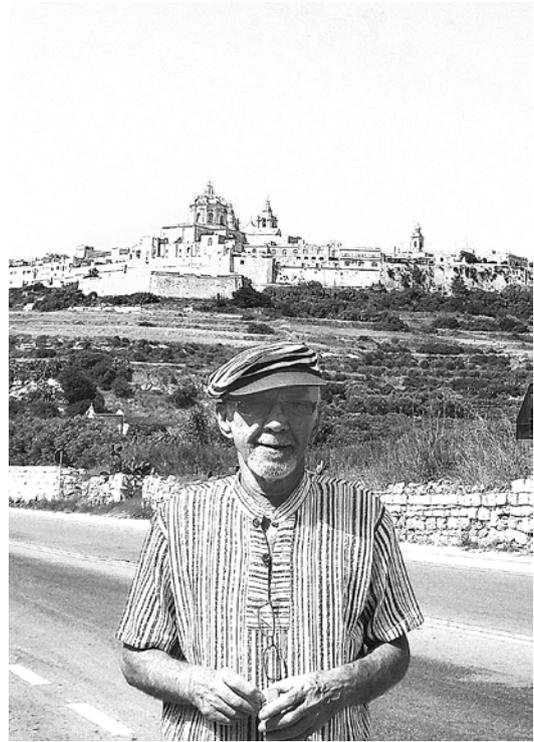
Сегодняшняя Мальта заключает в себе все оттенки пёстрой средиземноморской культуры. На её земле сохранились следы пребывания финикийцев и древних греков, карфагенцев, римлян и норманнов, арабов, турок, испанцев и англичан. Средневековые города архипелага, трагически-прекрасные по ночам, расцветают под лучами южного солнца, мерцая нежными красками на фоне морской синевы.

В дни религиозных праздников, которые проводятся здесь едва ли не каждую неделю, тесные улочки заполняют весёлые шествия с хоругвями, цветами, ярко раскрашенными статуями святых. В такие дни можно ощутить атмосферу истинной Мальты, где прохладная тишина соборов и цокот копыт по брусчатке нисколько не противоречат сияющим витринам, нескончаемым потокам машин и гомону разношёрстной толпы. Смешение несовместимого: нарядно убранные конные экипажи обгоняют автомобили, а доносящиеся из храмов звуки виолончели сливаются с хриплыми голосами солистов джаз-банды, развлекающих публику на церковной площади.

На Мальте религия безраздельно владеет умами и помыслами жителей. Почти все островитяне – убеждённые католики; атеистов среди местных практически нет. Свидетельства истовой веры можно встретить повсюду: фанерные, картонные, деревянные или глиняные статуи святых по углам зданий, иконы, вертепы. Наиболее популярные торжества – фесты – проходят под знаком того или иного святого, в честь которого назван тот или иной храм. Мальтийцы связывают с Богом все важные события своей жизни. А по количеству храмов на душу населения Мальта наверняка занимает первое место в мире (одна церковь – на тысячу человек).

В храме Вознесения Девы Марии (деревня Моста)

Мдина – древняя столица Мальты

И практически с каждой церковью связана какая-нибудь чудесная история, свидетельствующая о доброжелательном вмешательстве сил небесных в дела земные. Особенно, как и в других средиземноморских католических странах, здесь почитают Деву Марию – Богородицу, святую заступницу.

Трогательную историю нам поведали в деревне Моста, где находится храм Вознесения Девы Марии – один из самых больших в Европе (диаметр купола – 39 метров). В годы войны, прямо во время службы, когда практически все жители Мосты молились в храме, в купол угодила 200-килограммовая бомба, сброшенная с итальянского бомбардировщика. Она пробила купол, но, ко всеобщей радости, не взорвалась. Мальтийцы до сих пор пересказывают эту историю о чудесном спасении с уверенностью в том, что тут не обошлось без вмешательства Пресвятой Богородицы.

Две столицы

Деревня Моста расположилась неподалёку от древней мальтийской столицы Мдины. Впрочем, на крохотной Мальте всё «неподалёку» – не более получаса езды на автомобиле занимает путь от Валлетты до Мдины, бывшей центром государства вплоть до прихода рыцарей. Основанная ещё финикийцами, она представляет собой крепость, устроенную на небольшом плоскогорье. Мдина до сегодняшнего дня сохранила средневековый вид. Город, больше похожий на замок, стоит среди маленьких возделанных полей – террасок, разделённых каменными оградками. Его жители (а их тут всего 300 семей) уютно расположились за толстыми стенами и допускают к себе гостей лишь в определённые часы. При этом «чужим» автомобилям в город въезд запрещён.

Мдина не только была столицей, но и осталась таковой, хотя и не для всех. Именно здесь, а не в Валлетте, обитает большая часть островной аристократии, ведущей свою родословную от финикийцев. Состоящий из средневековых зданий с резными фасадами и глубокими внутренними дворами, город производит впечатление места, где остановилось время. «Городом молчания» называют этот романтический обитаемый заповедник.

А ещё Мдину называют «городом аристократов». В этом качестве она резко отличается от Валлетты, хотя также представляет собой цитадель. С основанием новой столицы Мдина потеряла стратегическое и политическое значение, превратившись в *citta vecchia* (в переводе с итальянского – «старый город»). Заново отстроить Мдину после разрушительного землетрясения 1693 года горожанам помогли рыцари, которые переселились сюда по приказу Великого магистра. С того времени жизнь в древней столице шла по-прежнему спокойно, хотя мечта о восстановлении бывшего

статуса постепенно угасла. Пожалуй, нигде, кроме Мдины, не сохранились такие исполненные таинственной поэтичности извилистые узкие улочки, такие загадочные дома: высокие глухие стены, заколоченные двери, лестницы, ведущие в никуда...

Что оставили колонизаторы

Мальта – одна из немногих европейских стран, которой довелось быть колонией, владением другой европейской державы. Более 250 лет здесь правили рыцари. На короткое время богатый и стратегически важный архипелаг захватили революционные войска Наполеона Бонапарта, изгнавшие отяжелевший и утративший боевой дух Мальтийский орден. Вскоре против захватчиков восстали сами мальтийцы, когда французские оккупанты стали грабить церкви и осквернять святыни. Именно местные жители и коренная мальтийская знать призвали на помощь британцев. И на последующие полтора столетия Мальта перешла под покровительство британской короны.

Говорят, что английская королева Елизавета II очень любит Мальту. Её супруг принц Филипп был морским офицером и командовал кораблём, который базировался здесь (на Мальте находилась крупная британская военно-морская база). Августейшие супруги были тогда ещё молоды, Елизавета охотно сюда приезжала при малейшей возможности, и мальтийцы до сих пор относятся к своей бывшей владычице с симпатией и уважением.

Иногда в путеводителях Мальту называют уголком Великобритании в Средиземном море. Действительно, полтора столетия колонизации оставили свой отпечаток: уже упоминалось о левостороннем движении, громоздких квадратных трёхштырьковых электророзетках и вилках, а также английском языке, который утвердился здесь в качестве второго официального наряду с мальтийским. Однако, по моим впечатлениям, мальтийцы от следов «проклятого колониального прошлого» нисколько не страдают и не пытаются их искоренять. Наоборот, они впитали и усвоили вроде бы чужие для них ценности, сделали их своими. У коренного населения Мальты за плечами такая богатая история, воплощённая в шедеврах архитектуры, памятниках и дворцах, величественных храмах, – что им за себя и свою культуру не страшно. Им удалось сохранить собственное национальное лицо и не оказаться поглощёнными более развитой нацией. А английский язык в качестве второго государственного воспринимают не как тяжкое «колониальное наследие», а как подарок судьбы.

Благодаря реальному двуязычию мальтийцам намного легче общаться с сотнями тысяч туристов со всего света, стремящихся на Мальту – и отдохнуть, и познакомиться с уникальными достопримечательностями этой страны-музея. Туризм и связанные с ним отрасли на 80% наполняют казну государства. Более того, сюда стремятся сотни тысяч молодых людей, чтобы летом поучиться англий-

Большая гавань

скому в здешних языковых школах, ставших очень популярными. Нынче летом, когда всюду уже каникулы, я наблюдал по утрам с балкона одну и ту же картину: дети и подростки – белые, чёрные, смуглые, жёлтые, многие со школьными рюкзачками, – одни или в сопровождении взрослых спешат на занятия...

Я уже задавался вопросом (это для тех, кто пропустил предыдущие публикации): как смогла стать процветающей маленькая страна, размером и населением примерно с наш город Николаев, в которой нет полезных ископаемых (один камень-известняк), нет пресной воды, нет угля, нефти и газа, почти нет плодородной почвы?.. Зато есть выгодное географическое положение – в самом центре Средиземного моря, на пересечении исконных торговых путей, много моря, солнца и ветра. Именно это – главное богатство мальтийцев. А ещё – великая история, традиции, уважение к законам и их беспрекословное соблюдение.

Наверное, от всех завоевателей, которые владели архипелагом в разные времена, мальтийцы впитывали в собственный менталитет лучшие качества. От потомков крестоносцев, рыцарей Мальтийского ордена, – принципиальные ценности рыцарства: возведённые в высшую степень веру, честь, доблесть и благородство, целомудрие и верность. От британцев – образование, научно-техническую продвинутость, законопослушность и разумную организацию государственной и общественной жизни. Нынешняя Мальта – парламентско-президентская республика. Тут имеются парламент и президент, правительство с премьер-министром во главе, несколько партий. Как и у нас, периодически проходят выборы. Но вот интересный штрих: президента избирают только на один срок. Даже если он семи пядей во лбу, даже если он гениален и незаменим – через пять лет его заменят и выберут другого. Таково нерушимое конституционное правило! Наверное, в нём есть смысл.

Достаток и чувство личного достоинства

Богатый исторический опыт привил мальтийцам привычку полагаться на собственные силы, дал уверенность в себе, уважение к другим, подарил достаток и чувство личного достоинства. Последнее – может быть, самое ценное, что приносит человеку европейская цивилизация. И не случайно украинский Майдан назвали Революцией Достоинства. Но как долго нам ещё предстоит идти по этому пути, чтобы эта главная европейская ценность утвердилась в нашем обществе как непреложный нравственный закон!

– С нашими туристами и отдыхающими на Мальте случаются казусы, – делится гид Татьяна. – Привыкли жить по собственным понятиям. И некоторым невдомёк, что в цивилизованной европейской стране действуют другие правила...

Рыбацкая деревня Моста

Недавно приехал на отдых некий местечковый «олигарх» из Украины. Релаксацию после трудов праведных он обставил по всем известным ему «правилам хорошего тона»: трёхкомнатный люкс, персональный гид-переводчик, арендованная чёрная «Тойота Камри» с водителем, индивидуальная экскурсионная программа...

И надо же было такому случиться: то ли жвачка твёрдая попалась, то ли клешню омара пытался разгрызть, – но у «олигарха» сломался зуб. Организовали ему визит к стоматологу. Доктор осмотрел, оказал первую помощь, заверил, что дело поправимое, и назначил следующую встречу – для окончательного решения проблемы – через три дня.

– А почему не завтра? – удивился пациент.

– Завтра у меня всё время расписано, – объяснил доктор. А тут самое время напомнить, что на Мальте медицинское обслуживание бесплатное – в одном на всю эту крохотную страну госпитале на 1000 коек, с новейшим оборудованием и высококвалифицированными, хорошо оплачиваемыми специалистами.

– Ну, можно же как-то в частном порядке «порешать вопрос», – со значением прищурился обеззубевший «олигарх». – Сдвиньте очередь, я отблагодарю...

– Как можно сдвинуть очередь? – пожал плечами врач. – Так не положено. И не принято.

– Ну, ладно, а послезавтра?

– Послезавтра у меня выходной.

– Но я же оплачу ваши сверхурочные труды, оплачу весь рабочий день! – теряя терпение, воскликнул ВИП-клиент и потряс пухлым бумажником.

Доктор с удивлением и сожалением посмотрел на него:

– Что вы, у меня приличная зарплата... А выходные я провожу с семьёй. Именно так у нас принято. Так что – жду вас в понедельник...

Они разошлись, так и не поняв друг друга.

К чему эта притча? Додумывайте сами.

Не только пышная экзотика

Глаза туристов, как правило, ослеплены великолепием исторических и культурных достопримечательностей, блеском богатых витрин или красотой замысловатых пейзажей. Но если пристальнее взглядеться, то увидишь не только пышную средневековую экзотику.

Там, на горизонте, проглядывают привычные для нас, приморских жителей, профили портовых кранов – это крупнейший на Средиземном море перегрузочный контейнерный терминал. Сюда приходят огромные контейнеровозы – одни от Суэца, другие от Гибралтара. Именно здесь партии товаров перегружаются на более мелкие суда, которые везут их по назначению в порты мира.

Вот на коротком интервале пути между почти «сросшимися» населёнными пунктами – масштабные промышленные корпуса. «Один из крупнейших в Европе завод по производству микрочипов», – поясняет гид. Электроника – ведущая отрасль здешней промышленности. Высокотехнологичная и перспективная, устремлённая в завтрашний день отрасль.

В Большой гавани, за каменным великолепием древних фортов и праздничным изобилием разнообразных яхт, не сразу разглядишь судостроительные черты. А на самом деле мальтийцы – потомственные мореходы и корабелы. Судостроение и судоремонт приносят значительный доход в экономику страны, а мальтийские доки – крупнейшие на Средиземном море.

В последнее время здесь начала активно развиваться нетрадиционная энергетика, особенно солнечная. Многие жители обзаводятся гелиоустановками, которые не только обеспечивают жилища электроэнергией и теплом, но и позволяют продавать избыток произведённого электричества в общую энергосистему – тогда плата за коммунальные услуги (которая достаточно высока) заметно снижается. Правительство всячески поощряет эту новинку. В самом деле: грех не использовать то, что дано природой, ведь на Мальте 300 дней в году светит солнце.

Сельское хозяйство здесь вести нелегко. Для полива приходится использовать и опреснённую морскую воду, и дождевую, которую научились накапливать в сезон дождей в специальных резервуарах. Нам, украинским журналистам, привыкшим к необъятным масштабам родных чернозёмных просторов, было удивительно видеть здешние крохотные, в три-четыре сотки, «поля», ограждённые вынутыми из сухой глинистой земли камнями, сложенными на межах в заборчики. И на этой скудной, прожаренной солнцем, скалистой почве зеленеют пышные ряды помидорных кустов, налива-

На острове Гозо

ются соком арбузы и дыни, ломаются от плодов персиковые и инжирные сады, наполняются солнечной энергией оливки. Потому что к каждому деревцу, каждому кусту подведены тонкие шланги – капилляры капельного полива.

Подобными животворящими капиллярами, мне кажется, подпитываются души и сердца здешних жителей – от многочисленных церквей. Религиозность мальтийцев – не угрюмая и фанатичная, но жизнерадостная и по-детски искренняя, порой карнавальная, с христианской установкой на добро и истовой верой в святых покровителей. Особо почитают здесь Деву Марию, Матерь Божию – заступницу и спасительницу.

Нелишне напомнить, что Пресвятую Богородицу особо почитали и наши героические предки – запорожские козаки. Некоторые исследователи находят в истории свидетельства тесных контактов украинских козаков с мальтийцами и, романтически рассуждая об отечественном рыцарстве, даже сравнивают Запорожскую Сечь с Мальтийским орденом. В самом деле, характерный мальтийский крест, вырубленный из камня, можно доньше увидеть на старых козацких могилах.

* * *

Возвращаясь в Украину, мы прильнули к иллюминаторам. Под крылом «Боинга» – бескрайние поля, прорезанные голубыми артериями рек и речек, поблещкивают зеркала озёр и прудов, темнеют роскошные массивы лесов. Как велика, красива и богата наша земля!

И неизбежная мысль пронзила мою, ещё опьянённую путешествием, голову: когда же родная страна найдёт в себе терпение, силы и разум, чтобы эти щедрые природные богатства принесли процветание не прослойке избранных, не ловким жуликам, а натерпевшемуся, истрадавшемуся народу Украины?

Фотографии автора.

Пучков Владимир Юрьевич. Родился в Славянске Донецкой области 15.03.50 г. Окончил филфак Николаевского пединститута и отделение журналистики Высшей партийной школы в Киеве. С 1994 – главный редактор городской газеты «Вечерний Николаев». Глава благотворительного фонда «Николаев-2000». Автор восьми поэтических сборников. Лауреат Всеукраинской литературной премии имени Николая Ушакова (2005), премии «Планета поэта» имени Л. Вышеславского (2009), Международной премии имени Арсения и Андрея Тарковских (2009). Один из основателей и председатель жюри Всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния» (Николаев, 2011–2014). Член Союза писателей Украины (1987). Заслуженный журналист Украины (1999).

Кремь Дмитро Дмитрович. Поет, публіцист, есеїст, перекладач. Народився в с. Суха Іршавського району Закарпатської області 21.08.1953 р. Закінчив філфак Ужгородського держуніверситету (1975). Автор поетичних книг «Травнева арка» (1978), «Південне сяйво» (1982), «Танок вогню» (1983), «Бурштиновий журавель» (1987), «Шлях по зорях» (1990), «Пектораль» (1997), «Елегія троянського вина» (2001), «Літопис», «Атлантида під вербою», «Синопис» (усі – 2003 р.), «Полювання на дикого вепра» (2006), «Літній час» (2007), «Вибрані твори» (у серії «Бібліотека Шевченківського комітету», 2007), «Скіфське золото» (2008), «Замурована музика» (2011), «Сльози Сухого Фонтану» (2014), «Медовий місяць у Карфагені» (2014). Лауреат республіканської літературної премії імені Василя Чумака (1987), культурологічної обласної імені Миколи Аркаса (1994), Державної премії ім. Т. Г. Шевченка (1999), всеукраїнських літературних премій імені Володимира Свідзінського (2011), Зореслава (Севастіана Сабола), Володимира Сосюри (обидві – 2013), Леоніда Вишеславського (2014). Член Національної спілки письменників України (1979), голова Миколаївського відділення НСПУ (2010).

Дмитро КРЕМІНЬ

СКРИПКА З ТОГО БЕРЕГА

* * *

Римські легіони йдуть на Дакію.
Акведуки йдуть навкіл Карпат.
І сьогодні ті часи оплакую,
В час орлів імперських та орлят.

Ольвія були й Пантікапея,
Мітрідат славетний, Євпатор
Нумер сьомий... І була ідея –
Взяти все од Понту по Босфор.
І тепер, коли за Третім Римом
Бачиться далекий Древній Рим,
Акведуком пам'яті незримим
Ідемо за покликом старим.
Але що нам нині стовп Траяна,
Діви на Дунаї та Дунай?
Акведуком, де когорта п'яна,
Ще ми пройдемо із краю в край.
І не ляже наша оборона
У крові й траві, де ми пройшли
Просто із тризубом Посейдона.
...І впадуть обідрані орли!

* * *

Ти витягла щасливу лотерею,
Та щастя в тому виграші нема.
Коли ми відшукаємо Гілею?
За літом повернулася зима.

Боги Еллади задля злого жарту
На кін кидають блискавку і грім.
А ми собі шукали бити карту,
Аби роздати козири усім.

Усе, усе по древньому закону
На круги повертається своя.
Які боги – з Олімпу, з Іліону!
А ми простенькі скіфи – ти і я.

* * *

І знову те, про що казали вчора.
І знову ти – красива, ясночола.
І кучері – фольгою золотою.
І ти під білосніжною фатою.
І ці дороги, ці шляхи-обніжки.
І ми йдемо в майбутнє просто пішки.
І віхола. Райцентр посеред степу.
І дух Різдва, весілля і вертепу.
І крик гагари на червоних лапах.
І тютюну сигари грішний запах.
І перебір гітари, й тротуари,
І цих тіней засніжені примари.
І ми – ще молодий із молодюю.
І все тепер – як човен за водою.
І все-таки дарма хрещаті хмари,
І ця морозна ніч, і крик гагари.
І знову ми йдемо удвох по сліду,
І я сюди ніколи не приїду...

* * *

Сяє синій сніг.
Сіє сонний сон.
Захопив усіх
Сніговий полон.
Сніговий ясир.
Завірюха.
Сніг.
І лиш Божий Син
Визволить усіх.
І роздивиться,
Де там любиться
Мила дівиця,
Як голубиця...
Сестри й братія,
Знову хочеться
Вам зачатія
Непорочного.
Та горить Донбас.
А з холодних губ
Передсмертний глас
Єрихонських труб...

* * *

Та скрипка з того берега ріки
Свої жалі виспівує нечасто,
Коли у воду падають зірки,
Загублені між простором і часом.

А над рікою стелиться туман,
У білій хвилі потонули звуки.
Застигли яхти, де Сухий Фонтан.
І тільки ти мовчазно грієш руки.

Де біле піаніно, та скрипаль
У ці вечірні трепетні хвилини,
Ти розгорнеш покрови, як вуаль,
І вздриш собор святої Катерини.

* * *

Таксі маршрутне. Я давно, як всі,
Очікую маршрутного таксі.
Але немає в снігопад прогресу.
Печальний запізнілий мандрівник,
А вже давно за поворотом зник
І вогник, і автобус на Одесу.

На схилі віку, де вогонь і лід,
І я дивлюсь отій маршрутці вслід.
І шлях далекий – наче символ віри.
Там – Ельдорадо, море і бульвар.
А в нас – ажур із еллінгів-примар.
Поїдем до південної Пальміри!
Ми теж достойні творчого вогню.
І в нас тепер – такі богині й ню,
І ми столиці та тріумфу варті.
Лети, маршрутко! Часе, зупинись!
І ще нас дочекається колись
Балетна муза в опернім театрі!

* * *

Перебираю в пам'яті слова,
Що ти мені сказала на прощання.
Перебираю в пам'яті волхва,
Яка месії світить зірка рання.

У середсніжжі, мила, Віфлеєм,
І свічка, що у темряві згоріла.

Уже в творців симфоній і поем –
Не коляда, лише завіса біла.
І в чорний хрестик вишито обрус,
І ти, і небо, зір яскравих повне.
До матері всміхається Ісус.
Ти грій дитя своїм диханням, овне!

* * *

Досі в серці жива,
І сліди ці не вмерли –
Ця безмежна лижва,
Що вела із Говерли.

Кучугури та хмиз,
І далекі оселі
Нас покликали вниз,
Наш привал – в Буковелі.

Наша трапеца – тут,
У гостинному домі,
Де відомий маршрут
І обличчя знайомі.

Може, вперше в житті,
А можливо, удруге
Пролягли ці путі
Крізь яри і яруги.

І безмежна лижва
Все веде за габою,
І, забувши слова,
Я лечу за тобою.

І побачу в очу
Синю зірку останню.
А коли долечу –
В чорній ночі розтану.

* * *

Уже ти чув холодний подих смерті.
Але усе тривало інтерв'ю.
І Чорне море грало на мольберті.
Тепер уже – минулий спомин. П'ю.

І ця богиня юна оживає,
Чарує на мольберті негліже!
...А вже і майстра, й студії – немає.
Невже такого ждали ми? Невже?

* * *

Скіфський коник іржав у вікні,
Коли мчав я в машині без слова.

Що тепер промайне вдалині –
Мент і меч, і соборна Садова?

Завгороднього зоряний хист.
А тепер – горілчане та спеції.
Та на давній гуаші у піст
Українці – в Мілані й Венеції...

* * *

У день народження Есхіла,
Як місяць був таргеліон,
Усе сказати хочу, мила:
Свій у трагедії закон.

А Геродот, а може, Пліній –
Лише хроністи давніх літ.
І вічний – Deus ex Machinae,
Як сам Есхіл і Евріпід.

І я до Ольвії приїду,
Заїду в еллінський туман,
І знову річкою Аїду
Мені обернеться лиман.

І це бунгало або вілла –
Це наша даль і наша близь.
...У день народження Есхіла
Чи ми ще вип'ємо колись?

КАРАВЕЛА

Коханій Ользі

Лета літа. Плавиться в асфальті
Скіфської агори чорний скаल्प.
А не змовкне музика Вівальді,
Спекою закатана в асфальт.

І далеко хата над лиманом,
А ще далі – чорний хрест орла...
Де були кохана із коханим,
Біла каравела одпливла.

Одпливла, махнула нам вітрилом,
І тепер – далеко, уві млі...
Із вином ольвійським перехилим
Кубок пізньолітній на столі.

Лета літ. А я не заспокоюсь.
Маряться далекі острови.
Південь? А відкрий північний полюс,
Якір піднімаєш – і пливи.

Де кургани – золота розплата
За літа минулі, ночі й дні.
Ще пройде тут парусна регата,
Де тобі вертатися й мені.

Повернутись. І в громовій сальві
Ти почувеш музику в ході
Наших літ, а музика Вівальді –
Каравела... Роки молоді...

Вячеслав КАЧУРИН

ПРОСТИ МЕНЯ, МОЯ ДУША!

ПТИЦЫ НАД ПЛАНЕТОЙ

Через толщи туманных завес,
Там, где воздух лучами прогретый,
В глубине безмятежных небес
Птичьи стаи летят над планетой.

Рвутся вдаль, выбиваясь из сил,
Над землёй, где не стёрлись окопы,
И над плитами братских могил
От Камчатки до края Европы.

Машут крыльями, к югу спеша
По извечно знакомой дороге.
Отчего ж цепенеет душа
От глухой и щемящей тревоги?

Там внизу, где разруха кругом,
Набирает война обороты,
Где в борьбе с непонятным врагом
Жизнь и смерть сводят старые счёты.

Мчатся птицы, тела распластав,
Среди грохота бомб и снарядов,
Нарушая границы держав
Под прицелом радаров и «Градов».

Не вникая в разборки вождей,
Пролетают, не зная при этом,
Что стреляют здесь только в людей,
А по птицам стрельба под запретом.

И скорбящая Родина-мать
На крестах пишет свежие даты.
Мирным птицам никак не понять,
За кого умирают солдаты.

Мчатся стаи, укрытые мглой,
Сквозь людские страдания и беды
Над пропитанной кровью землёй,
Где никто не добьётся победы.

Качурин Вячеслав Тимофеевич. Поэт, исполнитель авторской песни. Родился 20 января 1942 г. в селе Бык Романовского района Саратовской области (РСФСР). Окончил физико-математический факультет Николаевского педагогического института (1964). Первая публикация состоялась в газете «Дальневосточный Комсомольск» (1969). Автор стихотворных сборников: «Март» (1968), «Берег волны» (1974), «Признание» (1978), «Там, где полюс недалёк» (1978), «Открытый океан» (1979), «Перо альбатроса» (1981), «Берег Вселенной» (1982), «Адрес надежды» (1983), «Учебная тревога» (1984), «Ощущение времени» (1986), «Волшебные рельсы» (1987), «Главный праздник» (1988), «Дорога за город» (1990), «Ходовые испытания» (2000), «Линия судьбы» (2003), «Я буду космонавтом» (2005), «Главный причал» (2007), «Сегодняшняя молитва» (2007), «На грани яви и мечты» (2009), «Отчётный период» (2009), «Океан впадает в небо» (2014). Лауреат Всесоюзного фестиваля авторской песни (1973). Удостоен звания «Горожанин года» в номинации «Искусство» (2007). Член Национального союза писателей Украины (1974), Союза писателей России (1999). В 2000–2010 гг. возглавлял Николаевское отделение НСПУ.

НИЧТО НЕ ВЕЧНО*П. Силантьеву*

Шуршит листвою осень у порога,
Горит над миром вечная звезда,
И жизнь, как бесконечная дорога,
Ведёт меня неведомо куда.

Над полем в ожидании метели
Уныло спят озябшие сады.
Года мои, как листья, облетели
С поникших веток дерева судьбы.

Но в сердце ни обиды и ни злобы;
Ничто, увы, не вечно под луной.
Настанет час – крещенские сугробы,
Какobeliski, встанут надо мной.

Стерильный снег поля запеленает
Под гул ветров продрогших, но живых,
И мой уход совсем не повлияет
На общий ход событий мировых.

Я жил, как жил, а после будь что будет,
Как не крутись, а логика проста:
Нас время всех помирит и рассудит,
А память всё расставит на места.

И потому бессмысленна тревога;
Всё в мире этом будет, как всегда:
И осень с листопадом у порога,
И над землёю вечная звезда...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЮНОСТЬ*В. Третьяку*

Я вернулся в село, где родился и рос,
Где с любовью своей навсегда породнился,
Где безусым юнцом возле школьных берёз
Той далёкой весной я с друзьями простился.

В тихом доме моём уж никто не живёт,
Только издали я старый дворик примечу,
И покажется вдруг, что вот-вот из ворот
Снова мать и отец ко мне выйдут навстречу.

Я приду на погост, где трава и кресты,
Чтоб в немой тишине с вечной памятью слиться
И сквозь чёрный гранит надмогильной плиты
Посмотреть ещё раз на родные мне лица.

Деревенька моя, в колыбели твоей
Отогрелась душа, а вот сердце заныло.
Я повсюду успел, погоняя коней,
А заехать сюда всё мне некогда было...

В опустевшем саду снова вишня цветёт,
С обнажённых ветвей гроздь белая свисли.
Я стою у ворот, и всю ночь напролёт
Осаждают меня запоздалые мысли.

РАСПЛАТА

Я столько дней потратил зря,
Переиначил бестолково.
Сомненья мучили, но снова
Я утешался, говоря:
«А что тут, собственно, такого?»

Я думал: сделаю потом
Всё то, что сделать был обязан;
В конце концов, не клятвой связан,
И что особенного в том,
Что негодяю подал руку,
Не смог понять чужую муку,
Был резок с другом и отцом,
Делил улыбку с подлецом
И был порою с теми дружен,
Кому я вовсе был не нужен.
Я делал многое не так,
Но думал: всё это пустяк...
Жизнь по-другому рассудила,
Сама решила, кто каков.
Она ошибок не простила
И не признала пустяков.

И тот, кому я руку жал,
От неудач моих сбежал.
А те, которым улыбался
(Хотя и знал, что ошибался),
Когда житейский грянул гром,
Вопрос поставили ребром.
В итоге с теми я остался,
С кем никогда и не считался,
Кого не баловал добром.

Они меня же и простили,
Не упрекнули лишней раз.
Зачем явился, не спросили, –
Открыли дверь, домой впустили
И приютили в трудный час.
Какая горькая расплата:
Ни серебра в душе, ни злата,
И за душою ни гроша.
А я-то думал: ты богата!
За всё, в чём ты не виновата,
Прости меня, моя душа!

ПУТЬ К СЧАСТЬЮ

Веря лучшей доле
По статьям в газете,
Мы учили в школе
Аксиомы эти:

«Правда – наша сила,
Счастье – наше право,
И за всё, что было,
Нам хвала и слава!

Нас вели сквозь беды
И отцы, и деды
От одной победы
До другой победы.

Жили мы всё краше,
Думали всё шире.
Были планы наши
Всех мудрее в мире...»

Лозунги лихие,
Боги да светила...
Бурных слов стихия
Разум замутила.

Час расплаты пробил,
А на сердце рана:
Траурный Чернобыль,
Боль Афганистана.

Взрывы да воронки,
Ордена, медали,
Письма-похоронки
Из чеченской дали.

И пошла житуха
Что ни год, то «круче»:
Общая разруха –
Грозовые тучи.

Расплодилось, Боже,
Воры, наркоманы,
Олигархи, бомжи,
Киллеры, путаны...

Пронеслись без толку
Годы «перестроек».
Безработных толпы
Бродят у помоек.

То в родных пенатах,
То по всей округе
Ищем виноватых
В собственном недуге...

Долго мы гршили,
А тепер с испуга
Наконец решили
Убивать друг друга...

Если все не сгинем,
Снова будем рады
Красить жёлто-синим
Будки и ограды.

И с улыбкой бравой
Вновь стремиться к счастью
Во главе с лукавой
Криминальной властью.

НА ЛЕСНОЙ ТРОПЕ

Ю. Большакову

Я лесом шёл с ружьём наперевес,
Над снегом тьма сгушалась понемногу,
Но выбежавший вдруг наперерез,
Бродячий волк мне преградил дорогу.

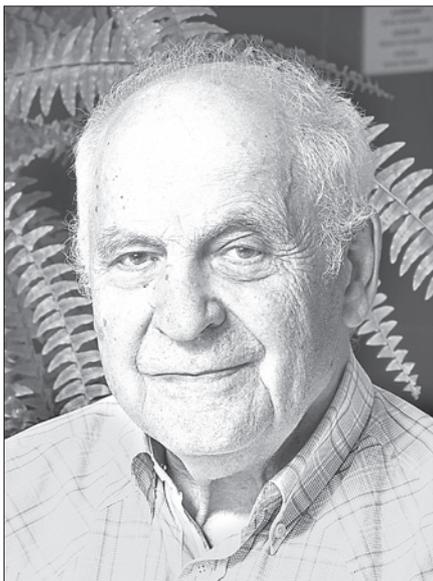
И вот мы оба замерли на миг:
Ни я, ни он не ждали этой встречи;
Он мордой вжался в серый воротник,
А мой затылок провалился в плечи.

Его глаза, тяжёлые как ртуть,
Мой каждый жест фиксировали чётко.
Я за секунду мог в него пальнуть,
А он в два счёта – перегрызть мне глотку.

Голодный враг стоял, внушая страх,
Но всё же в нём не чувствовалось злобы.
Я осторожно отступил на шаг,
И волк тотчас попятился в сугробы.

Потом пропал в чернеющей глуши.
И долго шли мы, помня друг о друге:
Два разных мира, две живых души,
Одни во всей завьюженной округе.

Стариков Илья Моисеевич. Доктор педагогических наук, профессор факультета психологии НГУ им. В. А. Сухомлинского, зарубежный член Российской Академии образования. Родился 3.08.1934 года в г. Николаеве. Окончил Николаевский судостроительный техникум (1954) и филологическое отделение госуниверситета в Ростове-на-Дону (1964). За создание и внедрение прогрессивных педагогических технологий и методов обучения отмечен 9 медалями ВДНХ СССР, награжден шестью государственными медалями Украины и России. Горожанин года в номинации «Наука и высшая школа» (2004). Научно-педагогическую работу совмещает с литературной деятельностью. Автор сборников коротких рассказов и лирических миниатюр «Общение с небом» и «В ожидании клёва», повести «Дом, построенный на песке», сборников историко-психологических новелл «Таинства истории» и «Таинства судеб и личностей». Составитель книги коллективного авторства «Володимир Васляев: Лідер, Менеджер, Людина». Член Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины».

Илья СТАРИКОВ

ИНТЕРВЬЮ ПРОФЕССОРА

Историко-психологическая новелла

«...Пока у руководства государства не встанут люди, отвечающие за каждый свой поступок, за каждое своё слово, – наша страна будет страной рабов, страной, представляющей чудовищный урок всему миру».

Владимир Эфроимсон, 1985 г.

Уже две недели прошло после долгого разговора с молодой журналисткой. А профессор Владимир Павлович Эфроимсон¹ никак не мог успокоиться. Хотя, как говорил о себе шутя сам учёный, он был стреляный жизнью. Причём во всех смыслах этого выражения. Прекрасно понимал, что интервью популярный журнал заказал не случайно. Приближается юбилей. Восемьдесят лет, как не крути, а – дата солидная. И никто из его коллег, основателей современной генетики, не дотянул до такого возраста. Причём не только из-за слабого здоровья...

Теперь интервью опубликовали, посыпались звонки. Конечно, это не первый его и о нём материал в печати. Были публикации и посерьёзней. А сколько рукописей ещё лежит в его столе, дожидаясь возможности появиться в советских средствах массовой информации. Каждый фолиант – пионерское направление в науке. Даже по названиям, как говорят сейчас молодые, и ему понятно: «Генетика гениальности», «Педагогическая генетика», «Генетика этики и эстетики». Но тщательные рогатки советской цензуры с прошлым его биографии преодолеть невозможно. Две судимости, да ещё как у него – обе по пятьдесят восьмой статье, связанной с контрреволюционной деятельностью, для московского Главлита² значат гораздо больше, чем любые рецензии членов самых знаменитых академий наук. Почему же именно вокруг этой публикации который день крутятся его мысли? Может быть, потому, что сразу почувствовал: миловидная журналистка хорошо подготовилась к беседе. Тщательно проштудировала его биографию и со многими работами познакомилась. Её вопросы задевали болевые места, связанные с поиском научной истины в любимой им

¹ Эфроимсон Владимир Павлович (1908–1989 гг.) – доктор биологических наук, профессор, доказавший в своих работах, что на многие функции человека, связанные с его интеллектуальной активностью, гениальностью и достижениями в различных сферах деятельности, влияют не только социальные, но и генетические факторы. Активно разоблачал псевдонаучные теории академика Т. Д. Лысенко.

² Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств, осуществлявшее в СССР с 1922 по 1991 гг. цензурный надзор за всей печатной продукцией.

генетике, неожиданными поворотами его служебной карьеры и жизненной судьбы. Ещё недавно эти темы даже известные журналисты боялись затрагивать и шарахались от него, если понимали, к чему он клонит. Поэтому между ними сразу возникло чувство общности, как в танце, когда партнёрам не нужны слова, а молчаливое взаимное понимание помогает каждому па и движением передавать зрителю смысл исполняемого.

Эфроимсона всегда удивляло: почему, к примеру, о любви или других привязанностях человека написано неисчислимо литературы самых разных жанров, а о драматических поисках научной истины – до обидного мало. Хотя её отыскание является важным смыслообразующим фактором бытия. Ещё Владимиру Павловичу вспоминалась небесная глубина глаз журналистки, её взгляды, переполненные восторженным удивлением, когда он отвечал на заданные вопросы. Или рассказывал что-то из собственной биографии.

Профессор мучительно старался вспомнить, где, когда и кто уже смотрел на него похоже. Но пролетевшие годы замели в памяти что-то важное, связанное с женскими глазами такой же голубизны и настороженной приветливостью взгляда. После встречи Эфроимсон провожал журналистку до троллейбусной остановки. Когда он возвращался, из лифта вышел сосед, выносивший в мусорный ящик новогоднюю ёлку. Между её иголками ещё празднично белели кусочки ваты, а в кабине лифта остался смолистый запах хвои. В голове учёного, привыкшей выискивать и фиксировать связи во всём происходящем, тогда мелькнуло: овеществлённые признаки грусти по пролетевшим праздникам и надеждам...

А, возможно, проведённое интервью и журналистка, подготовившая материал к печати, запомнились ему ещё вот чем. Собственными колебаниями между желанием услышать несколько самых главных вопросов и сомнением в необходимости их публичного обсуждения. В глубине души Владимиру Павловичу очень хотелось, чтобы его спросили, к примеру, как любимая им наука генетика объясняет, почему из поколения в поколение в российском, а теперь и в советском обществе даже в интеллигентной среде отчётливо проявляется антисемитизм. Или, как могло получиться, что громадная страна, первая объявившая миру, что видит своей главной целью создание счастливого общества для всех своих граждан независимо от их происхождения, личного богатства, так и не выполнила своих обещаний. Зато почему-то сотни тысяч таких, как он, её солдат, которые очистили Европу от фашистских концлагерей, оказывались позднее в таких же условиях уже в собственной стране.

Да, намёками, между слов они как-то касались этих жгучих тем, но ему хотелось говорить о таком во весь голос. Своё состояние Эфроимсон сравнивал с переживаниями девушки, почувствовавшей в себе биение зарождавшегося ребёнка. Она готова закричать от нахлынувшей радости, но отчётливо понимает, что родители и всё её окружение не воспримут и не обрадуются, узнав про неожиданную беременность...

Нет, в его жизни бывали случаи, когда он, вопреки возражениям Марии³, выплёскивал вслух наболевшее, но, остынув, понимал, что, в конце концов, права оказывалась она. Вокруг ничего не менялось, зато на их голову сваливались новые неприятности. При первом общественном просмотре документального фильма «Звезда Вавилова» в Политехническом музее он не выдержал, озвучил то, о чём думали многие, сидевшие в зале. Он видел, как они виновато наклонили головы, когда неожиданный шквал аплодисментов расплескал его собственные сомнения и колебания. Но окончательный результат-то оказался плачевным⁴...

Позднее он понял, что был не прав, назвав фильм полуправдой. В жизни всё гораздо сложнее. Правду часто приходится давать людям в умеренной дозе. Она как радиационное облучение: при внезапности и переизбытке может не лечить, а вредить человеку...

³ Мария Григорьевна Цубина – жена Владимира Эфроимсона.

⁴ Из выступления Владимира Эфроимсона после просмотра фильма «Звезда Вавилова» в 1985 году: «...Я не обвиняю авторов фильма в том, что они не смогли сказать правду о гибели Вавилова. Они скромно сказали: «погиб в Саратовской тюрьме»... Он не погиб. Он – сдох! Сдох как собака. Сдох он от пеллагры – это такая болезнь, которая вызывается абсолютным, запредельным истощением. Именно от этой болезни издыхают бездомные собаки... Наверное, многие из вас видели таких собак зимой на канализационных люках... Так вот: великий учёный, гений мирового ранга, гордость отечественной науки, академик Николай Иванович Вавилов сдох как собака в саратовской тюрьме...». (См. Елена Кешман. «ВЕТВЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ»).

Для Владимира в детстве оказалось шоком, когда он узнал, что не русский. В их обрусевшей еврейской семье все говорили только на русском. А в московском дворе кто-то из мальчишек обозвал его жидом. Вечером Эфроимсон поинтересовался у отца, что означает такое слово. Выслушав объяснение, уточнил:

– Папа, а ты и бабушка еврей?.. И я тоже, выходит, еврей, – сделал вывод ребёнок.

Ожог от полученной информации оказался сильным, и ум маленького Володи ещё долго крутился вокруг этой темы. Отец на мучивший сына вопрос, почему не любят евреев, чтобы разрулить ситуацию, ответил так: на евреев недовольно косятся в любой стране, а не только в России. Но ни одно государство без них обойтись не может. Знания и ум нужны всюду и всем. А евреи любят учиться...

Так исподволь у ребёнка формировалась вера в неиссякаемые возможности науки, необходимость постижения её закономерностей и соблюдения их истинности. Возможно, такое объяснение как-то подогрело и его интерес к занятиям, изучению иностранных языков для лучшего постижения разнообразия всего живого. В результате в семнадцать лет, несмотря на строгий экзаменационный отбор, – поступление на биологический факультет физико-математического отделения Московского государственного университета.

А через четыре года он получил первый удар за преданность любимой науке. Его исключают из вуза потому, что оказался единственным студентом, который выступил в защиту своего прекрасного педагога Сергея Четверикова⁵, обвинявшегося в приверженности к троцкизму. Хотя главной причиной гонения являлось социальное происхождение учёного, выросшего в семье крупного русского фабриканта. Происшедшее стало важной подсказкой: во-первых, не только национальные особенности определяют главные качества и поведение личности. Во-вторых, за отстаивание научной истины нужно бороться.

За что, донимала журналистка, он дважды осуждался как враг народа? Над этим Эфроимсон размышлял много и сам. И после вежливых разговоров со следователями НКВД на Лубянке, отправивших его на три года в таёжный лагерь Кемеровской области ещё до войны. И во время второго раза в Казахстанском лагере для политзаключённых, уже после войны, когда он начал открытую борьбу с идеями академика Лысенко. Там среди осуждённых было удивительно много талантливых учёных, писателей, артистов. И сам собой напрашивался вопрос: почему советское государство боится неординарных людей, стремится их уничтожить? Причём самых одарённых – в первую очередь. Размышления о сути естественного отбора подсказывали Эфроимсону, что таланты не любят и не желают подчиняться. Они протаптывают свою дорогу во всех сферах жизни. А государство строится на строгом соблюдении дисциплины. Хотя всякая монополия – путь к деградации не только личности, но и власти. А если к неограниченной власти в науке или стране приходит человек, который руководствуется личными интересами, для общества это угроза страшнее атомной бомбы.

Творческие люди память о себе оставляют по-разному. Одни расширяют горизонты науки, пишут хорошие книги. Другие стремятся улучшить общество. Бывает, что книги сжигают, а памятники – сваливают. Но жизни таких людей в генетической памяти народов остаются. Со временем наука подскажет, как правильно управлять этой памятью.

Учёный может и ошибаться в поисках истины. Развитие науки со временем поправит его. Но то, как искал и отстаивал он свою истину, останется людям навсегда бесценным моральным опытом. Главное – любить научную истину больше, чем самого себя.

Именно в годы пребывания в Степлаге⁶, когда им осмысливались результаты накопленных научных опытов, он уже начинал догадываться: власти имманентно свойственно продвигать вверх прохвостов и мерзавцев. Дело не только в его научных убеждениях, идущих вразрез с партийными установками, трактовавшими генетику как буржуазную лженауку. Беда заложена гораздо глубже, в самой системе, на которой строится жизнь страны. Сейчас это им понимается уже отчетливо⁷.

⁵ Четвериков Сергей Сергеевич (1880–1959 гг.) – выдающийся русский и советский биолог, основоположник популяционной генетики.

⁶ Степлаг (Степной лагерь) – особый лагерь для политзаключённых, управление которого располагалось в Карагандинской области Казахстана.

⁷ В шестидесятые годы Эфроимсон пришёл к выводу: «Эта система привела к определённым принципам социального отбора, когда на вершину социальной лестницы пробираются наименее честные, наименее думающие, наиболее послушные люди, а одарённые, талантливые, ищущие, неконформистские личности отпадают безжалостно на самых ранних этапах, на самых первых стадиях отбора».

А прошедшее интервью растеребило прошлое, воскресило желание кричать о пережитом во всё горло, чтобы на его примере как можно больше соотечественников помнило и знало, что линия фронта – понятие относительное. Она проходит не только в районах боёв, но в тиши научных лабораторий, по страницам написанных книг и в душах людей. Ни аресты, ни концлагеря и многолетние старания КГБ-шников заставить его отказаться от собственных взглядов, сделать из него осведомителя оказались безуспешными. Скорее наоборот. Чем тяжелей выпадали испытания, тем больше укреплялась его вера в альтруизм, понимание, что именно эти качества играют важнейшую роль в очеловечивании личности.

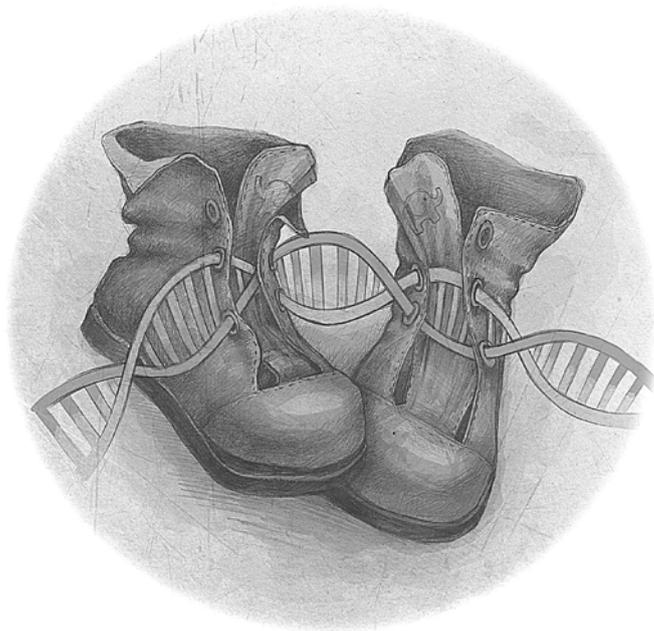
Когда его полностью реабилитировали, он обратился в КГБ за разрешением ознакомиться со своим личным делом. Больше всего Эфроимсона взволновали не страницы с протоколами давних его допросов, не неожиданные показания полузабытых свидетелей. А чёткое резюме какого-то важного чина на титульной обложке его пухлой папки: «Вербовке не подлежит». Для него оно стало величайшей наградой. Не меньшей, чем три боевых ордена и восемь медалей, полученные в годы войны.

Воспоминание о фронте помогли профессору воскресить в памяти, где же он видел ту голубизну глаз, которая вспомнилась ему при встрече с журналисткой...

Когда наши войска вступили в Восточную Пруссию, медсанбат их полка разместили в домах местных жителей. Ему, говорившему на немецком, как и на русском, было интересно выведать мысли и чувства тех, кто ещё недавно восхищённо вскидывал руки, слушая выступления фюрера. Хозяйка, выделившая ему комнату, носила пенсне, как дореволюционные интеллигенты. Преподавала в школе немецкий язык и литературу. По вечерам Эфроимсон старался разговорить её. Выведывал о соотношении учебных часов на теоретические темы и практические занятия, спрашивал, как учителя объясняли выдающиеся достижения учёных не арийской нации, затрагивал и другие темы. Учительница рассказывала ему об отрядах гитлерюгенда, о клятве на верность Гитлеру, которую давал каждый вступающий в них подросток. Эдакие вечерние интервью на кухне за стаканом чая, сахар к которому обеспечивал Владимир. От этих рассказов сердце Эфроимсона заволакивало тоской: он узнавал собственное детство...

Голубые глаза немки от стёкол очков казались очень большими и вначале смотрели на неожиданного собеседника с пугливой настороженностью. Она всё время косилась взглядом на стенку, где висела фотография её мужа в офицерской форме. Угол снимка прикрывал чёрный траурный треугольник. Эфроимсон удивлялся тому, как не увязываются пенсне с офицерской формой... Фрау призналась, что муж служил интендантом, погиб под Москвой. Постепенно настороженность голубых глаз хозяйки сменилась на любопытство.

Но в один из вечеров она встретила его разъярённой, в слезах. Оказалось, солдаты, проходившие через посёлок, изнасиловали трёх учениц из её школы. Несколько малолетних девчонок, пострадавших таким же образом, немка приютила в своём доме. Эфроимсон понял: необходимо принимать срочные меры. Вечером он написал докладную и передал её прокурору армии. Конечно, он понимал, чем может обернуться для него такое заступничество. И вовсе не сентиментальность руководила им. За годы войны на фронте пришлось повидать многое. Их часть освобождала Майданек. На складе этого концлагеря Эфроимсон видел гору детской обуви, оставшейся от задушенной в газовых камерах детворы. До сих пор ему иногда снится пара ботинок из той кучи. Их шнурки, чтобы не запутались, аккуратно связаны бантиком, изнутри выступают кожаные язычки с нарисованными красным и синим слониками. Догадливые родители позаботились, чтобы ребёнок не путал, какой нужно надевать на правую, а какой на левую ногу...

Но одно дело воевать с теми, кто сотворяет такое зло, и совсем другое – мстить за него их детям. Только правда пугает негодяев всегда. Через четыре года после войны за ту докладную, которую он написал на фронте, научные противники обвинили его в клевете на советскую армию и загнали в лагерь...

Когда в конце беседы журналистка неожиданно поинтересовалась, а считает ли Эфроимсон себя человеком счастливым в личной жизни, он почему-то разоткровенничался. Вспомнил Киплинга⁸, который писал: мужчина помнит первую женщину, последнюю и единственную. Ему же, несмотря на все трудности, повезло в жизни потому, что у него все трое слились в одну...

Сейчас он сомневается, а нужно ли было затрагивать эту тему вообще. Хотя, если разобраться, вся жизнь человека – тоже интервью с самим собой. Оно станет интересным многим только тогда, если будет добрым и искренним. Пусть люди узнают кусочки из его жизни. Возможно, в мире от этого станет чуточку лучше.

ГОРЬКАЯ РАДОСТЬ

Историко-психологическая новелла

«Тогда какой смысл продолжать свою жизнь», – надоедливой мухой вот уже несколько дней беззвучно кружилась в голове украинского писателя одна и та же мысль. Он старался её отогнать, но, отлетев на короткое время, она возвращалась опять и опять... Почему, пытался он разобраться, вместо радости известие о присуждении ему этой премии нагнало хмурое настроение и такие чёрные мысли... А все разговоры на тему о том, что для детей нужно писать, как для взрослых, только ещё лучше, теперь раздражали и вызывали досаду...

* * *

Солнце словно опомнилось и в короткие октябрьские дни после заморозков грело повесенному. На неожиданное тепло отозвались наивные вишни. Обневестились белым цветением, сбили с толку растолстевших за лето

шмелей. Они налетали с разных сторон, старательно осматривали каждую ветку, зарывая мохнатые головки в самые донца цветков. Те гладили их своими нежными пыльниками, и они обалдело жужжали от наслаждения.

А ведь при такой короткой обманчивой оттепели, подумалось Григору Тютюннику, даже завязь не успеет созреть. Термин «завязь» из словаря садовников, действительно, оказался завязанным со многими событиями в жизни и в подсознании писателя. Он разбудил в памяти длинную цепочку воспоминаний. Такое название было у одной из его новелл, опубликованной в центральном украинском журнале. Смысловая многозначительность слова понравилась, и первая книжка его рассказов получила такое же имя: «Зав'язь».

Сюжет новеллы был прост, а теперь кажется даже наивным и сентиментальным. Деревенскому парубку приглянулась соседская дивчина, они робко потянулись друг к другу. Неопытный парнишка боится поцеловать её, чтобы не получить оплеуху. Хотя, судя по деталям, он ей симпатичен, девушка старается ещё неумело, по-детски заигрывать с ним. Во время вечерней прогулки вдоль крутого оврага она говорит соседу: давай я буду падать, а ты меня поймай. А ну, удержишь ли?..

⁸ Джозеф Редьярд Киплинг (1865–1936 гг.) – известный английский писатель, поэт и новеллист.

Ухажёр поскользнулся, чуть не упал. Зато успеваает с разгона уткнуться губами в девичий платок. И слышит неожиданное:

– Зачем же ты... аж за ухом, глупенький...

От этого шёпота сердце подростка начинает стучать колоколом. Обнявшись, счастливые, они сидят рядом и расходятся уже за полночь...

У калитки дома мальчишку поджидает родной дедушка и просит помочь ему окуривать сад, чтобы дымом отогреть завязь деревьев от ночного заморозка. Тот набирает охапку хвороста и раскладывает костёр как можно ближе к соседнему саду. Чтобы дымок защитил и деревья любимой...

Рассказ всего на полторы странички. А сколько нареканий пришлось Григору выслушать в редакции, пока рукопись отправили в набор. И от рецензентов досталось, когда она увидела свет. Мол, воспеваает он мещанскую обывательщину. Советский писатель, поучали его, обязан понимать: талантливое слово не только украшает рассказ. Оно должно нести и воспитательную функцию.

Но разве он был против таких истин? Только проявление этой самой функции ему понималось по-другому... Ведь оно необъяснимо, как чудо любви.

Да, он никогда не писал напрямую, что для воспитания у человека патриотизма государство должно не обманывать своих граждан. Даже самых маленьких. Что из-за трещинок между проповедуемыми в стране и в семье идеалами и теми реалиями, которые допускаются властью и родителями, вырастают циники и предатели.

Именно об этом и был его другой рассказ – «Смерть кавалера». Кавалером некоторые в ремесленном училище иронично называли недавнего фронтовика, Героя Советского Союза, которого прислали туда замполитом. Слово подхватило и чуткое ухо мальчишки, не уловив сразу заложенную в него иронию.

– Он прямо с фронта, сам шесть танков фашистских подбил, – восхищённо делится с матерью важной новостью герой рассказа. – Директор называет его – наш кавалер...

– Так, может быть, вас теперь и кормить лучше станут, – осторожно комментирует новость мама, пересыпая в миску сына часть своей доли сваренных ею галушек.

Она знала, что в училище дети целый день полуголодные. И действительно, вскоре ремесленники, не вытерпев такой кормёжки, запротестовали. Несколько групп отказались идти в столовую:

– Помои дают... Хватит нас обкрадывать! – кричали самые смелые.

Директор всполошился:

– Вы понимаете, что это – бунт, политическая диверсия? – начал он обвинять политрука перед строем ребят.

Потребовал выявить зачинщиков. И недавний фронтовик спасовал. Не защитил безвинного паренька, ещё недавно восторгавшегося его воинским подвигом. Хотя знал, что мальчишка не мог быть заводилой...

Таков сюжет небольшого рассказа из послевоенного бытия ремесленных училищ. Но сколько нервов пришлось потратить Тютюннику, чтобы литературные чиновники его всё-таки включили в содержание первого сборника...

Возле той вишни с обманчивым цветением Григор стоял ещё осенью, когда в редакции журнала ему нашептали, что в республиканском союзе писателей рассматривался вопрос о присуждении литературных государственных премий за 1979 год. И, мол, его фамилию крепко отстаивает Павло Загребельный⁹. Пересказывали, будто маститый писатель в сердцах выдал такое: пройдут годы и нас забудут, а вот Григора – никогда. Потому что у него все герои думают и говорят по-человечески, наделены главными чертами национального характера, а наша украинская мова у Тютюнника действительно кавунова...

Сладость родного украинского слова Тютюнник, видимо, впитал с самого детства. В его семье и в родном селе под Полтавой все говорили по-украински. Когда отца арестовали и как врага народа в тридцать седьмом году угнали в Сибирь, мальчишку принял в свою семью родной дядя, проживавший в обрусевшем Донбассе. Но всё равно, поступая в школу, Григор решительно выбрал класс

⁹ Загребельный П. А. (1924–2009 гг.) – выдающийся украинский писатель, Герой Украины, автор широко известных исторических романов «Ярослав Мудрый», «Богдан Хмельницкий», «Роксолана» и др., лауреат Государственной премии им. Т. Г. Шевченко.

с украинским языком обучения. В нём оказалось всего семь человек, его вскоре расформировали, пришлось переходить в русский. Тридцать один год он разговаривал, писал письма и даже первые рассказы по-русски. Всё же материнский язык не задохнулся в нём. Подобно ростку, попавшему под асфальт, он всё-таки пробился...

Григор хорошо помнил, как и с чего началось это. Служил он радистом на флоте, аж на Дальнем Востоке. Морзянкой – универсальным языком радиосвязи – овладел быстро, мог на слух принимать любой текст с большой скоростью. Но то был каменный язык, пригодный для передачи информации, а не мыслей и чувств. В их отделение попал паренёк из далёкого Узбекистана. Ему родители выслали из дома национальный халат.

При малейшей возможности в жару или лютую стужу во время вахты, когда офицеров поблизости не было, поверх гимнастёрки или шинели парень напяливал халат на себя.

– И тебя спасает такая халабуда? – удивлялся Григор.

– Так он же из хлопка.

– Ну что с того? Разве он теплее шинели?..

– Хлопок вырос в Узбекистане... На родине... А родина, как родная мама, жалеет и греет всегда...

Не совсем так, подумалось тогда Григору, никогда не забывавшему судьбу своего отца. Даже после его полной реабилитации боль и обида не рассосались. Но тогда промолчал, не стал выступать...

Позднее подобным халатом для него стала родная украинская мова... Да, он с охотой переводил хорошую русскую прозу. Восхищался словом и смелостью Василия Шукшина, Виктора Астафьева, Валентина Распутина и других знатоков деревенской жизни. Но свои рассказы после армии рождались у него только на украинском.

О сложных чувствах к родной стране и между любящими людьми, их причудливом переплетении он недавно постарался рассказать иносказательно в короткой новелле «Три зозули с поклоном». Даже два эпиграфа придумал к сюжету. Первый, как принято, поместил сразу после названия:

«Любви всевышней посвящается».

Потому что любовь, душевная чуткость составляли для писателя смысл жизни и творчества. Второй дал подзаголовком тоже в углу страницы почти в конце повествования:

«Последнее письмо от отца».

Вся новелла была написана от лица студента, который возвращается на лето в родное село и видит возле их хаты немолодую соседку тётю Марфу. Проходя мимо, он с ней здороваётся, а она долго-долго смотрит ему вслед.

– Мама, – интересуется студент после того как пересказал куцые городские новости, – а чего тётя Марфа каждый день сидит возле почты и всегда на меня так пристально смотрит?

Мать долго молчит, потом вздыхает:

– Она любила твоего отца. А ты на него похожий...

Но, узнаёт позднее студент, была ещё одна причина, из-за которой соседка каждый день оказывалась у почты. Она высматривала почтальона. И выпрашивала у него треугольники писем, которые получала мать от мужа, сосланного в Сибирь. Почтальон, конечно же, не давал ей читать их. Но её устраивала и возможность прикоснуться к ним. За эту милость Марфа одаривала листоношу приготовленным заранее рублём из своего скудного заработка колхозницы.

Мать рассказала сыну про то, как в молодости Марфа влюбилась в его отца. Как загорались глаза соседки, когда смотрела на него. Матери даже было жалко её. Она говорила мужу:

– Ты бы хоть разок на Марфу глянул, когда проходишь. Видишь, как она к тебе светится...

На что тот отвечал:

– Зачем человека мучить, если он и так мучается...

А в конце новеллы Григор привёл последнее письмо, полученное от отца студента. В нём он признавался любимой жене, будто чувствует по ночам, что несчастная Марфина душа ходит около него. И просит жену сходить к Марфе и передать, что он послал ей, как пел на их сельской ярмарке слепой бандурист, три зозули с поклоном. Но не знает, перелетят ли они через непроходимую Сибирь, или упадут от мороза...

Перечитывая это письмо, которое мать сохранила, студент размышляет над тем, как удивительно очищает души истинная любовь.

Парень думает:

«А почему они не поженились, чувствуя так один другого?»

И в голове у него проносится:

«Тогда б не было тебя»...

На этом обрывается новелла. И не случайно. Хороший поэт понял, что выстраданные строчки пропитаны кровью. Они требуют осторожности¹⁰.

Ой, сколько мучили Григора разные критики и редакторы одним и тем же вопросом: «А что автор хотел сказать такой концовкой? В чём же главный смысл написанного?» Словно художественная литература – дисциплинарный устав. Но, слава богу, не всё ещё можно объяснить в этом мире...

Григор не молчал о наболевшем. Писал, выступал в Союзе писателей. Родственник, работавший в Управлении по печати, ему сообщил недавно, что к ним пришла секретная бумага с перечнем украинских писателей, фамилии которых не рекомендуется упоминать в центральных газетах и журналах. Там и он фигурирует. Стало понятно, почему сборники его рассказов неоднократно отодвигают по разным предлогам в планах не только республиканских, но и областных издательств. А он мучился: почему происходит такое?..

Да, всё же дали ему республиканскую премию имени Леси Украинки за произведения для детей. Конечно, он рад и такому признанию его таланта. Только счастье получилось с горчинкой. Ведь и в этом отчётливо пробивается всегдашняя украинская вторичность. Не главную, Шевченковскую, а ту, которой помечают писателей послабее. Но разве, всплывает в душе Григора вопрос, он пишет только для детей. Неужели его проза не затрагивает то, что беспокоит и взрослых. Почему с произведениями, перепахивающими душу, украинцы могут знакомиться только по переводам русских и зарубежных писателей? Будто на родной земле рождаются худшие. Ладно, возможно, и ему когда-нибудь всё же присудят первую премию страны...

Тютюннику вспомнился конь, которого недавно увидел в городском парке. В тёплый денёк наступившего марта туда вывели несколько лошадей, чтобы покатавать на них детишек. Григор обратил внимание на чёрного рысака. Тот стоял, понуро опустив постаревшую голову, терпеливо переступал с ноги на ногу, словно вспоминал дни, когда мог в такую погожую весеннюю пору носиться по бескрайней южной степи, запряжённый в тачанку. А за спиной у него громко стучал пулемет...

Григор подошёл ближе, провёл рукой по ещё статному загривку лошади. Она уставилась на него, не моргая громадным глазом, похожим на переспевший чернослив. И столько тоски осело во взгляде коня, что он даже несколько раз снился Григору. А тогда в голове почему-то мелькнуло: для каждого творца важно, чтобы признание приходило своевременно. Счастье часто горчит, если запаздывает. Он же замечает, как постепенно тупится память, всё тяжелее вылавливается свежее слово для очередной новеллы...

А писатель должен быть вперёдсмотрящим вахтенным матросом, бдительно наблюдающим за окружающей обстановкой, раньше других замечать опасности и своевременно сигнализировать о них стране. Ведь всё, написанное кому-то в угоду, со временем отзывается ему горьким пощёчком. Истинный художник не может быть холоуём власти...

* * *

«В тот вечер мы поздно вернулись домой: сидели в ресторане накануне 8 Марта. Григор был под хмельком. Легли спать. Ночью я в туалет, а он закрыт изнутри. Зову – не отвечает. Я разбудила сына, ему уже 17 лет было, школьник. Он как-то там открыл дверь. Как я увидела мужа... Боже мой! Висит... Сын сам делал искусственное дыхание, вызывал «скорую» и милицию. Дальше ничего не помню. Была ли какая-нибудь записка? Была, но её забрала милиция. В предсмертной записке Григора Тютюнника запомнила одну фразу: «Помучьте другого...»

(Из интервью жены для газеты «Зеркало недели» накануне 75-летия Григора Тютюнника).

¹⁰ Имеется в виду место из стихотворения Бориса Пастернака: «О, знал бы я, что так бывает, / Когда пускался на дебют, / Что строчки с кровью – убивают, / Нахлынут горлом и убьют!»

СТО ЧАСОВ СЧАСТЬЯ

Историко-психологическая новелла

Талантливый композитор Марк Минков и Алла Пугачёва, не раз переживавшая шквалы любви, хорошо почувствовали всю драматургию, вложенную в неприметное стихотворение Вероникой Гушновой пятнадцать лет тому назад. На фоне кадров пронзительного кинофильма «Летят журавли» певица заново открыла его нам. И миллионы людей, соглашаясь с ней, на разные голоса и мысленно, про себя, теперь повторяют как заклинание: «Не отрекаются любя...»

* * *

А настоящие песни, оказывается, рождаются так... Вероника Михайловна Гушнова наблюдала, как состав пригородной электрички зелёной гусеницей вытянулся на дальнем повороте перед станцией. Вскинув над крышей первого вагона дугу бугеля, он обрадованно полз к остановке. Вероника направилась к началу перрона, откуда обычно начинался отсчёт вагонов. Она уже знала место, где со вздохом облегчения раздвинется дверь и покажется Александр.

Прежде он приезжал всегда в третьем вагоне пригородной электрички. Теперь Яшин назначал свидания в пятом.

– Не хочу, чтобы хоть что-то, связанное с тобой, отдавало посредственностью, – заявил однажды Александр. – Пусть всё, напоминающее о тебе, вызывает отличное настроение.

И они стали встречаться у пятого вагона. Если бы их отношения зависели только от этого...

По привычке, оставшейся после четырёх лет учёбы в Ленинградском мединституте, Вероника обхватила пальцами запястье левой руки, чтобы нащупать дрожь пульса перед предстоящим появлением Яшина. И пока состав подбирался к станции, перебирала в памяти всё происходящее в её жизни после их знакомства...

«Ну вот», – одёрнула себя Вероника, подсчитав участвовавшие удары сердца, словно у неё первое свидание. Она недавно прикинула всё время их потаённых встреч. Набралось около ста часов. Сто часов счастья – для женщины её возраста – почти вечность. Счастье не может быть долгим. Особенно у поэтов...

Новый сборник своих стихов, в который перельётся всё пережитое, она, пожалуй, так и назовёт: сто часов счастья¹¹...

Наверняка кто-то подумает или скажет, что она крадёт свои радости у кого-то другого. Чудаки, большая любовь не деньги, её невозможно украсть или потерять. Она как солнце – появляется и заходит по своим законам... А объём счастья и горя в мире между людьми распределён равномерно. Если кому-то повезло стать счастливым, значит, где-то у кого-то его убудет. Подобно закону сохранения энергии. Главная мудрость – уметь понять и сберечь привалившее тебе счастье...

Она пыталась разобраться, как и отчего накачивается на неё при каждом свидании с Яшиным опьяняющее желание быстрее прикоснуться к нему. Почему подстерегает каждое его движение с надеждой, что и он откликнется тем же. Хотя она не девчонка, представляет значимость подобных желаний, знает прекрасно, чем они заканчиваются...

Сколько раз хихвостила себя за такие девчоночьи свидания с Александром, обещая себе прекратить их. Ведь она же понимает тупиковость их отношений. Но стоит издали увидеть его рослую фигуру, уверенный разлёт плеч, умный прищур глаз или виноватую улыбку из-под рыжих усов с изморозью седины – и все обещания забываются.

Ей нравится даже издали наблюдать за его надёжной крестьянской походкой. Как неторопливо, с мужской уверенностью ставит он ноги. Так по-хозяйски по земле ходят только жители сёл.

Она всего на два года старше Александра. Но у женщины, если полюбит, свой отсчёт времени. Не раз ловила в себе оберегающее материнское отношение к Яшину, прощающее многое своему ребёнку...

«Что это?» – удивлялась и злилась сама на себя Вероника. Ведь уже дважды замужем побывала. Дочку вырастила. Откуда же этот хмель и головокружение при каждой встрече с Яшиным? А от переживаемого вместе с ним после каждой встречи стихи прут из её души как цветы после майского дождя:

¹¹ «Сто часов счастья» – последняя книга Вероники Гушновой – вышла в Московском издательстве «Советский писатель» в 1965 году.

*Сутки с тобою, месяцы – врозь...
Спервоначалу так повелось.
Уходишь, приходишь и снова прощаешься,
то в слёзы, то в сны превращаешься.
А сны всё грустнее снятся, а глаза твои всё роднее,
и без тебя всё немислимей! Всё труднее!*

Для любви в зрелом возрасте необходима, прежде всего, смелость. Юность всегда отчаянная. Ей нечего вспоминать, нет ещё с чем расставаться. Она не знает горечи разочарований. Её манит и прельщает будущее. Но если тебе под пятьдесят и тебя накроет шквал ошеломляющего чувства, то ты теряешься, не зная, радоваться или пугаться случившемуся. И то, что накапливает в душе, у Вероники быстро выплёскивается на бумагу:

*А у меня есть любимый, любимый,
с повадкой орлиной,
с душой голубиной,
с усмешкою дерзкой,
с улыбкою детской,
на всём белом свете
один-единный.
Он мне и воздух,
он мне и небо,
всё без него бездыханно
и немо....*

С возрастом меняется и любовь, она вносит в жизнь что-то новое. В начале жизни любовь безрассудна, она строится на страсти. В зрелости её фундамент – приобретённые знания... Да ещё – созвучие душ.

Чувства как кровь можно переливать из одного сердца в другое. При этом тоже главное – чтобы совпадала группа душевного настроения. Есть, есть такое, ещё не открытое и не исследованное учёными и психологами явление. Она же не только поэт, но и медик, физиологию в их институте изучали основательно. У них с Александром такие переливы происходят во время каждого свидания. Вероника мысленно повторяет недавние строчки, услышанные от Яшина:

*Только бы – рядом,
Рядом,
Радуясь, что нужна.
Вот прикажу –
И явится,
Ночь или день – не в счёт,
Из-под земли явится,
С горем любым справится,
Море переплывёт.
Надо –
Пройдёт по пояс
В звёздном сухом снегу,
Через тайгу
На полюс,
В льды,
Через – «не могу».
Будет дежурить,
Коль надо,
Месяц в ногах без сна...*

Сейчас она следит за приближением поезда и тонет в своих сомнениях. Нет, в себе-то Вероника уверена. Недостаёт мужества у Александра. Может быть, напрасно она пробудила в нём такую уверенность... Женщины утверждают: мужчина должен всегда бояться потери любимой. Мол, такой страх сохраняет у них глубину чувств надолго. Но у неё всё по-другому. О том, что у любви нет ни будущего, ни прошедшего времени и обитает она только в настоящем, что её нельзя оставлять на потом, Вероника усвоила навсегда ещё в молодости...

В годы войны во время эвакуации как медика Тушнову направили в казанский госпиталь медсестрой выхаживать раненых. Однажды в её палату после операции положили молодого лейтенанта. Почти мальчишку, недавно закончившего пехотное училище и подорвавшегося на немецкой mine. Ему ампутировали обе ноги. Придя на дежурство в палату, Вероника сразу заметила, как дико выглядела постель раненого. Большое туловище, прикрытое простынёй, неожиданно обрывалось в том месте, где должны начинаться ноги. А вместо этого – пугающая пустота обрубка.

Открывшись после глубокого наркоза, глаза лейтенанта детской голубизны восхищённо уставились на Тушнову. Он спросил, как её зовут. Потом его губы, налитые синевой, зашевелились:

– Хорошее имя... Подходит тебе... А мою невесту зовут Вера... Почти как тебя... Я её так люблю... Перед отправкой на фронт даже не полежал с нею... Дурак, пожалел... На после войны оставил... Поцелуй меня перед смертью... Ты такая красивая, как моя Верка...

Какая-то взрывная волна толкнула её к раненому. Она нагнулась к его подушке и навсегда запомнила сладковатый запах хлороформа, которым были пропитаны его губы.

Под вечер детские глаза лейтенанта сомкнулись навсегда и его унесли из палаты...

Конечно, как мужчина и писатель Яшин разделяет радость и боль от соприкосновения их судеб. Такое нельзя написать спокойной душой:

*Какой мерой мерится
Моя несурязица?
И в бога не верится,
И с чёртом не ладится.*

Ему нелегко. Да, за ним длинный хвост... У него дети от прежних браков. Но разве он виноват в этом? Каждому хочется, чтобы любовь длилась вечно и что-то оставалось после неё в этом мире. Она понимает: любящие убеждены, что испытываемое ими состояние неповторимо, поэтому стремятся удержать его чудо. И появляются дети...

Но Александр из тех мужиков, которые всегда отвечают за всё совершаемое ими. Не только в постели, но и за письменным столом... Он до сих пор переживает за написание «Алёны Фоминой»...

Первая его поэма после публикации и присуждения Сталинской премии стала ему семафором, открывшим путь в центральные издательства и журналы громадного Союза. А он и теперь мучается, что побоялся во весь голос рассказать о реальных трудностях и переживаниях женщины. Что вся история его героини получилась слащавой. Быть неискренним с одним человеком, сокрушался недавно Яшин перед Викой, греховно. А с миллионом читателей – подлость... Теперь он пишет такую правдивую прозу, которую боятся печатать центральные и областные журналы...

Груз чрезмерной ответственности перед детьми и женой порождает у нормальных мужчин нерешительность. Поэтому их отношения бесперспективны. В этом плане женщины гораздо отчаяннее...

Во время предыдущей их встречи Яшин честно признался, что не сможет порвать с семьёй. Его чувство вины перед детьми и женой не сделает его счастливым. Поэтому им лучше отречься от запоздавшей любви.

Боль услышанного и передуманного осела в начальных строчках нового стихотворения Вероники:

*Не отрекаются любя.
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,
а ты придёшь совсем внезапно.
А ты придёшь, когда темно,
когда в стекло ударит вьюга,
когда припомнишь, как давно
не согревали мы друг друга.*

*И так захочешь теплоты,
не полюбившейся когда-то,
что переждать не сможешь ты
трёх человек у автомата.*

Ночью, когда рождались строчки, Тушнова не смогла найти продолжение стиха и не знала, чем можно его закончить. Сейчас подползающий к станции поезд неожиданно подсказал нужные слова:

*И будет, как назло, ползти
трамвай, метро, не знаю что там.
И вьюга заметёт пути
на дальних подступах к воротам...*

Поезд затормозил у перрона. Сквозь стекло двери Вероника увидела лицо Яшина, его залучившийся взгляд, когда их глаза встретились.

Он всегда выходил из вагона первым. Чтобы, как выразился Александр однажды, быстрее увидеть её, увести от завистливых глаз посторонних мужчин. Говорил, что у неё обжигающая красота. Ещё он боится подстерегающих взглядов знакомых. Поэтому они ездят даже разными электричками...

Пока он сходил по ступенькам, в голове Вероники сложилось:

*А в доме будет грусть и тишь,
хрип счётчика и шорох книжки,
когда ты в двери постучишь,
взбежав наверх без передышки.*

Они вместе спустились с перрона, чтобы быстрее скрыться от посторонних, свернули в ближайшую рожицу. От нетерпения обнялись, припавши друг к другу. Когда их губы и руки освободились, Александр показал на окружавшие сосны:

– Их стволы, как канделябры, освещают нашу встречу...

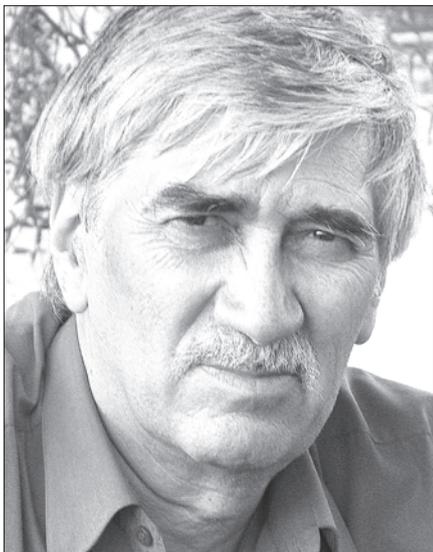
И пока они дошли к поселковой гостинице, где заранее был заказан двухместный номер, у Вероники сложилась концовка начатого стиха:

*За это можно всё отдать,
и до того я в это верю,
что трудно мне тебя не ждать,
весь день, не отходя от двери.*

Сегодня обязательно нужно прочесть это стихотворение Александру, подумала Вероника, пока Яшин возился с дверным замком. И пусть он решает, как ему поступать дальше. Для себя она уже прояснила: «Не отрекаются любя»...

Рисунки Александры Кручининой

Качан Анатолій Леонтійович. Письменник-мариніст, культурний діяч. Народився в с. Гур'ївка Новоодеського району Миколаївської області 16 січня 1942 р. Закінчив факультет української філології Одеського державного університету ім. Мечникова (1965). Працював кореспондентом молодіжної газети «Комсомольська іскра», редактором книжкового видавництва «Маяк» (Одеса). З 1971 року живе в Києві. Протягом тривалого часу очолював літературні відділи в дитячих журналах «Піонерія» (тепер «Однокласник»), «Барвінок», «Соняшник», республіканське літоб'єднання школярів «Первоцвіт». Був на державній службі в Міністерстві України у справах преси та інформації, в Комітеті з Національної премії України ім. Т. Шевченка. З 2003 року – голова творчого об'єднання дитячих письменників Київської організації НСПУ. Член редколегії журналу Спілки українських письменників Словаччини «Дукля». Автор 15 книжок для юних читачів (загальний тираж – понад 700 тис. прим.), твори широко представлені в хрестоматіях та антологіях української дитячої літератури. Заслужений працівник культури України (2001). Лауреат літературних премій: ім. М. Трублаїні (1982), ім. Л. Українки (2002), ім. В. Близниці «Звук павутинки» (2004), ім. Б. Нечерди (2006), «Київ» ім. Є. Плужника (2009), «Джури» – 2014 В. Рутківського та «Корнійчуковської премії» – 2015. Член НСПУ (1979).

Анатолій КАЧАН

ГУЛЯЄ ПАРУС НА ЛИМАНИ

ДОРОГА НА ПІВДЕНЬ

1

Степ широкий, а навколо –
Синій небокрай.
Поїзд дав колесам волю,
Крикнув: «Про-ща-вай!..»

А назустріч, від Херсона,
Рушили степи
І біжать навперегони
За вікном стовпи.

Ген тремтить під небокраєм
Марево в степах.
Білі села пропливають,
Мов на парусах.

Манить марево до себе,
Манить синій став:
Може, то уламок неба
У долину впав?..

Ті степи, ставки-дзеркала,
Синя далина
Ніби чимось прив'язали
Нас біля вікна.

По вагону шастав протяг,
І під стук коліс
В літню ніч заходив потяг,
Як у темний ліс.

2

Дрімать вогні у вагоні.
І тільки із рейками в лад,
Неначе копитами коні,
Колеса всю ніч цокотять.

Комп'ютер, шкільні коридори,
Напевно, сумують одні.
«До мо-ря, до мо-ря, до мо-ря!..» –
Співають колеса мені.

НА ШИРОКОМУ ЛИМАНІ

1

На широкому Лимані
Сходить День новий з води,
А рибалки та баклани
Ловлять Сонце в неводи.

Та сьогодні тільки зорі
Упіймались у ставник,
Бо подув-повіяв з моря
Свіжий вітер-низовик.

І вся риба руслом давнім
Від рибальських ставників
Дружно рушила у плавні
Слухатъ шепіт комишів.

Рибам теж цікаво знати
Все на світі і скоріш:
Чи розквітло вже латаття
І про що шумить комиш?

Манять їх і трави травня.
Тож коли росте вода,
Риба йде гуляти в плавні,
Як до луку череда.

Під пісні очеретянок,
Водяного бугая
Не один такий світанок
Зустрічав колись і я.

2

Над Лиманом на світанку
В прибережному селі
Заспівав на всю горлянку
Півень з Сонцем на крилі:

«Про-ки-дай-тєсь! Люди добрі,
Зустрічайте День новий!
Нам приніс його на обрій
З моря вітер низовий...»

Свіжим вітром із Лиману
Вже наповнені сади,
Виноградники, баштани
І маяк біля води.

А із даху над будинком
Флюгер-півень показав,
Звідки вітер-невидимка
До Лиману завітав.

3

На Лимані серед літа,
За знайомим маяком,
Білий парус ловить вітер
Парусиновим крилом.

Білий парус на світанні
Міряв з вітром довжину
Й широчінь душі Лиману,
А рибалки – глибину.

З голубого коридору
Між зелених берегів
Хоче парус вийти в море,
Погуляти на просторі,
Та боїться кораблів
І сердитих їх гудків.

Мимо острова в Лимані,
З вантажем на сотні тонн,
Ген пливуть вони в тумані
На Одесу, на Херсон.

Як із вирію лелеки,
Кораблі пливуть, пливуть,
Та вони в краї далекі
Білий парус не візьмуть.

А із берега махають
Мореплавцям хлопчаки.
Та і їх не помічають
Кораблі-мандрівники.

Бо вони, мабуть, не знають –
То не просто хлопчаки:
Саме тут і підростають
Капітани, моряки
І морські мандрівники.

4

Білий парус на світанку
Вітерець морський ловив.
Ну а я ловив тараньку
І бичків-пісковиків:
Вудку смикнув – і бичок...
Є?.. Попався на гачок!

А іще в той день неждано
Я зловив цей вірш для вас –
На широкому Лимані,
Де гуляв і мій баркас.

СВІТАНОК У ПЛАВНЯХ

В прибузьких плавнях – тиша тиш:
Дрімає човен над водою,
А заворожений комиш
Стоїть зеленою стіною.

Благословлялося на світ.
Ось дика курочка крилата
Чи то летить, чи то біжить
То по воді, то по лататтю.

Скидалась риба вдалині,
Латаття квіти розпускало.
І все ж, здавалося мені,
Чогось іще не вистачало.

Та раптом десь у комиші
Очеретянка заспівала, –
І легше стало на душі,
І поплавці затанцювали.

І тут я заново відкрив
Давно забуту мудрість літа,
Що без пташиних голосів
Немає радості на світі.

ЩЕ МОРЕ ТЕПЛЕ

Ще море тепле, ще сади
Не одягалися в червоне.
А вже ранкові поїзди
Привозять іній на вагонах.
У привокзальних квітниках
Жар чорнобривців догорає
І літо з айстрами в руках
Красуню осінь зустрічає.

ВЕДЕ ДОРОГА У СТЕПИ

Веде дорога у степи.
А від кургану до кургану
Десь на Херсон біжать стовпи
Через пусті поля й баштани.

А між стовпами у степах
Перед важкими перельотами
Сидять то сойки на дротах,
То сиворакші заклопотані.

Уздовж дороги за селом
Птахи прощаються із літом
І радяться із ватажком,
Як їм до вирію летіти.

– Полетимо у теплий край
Через Сиваш до Тарханкуту...
– Як не лети, як не кружляй,
А море нам не обминути...

Не окликай їх, не лічи,
Хіба цього з нас не доволі:
Наскільки глянеш вдалечінь –
Палають полум'ям тополі.

Десь там за віхами дерев
Нас виглядає при дорозі
Сутула хата з димарем
Очима закленими в осінь.

А біля стежки до води,
Вітрами хрещена і холодом,
Як маятник – туди-сюди –
Скрипуча хвіртка ходить ходором.

Десь там, десь там біля воріт,
Куди ведуть усі дороги,
В саду над айстрами висить
Останнє яблуко – для Бога.

МОРСЬКЕ ІМ'Я

За маяком розхвилювалось,
Заграло море неозоре.
То з ланцюгів вітри зірвались
І розгойдали Чорне море.

Ідуть і йдуть від небокраю
Високі хвилі-кучугури.
На гриви хвиль буї стрибають,
Немов голодні собацюри.

Біля причалу на припоні
Човни гарцюють, наче коні,
І роблять дивні викрутаси
Важкі шаланди та баркаси.

А вдалині біля причалу
Танцює яхта-балерина,
Яку морським ім'ям назвали,
Як і сестру мою –

МАРИНА.

Ирина УХОВА

КАК НА СВЕТ – ИЗ ОСТРОГА!

* * *

Меня, как рану, зашьёшь,
Кровь языком слижешь,
Спросив: «Как живёшь?
Пишешь?»

* * *

Пик любви в глазах небосвода –
И не любят сильнее,
В солнечном обмороке природа –
Нет теней.

Солнце лижет стайку мальчишек,
Слетелись, сели в ромашку,
Спины – горячие лепестки, а стрижки –
Сплошь перекрашены

Лучей пучками. Пыльцы пылинки –
С ума сводят,
Солнце под руки – под две былинки
С неба уводят

Ангелы бледные... Обморок солнечный,
Всесолнечный обморок у всего,
Что живо, и даже не будет полдничать,
Не жаждающая ничего,

Кроме тепла, с самого рассвета.
– Нет этой любви сильнее!
Солнечный обморок – любящим летом –
Сегодня назначен мне.

* * *

Борису Пастернаку

Сын Земли. Битый. Светлый. Повенчанный.
До мурашек, как на свет – из острога!
Я поверила в то, что женщины
Могут рожать от Бога.

Ухова Ирина Вадимовна (девичья фамилия Репичева). Родилась 20 февраля 1965 года в г. Рязани (Россия). Рано осиротела, воспитывалась бабушкой в Рязани. После школы окончила строительный техникум, вышла замуж за офицера. Молодая семья приехала в Николаев, куда направили мужа, в середине 80-х. Работала в НИИ «Дар». Была членом Литературного объединения «Стапель» и Клуба авторской песни «Белая ворона». Публиковалась в местных газетах. Однако с развалом СССР совпал её жизненный кризис (распалась семья, муж вернулся в Россию). Поэт, она не сумела вписаться в «рыночные отношения»; не умея продавать – отдавала. Читала стихи на улице и в транспорте. Одни шарахались, принимая её за умалишённую, другие оставались безразличными, третьи сочувствовали. Оставшуюся без средств существования, её поддерживали немногие друзья, знакомые и малознакомые люди. Рано или поздно это должно было кончиться. Кончилось рано... Трагически погибла 12 июня 1998 года в г. Николаеве. После её смерти было несколько публикаций в периодической печати, а также небольшим тиражом вышел посмертный сборник её стихотворений и посвящений товарищей Ирины.

УТРО

Март с востока розовощёк
И душист, и почти невменяем!
Абрикосы роняют пушок
Лепестков – и не до меня им.

Март торопится, Март щебечет,
Улыбаясь, бодрит и будит,
Тормоша за квадратные плечи
Все дома: «Просыпайтесь, люди!»

РЯЗАНИ

Я возьму в этот город
Любимых людей.
В этом городе говор
Особенный, добрые лица!
А любимые люди мои
Носят много идей,
И одну основную:
Забыться, забыться, забыться.
Я возьму этот город,
Словно запах цветка на ладонь.
Вентилюет лёгкие
Воздух Рязанский особенный,
Ты красивой картинкой моей,
Нелюбимый, не тронь!
Вот вспорхнул мотылёк –
И крылышки не срисованы.

* * *

Какая грусть от осени исходит,
Сестра моя! – Я не люблю сестры,
Что мне напоминает об уходе,
О глупом о ж и д а н и и , о срыве

Всех чувств в букет кровавый георгинов,
В бездумные головки хризантем.
Всё сорвано. Всё собрано. Всё сгинет.
И ветер от смертей осатанел.

Сестра моя... Я так тебя люблю!
Ты мне напоминаешь об уходе,
Я нервно край кармана терблю
И напеваю злобно о погоде...

Сестра моя! Побольше отсырей,
Покрой таким туманом городишко,
Чтоб люди, не найдя своих дверей,
Сидели дома, чтобы мне не слышно
Их было, мне, гуляющей в тумане.
И я достану руки из карманов.
И я достану крылья из карманов.

ПЯТАЯ СТИХИЯ

Что происходит? Что-то с погодой:
вешние ливни, осенняя грязь.
Где я сейчас? В пятом времени года.
Мёртв календарь, и разорвана связь.

Что происходит? Что-то с планетой:
компас начертят кусочком угля –
мир явит пятую сторону света
там, где четыре столкнула земля.

Что происходит? Что-то с колодой:
жутко гадалке, теряющей власть.
Ну же, цыганка, что ждёт меня? Что там?
И выпадает пятая масть.

Что происходит? Что-то с природой:
огненный воздух с водой грешат
так по-земному, что скорые роды
пятой стихии предвидит душа.

Что происходит? Пятое ЧТО-ТО.
Ненависть, пропасть, любовь, высота?
Что же грозит ещё? Творчество. Вот оно:
пятый, завещанный нам луч Креста.

* * *

Я вплотную к холодным плитам:
Компенсирую жар.
Я – пожар, по венам разлитый,
Жар прилил к щекам.
«Не жалейте меня, не тушите», –
Срывается пламя с губ, –
Я к холодным плитам прибита:
Не сгорю, не дадут.

* * *

За то, что не умею жить
Я тихо-тихо, доморощено,
Костёр, прохожий, разложи
Из всех грехов моих на площади
Победы – шпиль там, расстелюсь
Клубами чёрными над клумбой,
Над круглой – тучею прольюсь
На город весь, я в каплях крупных
За всё, за всех вас наревусь!
Я смысл придам покатым крышам.
Люд с тротуаров – прочь! И пусть
По водостокам вой мой хлышет
На землю. Пейте плач мой. Выше,
Мне выше – я грозой начнусь
И громыхну в ответ на вспышку
Неоскорбимых чувств!

ДОМА

Как наш дом неуклюж, уродлив,
Снизу, всеми пятью этажами,
Винограда слезами исходит –
И шажками Август отходит
От балкона с курящим в пижаме.

По соседству, и там, и здесь
Одноликость, бетон одногодок.
(Как оплакивать ложную спесь?!).
Август, Август, мечется песнь
Меж кирпичных перегородок...

Нависают лохматые брови
Голубями обжитых крыш,
Виноград по-осеннему томен,
Гроздь к холоду льнут с любовью –
Разве это им запретишь?

И расскажут стены, расскажут –
Неуклюжие: тяп да ляп,
Заболевшие налетом сажи, –
Как давно виноградинки жаждут
Полной спелости, просто горят!

Это снизу стебель коряв.

* * *

Хочешь кофе, мой страх за спиной?
Я могу заварить тебе чаю,
В дымовую вуаль облачаюсь,
Закурив. Побеседуй со мной!
Шторы вздрог. Страх мой, нет,
Отойди, дай к бумаге вернуться.
Отойди! А страх ближе, тесней...
Вздрог – и кофе плеснулся за блюдце.

* * *

Этот меня убивает по капельке –
медленной пыткой,
а этот убьёт меня сразу:
задушит на первой фразе,
глазами выстрелит тот –
и тоже убьёт.
А когда я наконец-то погибну
или умру в больничном сраме,
сверху, откуда всё здорово видно –
не-умершими глазами, –
буду я в прозрачной накидке
убийцам моим посылать улыбки!

ДЕТСКИЙ ПЛАЧ

За стеклом, со звоном льдинок
 (Голубь, крылышки припрячь),
 Вальс слезинок, вальс дождинок –
 Детский плач.
 Эти важные вопросы
 Мокрых глаз: дождинка – кап!
 И хрустальные заносы
 На стекле и на щеках.
 Эти важные проблемы:
 Ложку в ручке удержать.
 Кап, кап, кап – как теоремы,
 Лишь с любовью доказать.

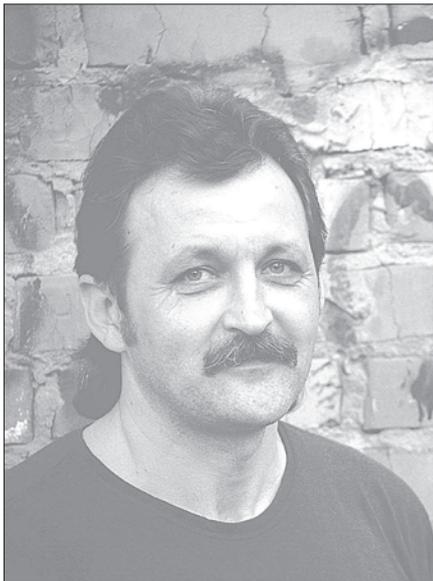
* * *

Мы с тобой уснём, как дети:
 Расскажи мне про меня...
 Этот сон почти бессмертен,
 Мы с тобой уснём, как дети:
 Кто нас снами поменял,
 Как местами? Перестанут
 Горы вглядываться в нас.
 Горы гордые застанут
 Нас, поющих в ветках фраз.

* * *

Настолько пустота, что – минус имя,
 И минус жизнь, и минус тело...
 Настолько пустота, что ощутимо
 Несущество предстрочного пробела –
 В котором н и - ч е - г о , который н е - з а - ч е м ,
 Который пуст, как правило. Вопрос:
 «Вас как зовут?» – ненужнее, чем счесть
 Листву на тополе, на шубе ворс...
 Без имени. Без взгляда. Долгий минус
 Какой-то жизни... Так ли умирают?
 Цепляюсь пальцами, уже и не своими,
 За пустоту, а лица уплывают
 Всё дальше, там, в недостижимом оставшись,
 Немилостивы. Миг последний – крик,
 Крик с хрипом: «Не оставьте так, пропавшей,
 Зависшей!» В невесомости тошнит.
 Устойчивости дайте пустоте.
 Пустой настолько, что – минус тень.

Торхов Алексей Валентинович. Поэт, прозаик, публицист. Поэтический псевдоним – «А.В.Торх...». Родился 28.02.1961 г. в селе Олинск Нерчинского района Читинской области (РФ). Окончил юрфак Одесского государственного университета им. Мечникова (1992). Обладатель Гран-при нескольких всеукраинских фестивалей. Победитель Международного фестиваля «Славянские традиции» (2009). Автор шести поэтических книг и книги прозы «Северны сказы про Максимку бога». Председатель Николаевской областной организации ВТС «Конгресс литераторов Украины». Награждён Международной Отметинной имени Давида Бурлюка (Международная академия зауми, Германия, 2010); литературной премией «Славянские традиции» (2010). Соорганизатор открытого Всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния» (г. Николаев). Выпускающий редактор литературно-художественного журнала «Соборная улица».

Алексей ТОРХОВ

БАБНАДЯ

*Война окончена.
Давайте похороним наших мёртвых.
И выкопаем из земли живых.*

Игорь Юганов

На тысячу божьих одуванчиков приходится один божий колокольчик.

Именно так, если верить учебнику ботаники для последнего класса.

Дети – цветы жизни, дикорастанут на обочинах. Красуются в школьных клумбах. На подоконниках тоже хватает – всматриваются во взрослое сквозь тепличные стёкла. Это потом – пестики и тычинки. А пока только лепестки: белые-красные-разные. Да солёная роса. Сыщи среди них хоть один одуванчик! Шутишь? Сплошь – колокольчики...

Со старушками иначе. Всё наоборот у них. И лепестки давно внутрь упрятаны, вечереть наладилась. И роса у них несолёная. И ползёт по щекам вверх – глубокими морщинами, знакомыми трещинками – по памяти пробирается. Пока обратно в глаз не юркнет. Как блудного взгляда возвращенье.

А ещё у них щепоть волос седых поверх головы, на затылке туго стянута. А ещё глаза на солнце повыгорели, судьбе вослед поблёлкли. Фигурки – лёбезные такие, хоть в горсть собирай, хоть добрыми словами подклеивай. Кажется, дунет жизнь посильнее – и разлетится ещё один божий одуванчик. И станет в этом месте пусто, а на душе – лысо...

А с пятого этажа до Бога так же далеко, как и с первого.

Бабнадя...

Так её здесь величают, если кто позвать надумает.

Сколько раз она мысленно выбиралась на крышу! А дальше-то как?

Никак. С костылями не налетаешь.

Потому и сидит у окна, синь небесную в пустые глаза зазывает. И тоже – никак. И поговорка: «Все под Богом ходим!» – уже как бы не для неё. Сидит. Даёт костылям отдохнуть от своих сухоньких подмышек.

А ещё чаще – лежит. Под Богом.

Общежитие. Общее житие. Только не получается житие-то. Измельчали люди. А может, Бог уже тех, кто покрупнее, собрать успел.

«Это, поди, как свежескопаную картошку сортировать... когда от земли сырой подсохнет. Сидит усталый Бог, на четыре ящика раскладывает. Резаную – на еду. Крупную – на хранение. Среднюю – на семена. А мелочь всякую – живности на кормёжку...»

«Спаси и сохрани» – написано на обратной стороне крестика. На той, что буквами этими тела её касается.

«Если крупные – на сохранение... А ведь, ежели разобраться, всё одно потом – не на еду, так на продажу. Выходит, лучше средней быть? Только какие уже из меня семена...»

– Бабнадя! Наша кошка не у Вас? – без стука просовывается в неприкрытую дверь голова соседки.

– Неунас-неунас... – скороговоркой отвечает Бабнадя. – Не помню, штоб гостевала. Голова исчезает без лишних слов, как не было.

«Не-у-нас... У нас ЖЭК за неуплату память отключил. У нас только склероз и долги. Да вот ещё – Сюня со Шнырой...»

Сюня – маленький чёрный котёнок. Восторженно сжался от страха на её груди. Как мохнатое, когтистое, очень дополнительное сердце, которое ещё не умеет биться, только мурчать. Шныра – побольше и белая. И наглая за двоих, остальное – в имени.

«Так, про што это я?.. Про семена? Тьфу, нашла про што! – не семенная уже давно я, не семен-на-я...»

О многом думается, когда мир молчит. Когда он даже не мяукает в твою сторону.

«Кстати, почему не мяукает-то?..»

– Шныра-Шныра! От, холера, опять убежала!..

Морщась, встаёт, пристраивает к телу деревяшки, выползает в коридор. Медленно передвигается, в углы тёмные подолгу всматривается. Молча. Потом замирает у открытого окна. Покачивает головой, поджав сухие губы.

«В детстве ходули манят, а в старости – костыли... Што ж нам своими-то не ходится, своими-то не можется?»

– А это, Константиновна, от нетерпения... – проходя мимо, молчу ей в ответ. – В детстве скорее вырасти хочется. А на финише – в землю нырнуть. Костыли правильную стойку нырца формируют... Делает вид, что не слышит. Вслух в ответ бормочет:

– Хлебушек-то какой хороший, мякотький, бабушке в аккурат...

А в руках – свежий батон. Вертит его, разглядывает. Аромат вдыхает. Откуда батон-то взялся? Никто к ней не подходил, не одаривал. Из-за окна что ли? Пятый этаж...

Бабнадя... Про таких говорят: «Не от мира...»

Глупости! От войны, что ли? Хотя... Может и так. Сколько себя помнит – как на войне бытовала. Да и комнату свою обживала, будто окоп одиночный. Если жизнь в лицо холодом дышит, а за спиной вовсе заканчивается – и полевой цветочек на бруствере красой сиротливой глаз радует. А поверх и вовсе – огромное небо!

Комната маленькая, спартанская. Никаких излишеств, понятных человеку обычному. А вот непонятных – изрядно.

На полу – старые газеты расстелены, вместо ковра, буквы в них полузатоптаны. Правда, если очки надеть, можно и вчитаться. С её-то склерозом, куда пальцем не ткни – одни вечнозелёные новости.

И на столе газеты, и на кресле покосившемся.

В углу комнаты и вовсе – трава свежая растёт поверх газет. Будто здесь в газон играли. А если по сторонам всматриваться, много иных несуряниц обнаружить можно.

И на довесок, в шкафу – голос негромкий живёт. Одежды там пшик, и та – одно название, моль гнездиться не хочет. Слева, на верхней полке, как водится, «на смерть» припасено. И всё! Остальное – запасной воздух.

Другие-то хоть скелеты былых грехов в шкафу хранят, бельём тщательно прикрытые. А ей и прятать нечего. Только голос. Места ему вдоволь, звучит, когда вздумается. Иногда про незнакомых

людей рассказывает. Иногда мяукать начинает, котёнком плакать – знает, как за живое взять. По-другому всяко дурачится.

Но только ей самой в голову какая дурь полезет – тут же голос металлом живым наливается, как у Левитана:

– Жи-ви! – говорит. – Рано ещё...

Она и живёт.

Хотя соседи за глаза судачат: разве это жизнь? А сами-то с жизнью своей такое вытворяют – иконы плачут!

Время не тянется, оно просто остановилось полгода назад. Какие там часы?! Вот – за окошком светло. Вот – темно. Просто и понятно. У инвалидов всё по минимуму.

И день не начнётся, пока костыли не тронешь. Если бы не кошки – так бы и валялась. О жизни бы думала бесконечно...

«Али ты приснилась мне... Так умник один о ней, о жизни высказался... Свезло ему со снами, видать. А тут почти вспоминать – едина смесь: бессонницы да кошмары... То не спишь, то боишься... А то всё вместе...»

От дум этих на теле пролежни. Да и силы они отнимают, думы. И аппетит, без того никудышный.

«Жизнь на три неравных куска поделена. Вчера, сегодня да завтра. Очень неравных. Вчера – всё большое, што не сбылося... Завтра – маленькое, што сглазить боишься... А сегодняшний день, как экран в кино. И будто бы видала это уже. И глаза слипаются с устатку. А главное – в любую секунду плёнка порваться может...»

Вот сколько бы о том не думала, всякий раз в одно и то же место, как на отмель, мысли выносит. У Вчера – глаза мужа канувшего. Завтра – имя блудного сына носит. А Сегодня... Во-он там оно. В зеркало заглянешь – всплывает, как из омута. Без слезинки не получается, оттого и лицо нерезкое...

Если бы не кошки.

– От, мерзавка! – реагирует с возмущённой теплотой. – А ну, слезь! Рано тебе ещё летать учиться, рано!

(Это на Шныру. Перегнулась вниз, в раскрытое окно, один хвост торчит).

Любит она своих мерзавок. Так кошек величает, когда не по имени. Людей тоже любит. Но только тех, которые – люди. Вот и Шныре, забывшись, говорит полувопросительно:

– Когда уже с тебя люди будут?..

«Старые кости срастаться не спешат... Живей костылька к ноге прирастёт, чем... А мысли што, срастаются? Вон их скоко, а ни на одну опереться не можно... То уползает, гаснет, а то – болью аукается...»

И телевизор у неё больше для мебели, чтобы мысли эти отгонять. Да ещё – темноту разбавлять. Мерцает, бормочет вполголоса. Если его выключить – только и жизни, что кошки в тёмной комнате...

Да нет, Конфуций ни при чём, не читала она его. В хозяйстве из всех книг – «Библия». А если и читала бы, вряд ли согласилась. Вон Сюня – чёрный как чёртик, а в тёмной комнате искать нисколько не нужно, его даже кожей видно. Сказано ведь – как дополнительное сердце он. Мурчит, опять же. А вот Шныра, мерзавка, снова мяучит – душу вынает. Прожорливая!

– Зголоднела кошечка. Пойдём... Пойдём попросим кашки мисочку маленькую...

Указательным и большим держит пустую пластиковую плоску, остальными тремя – ручку-перемычку костыльную. Совмещает, пока ещё пальцы слушаются.

Шныра плетётся поодаль. То ли с опаской, то ли с недоверием: «Разве тут кто подаст?» Когда Бабнадя стучит в чужие двери, и вовсе за неё прячется. Особенно когда в эту дверь, чёрной кожей оббитую. Особенно когда в эту...

Вот и сейчас – за ноги спряталась, наблюдает, как в проёме, всколыхнув занавески, всплывает гигантская медуза. Соседка по прозвищу Жадница. На лице хмурое недоумение.

Изображает посильное участие:

– Дочка как раз на рынок пошла. Может, что купит, всё доели...

Сама крупная до неприличия, всѣдоевшая. Болезненно крупная – как куча мартовского снега, рыхлая. А слова – ма-а-ахонькие. И такие же холодные. Оттого и глаза – мелкие-мелкие на пышном фоне. Теряются, прятать не надо.

– Дело такое, может, и купит, помогай вам Бог... Может, и купит, – берѣтся за костыли Бабнадя.
– Пойдѣм, кошечка, у Бабверы попросим...

Лицо светлое, улыбается грустно.

«Не бывает неправильных прозвищ... люди-то всё подмечают... Это ж Петрович, покойный, и назвал... Жадница она, говорил, жад-ни-ца! В смысле – задница, у которой даже дерьма не выпросишь... Ну да, помогай Бог, пускай накопит его побольше, пускай...»

Бабвера другое дело. Сама в заднице живѣт – сушья свалка там, вещи уже полгода на полу кучей валяются, и комната её с туалетом общим соседствует, всей стеной запахи впитывает, – а кошечке завсегда вынесет. И не от помоев – от себя убавит.

Только до неё целых полкоридора костылить. Да и Шныра по пути затеряться может, напакостить, ищи потом, жалобы слушай...

С меньшим-то, Сюней, проще – ни на шаг не отстаѣт. Бабнадя, когда передышку себе даѣт, стоит, рассматривает, как тот внизу копошится. Думает о чѣм-то тѣплом. Временами паршивцем его величает. Тогда лицо светлеет, а слезинка неременная начинает вверх по щеке ползти. Стоит старушка, гладит Сюню кончиком костыля. По бокам, по спине ведѣт. Так осторожно – дрожь телесная по деревяшке. Сюня выгибается довольно. А урчать он и не переставал. Трѣтся об ноги, с костылями не путает. Ну, не паршивец?!

Потом вздохнѣт, как боль выдохнет:

– От души – это ж недорого...

Только тогда в чужую дверь стучит...

* * *

Муж у Бабнади, пока не сгинул, редких кровей человек был.

Подводником его величала. Уж больно глубоко в жизнь любил погружаться. Не всплыл однажды, так на дне и остался.

Как муж? – удивляются все, кому не скажи. Ещѣ и муж был? – переспрашивают. А вот так! Был, представьте себе! Сына-то она где взяла? Там и взяла – на дне. На самом дне большой любви, куда вдвоѣм ныряли. Пока муж к другому дну не пристрастился.

Только в памяти и осталось – глаза его неистовые. Да родинка на переносице, как кляксочка. Смачная такая. Да ещѣ дыхание, с присвистом, будто душат его...

Сын тоже недолго радовал. В батю удался. Только тот суму выбрал, а этот – что осталось...

Тогда впервые Бабнадю небо к себе и приблизило. Когда сын из колокольчиков в сорняки подался.

Случилось. Прозвенела отчаянно. Негромко, как и жила. Себя смущаясь, наружу не выпустила этот звон немой да пугающий. Как ни колотилось внутри. Как больно по внутренностям ни звякало. Где больней всего – там помертвело.

А во второй раз?

Много позже. Когда одну из мерзавок её, негромкую Брыську, из окна... Соседка одна, собачница. Стервозой кличут. Прямо с пятого этажа, как пакет с мусором...

Потом ещѣ в лицо Бабнаде то, что «не вместились в пакет», бросила:

– Летать её учила... Остальных тоже научу! Пусть на лету гадят, не здесь...

Всѣ оборвалось тогда внутри у Бабнади. Пусто так стало. Темно и тошно.

И вместо слов горьких, опять звон этот внутренний неслышимый родился. Только теперь наружу он прорвался. Странно, ничего не прозвучало, а соседка так со ртом открытым и умолкла. Будто звук кто отключил, да на лице испуг.

И слова страшные, чуть не вылетевшие – «и тебя могу научить!» – отключил тоже. Да Бабнадя и так их в глазах Стервозы прочитала.

Долго потом в комнате на стуле сидела. Тело своё, как в приступе, против воли раскачивала. Будто заведѣнная. Как былинка от ветра, одна на всю степь голую. Раскачивалась, упрашивала шѣпотом:

– ...дура она, дура набитая, не гневайся на неё...

Лет пять назад это было.

Не все пути ведут в Рим, ой не все. И не всех. Кошкам нашей округи и в Николаеве сносно. Их – все пути ведут к Бабнаде. Во всяком случае, раньше вели. Шумно тогда было! Не то что нынче...

Как паломники, кошки к Бабнаде шли, вереницей. Как мураши по тропе проведенной. Всех привечала. Ох, бесило соседей милосердие её чрезмерное!

А милосердие ведь штука не заразная. Это просто по жилам вместе с кровью боль чужая течёт. Кому такая обуза по сердцу? Лишняя нагрузка да двойной износ.

Всё однажды начинается, с котёнка приبلудного. Если криком плачет. Если увязался до самого подъезда. Если истошно, по-детски, просится. А в глазах – страх и надежда. Возьмёшь его в жизнь свою? Или отговорку придумаешь? Как обречёшь...

Она однажды и не выдержала, взяла. Не иначе, сына своего в этих глазах высмотрела – «где-то так же, поди...»

И с другими такое случается, мир не без добрых людей. И даже второго, спустя время, подобрать могут. А на третьем ломаются. Всплывает гаденькая мысль: «Всех не приютишь». Всех и не надо. У каждого своё число.

А может, её-то сам Господь выбрал? «Смотрящей» (чтоб вам понятнее, по словам вашим!) над окрестными кошками поставил. Во искупление. Вот и впустила в пустоту да неприкаянность свою тех, кому ещё хуже. Полна хата хвостов, лап да морд усатых!

Правда, были и сочувствующие. И помогали даже. Кто харчами, кто словом добрым. Но больше проклинали мысленно. Губы молча поджимали, кивком здоровались. Потом и вовсе маски человеческие сбросили, а под ними – не приведи...

Вроде и войны нет, а поди ж ты, не комната – сущий окоп!

Её-то тронуть так и не решились, разве что жалобы строчили. А на кошках вовсю отыгрывались. И травили тайком. И «летать учили». Совсем рассобачились.

А Бабнаде и этого мало! Ещё и на улице всех встречных-поперечных кошек жалела. Последнее отдавала. Как в разнос пошла. Ну не рёхнутая?

Когда шла на работу в оранжевом коммунхозовском жилете, окрестные кошки загодя собирались. Будто на Майдан – хвостов не пересчитать! Митинговали, жаловались. Всех выслушивала Бабнадя, а пустыми речами, как вожди, не кормила. В руках два пакета: один объедками набит, другой – бутылками и плошками пластиковыми, вода тут же, другое-прочее, для сервировки. Кушайте, мерзавки да мявчики!

Так от дома к дому и кочевала, маршрут привычный. Одну общину кошачью за другой потчевала посылно. Пока пакеты не опустеют. Пока всю грусть-печаль свою мерзавкам не выскажет.

Изо дня в день.

Как-то мужичок суетливый прицепился, художником себя называл. Давайте, мол, увековечу вас, бабушка, говорил. Разволновался особым творческим похмельем:

– Вы, как есть – Баба-Революция! Шикарнейший типаж... Вся уставшая и в оранжевом... Эпично! Тут – и символ, и генезис... Эк-зи-стен-ци-аль-но...

И прочую срамоту говорил, не упомянуть. Сам болезный, волосы сальные, на руках сплошь цыпки, – как в такие кисть брать?

Да мимо, всё мимо. Не вышло бы никакого эпоса, разве что шарж. Революция, она ведь с голодухи на убой кормит. А Бабнадя – на жизнь. Революция себя криком длит. А Бабнадя – молчанием. И много ещё чего мимо.

А потом и вовсе этот суетливый ляпнул:

– Вам бы костыли добавить, для полноты образа!

ТЬфу, паскудник! Как сглазил...

Кто знает, сколько раз за день человеку в туалет приспичит? Кто эту задачу решал? Считать вроде без надобности. Даже если затеешь – поделиться стыдно, с чего такие подробности. Да только в общежитии туалет в конце коридора, а Бабнади комната – посередине, в аккурат. Как сходил – дважды мимо прошёл, туда-назад. Дважды и вспомнил о её существовании. До туалета вспомнил, с нетерпением. И после, умиротворённо уже.

Вот всякий, дважды, на кошек и натыкался. Перешагивал или шугал, в зависимости от настроения. У двери в комнату их в избытке, словно лужа шевелящаяся. А в комнате, в дверь приоткрытую видно, – и того больше. И на полу, и на диване, и на кресле стареньком. Ночевать оставались, спали вповалку. Для гостей хвостатых вся комната, как ковром, газетами застелена. Легче убраться, если что.

Кошки за Бабнадей, как нитка за иголкой. Как морская стихия за божеством. Если она дома – прилив. И волна кошачья запросто пятый этаж захлестывает. Если отлучилась куда по делам – отлив.

Как идёшь, справа – дверь на лестницу. Слева, чуть дальше, комната Бабнади. Между ними, наискосок, – Большая кошачья тропа. До того мне кошки примелькались, не сразу и сообразил однажды – чего-то не хватает. Чего-то важного. Живого, по-детски нужного.

Только недели через две дошло – ни Бабнади, ни кошек! Пусто...

И сразу внутри занемело. Как же так?

Будто там, высоко-высоко, на нас рукой махнули. Ползайте, выживайте, как хотите. Да хоть друг друга теперь «летать учите»! Какие с вас люди? Давайте – или вверх, или вниз.

На двери комнаты замок навесной. Ночные кошки, как сны без хозяев, иногда в дверь скребутся. Дневные – заглянуть боятся. А мимо жильцы по нужде снуют. По инерции, тенями мимо комнаты её. Живут как-то. По инерции. Или по ещё большей нужде.

И долго казалось мне, в том месте, посреди Большой кошачьей тропы, кто-то в линолеуме яму вырыл невидимую. И даже время туда ухнуло. Или отменили его.

Или само остановилось...

...А потом кто-то большой, невидимый взял и маятник мизинцем толкнул. Или горсть песка в часы песочные досыпал. И яму засыпал.

Появилась!

Чуть живая. На костылях. Усохла, хоть в коллекцию себя предлагай. Лицо почти белое. И вообще, посветлела изнутри. На плечах полотенце, края как маленькие крылышки трепещут. Помогай ей небо!

Свято место густо не бывает.

Родство земное – седьмая вода на киселе, разбавлено донельзя, уже к инородству ближе. Одно слово – общежитие. Это сверху виднее: кого на семена, кого будням на корм. А когда одним коридором длинным толкаешься – поди разбери. Ни света в лицах, ни осознания.

Вернулась. На свою пустошь, в комнату свою пустую. Полгода не было, если календарям верить. А если не верить – и ладно, будто не отлучалась. Даже запертая дверь день за днём её присутствие сочиняла. А люди и подавно, разно говорили. Им только дай.

И про несчастный случай. И про месть чью-то. И про психушку, само собой. Шутка ли, не с людьми, а с кошками разговаривать, да ещё в таких количествах?! И про то, как переполнилась чаша да через край хлынула, тоже говорили. Кто злорадно, кто с сожалением.

Вот только перещёлкнуло в ней что-то. Иная стала. Спокойная, будто наперёд знающая. Без слов говорящая. Хотя, на первый взгляд, та же – всем видом извиняющаяся за свою неуместность и неустроенность.

Вот и я, при первой встрече, не удержался, промолчал виновато:

– С возвращением, Константиновна... на переднюю линию... окопов небесных... Будем свет в лицах искать?

Улыбнулась только. А в глазах:

– Будем-будем...

И дальше, если всмотреться – такая высь!

Ни единого облачка...

* * *

Не часто в общежитии так пронзительно, как сегодня.

Тихо. И стыдно! – аж тело чешется. В самом воздухе, кажется, стыд этот колышется. Вместе с ним вдыхается. И слова неприличные, которых здесь в избытке, на языках каменеют. Молчат жильцы, словно и мыслей своих стыдятся.

Не потому стыдно, что здесь живут, не в хоромашках. А что ничем, по сути, не отличаются ни от стен этих обшарпанных, ни от линолеума заплёванного. И что внутри – так же грязно и неухожено. И так же кошками беспризорными воняет.

Стыдь неизбывная!

Не иначе, опять Бабнадя в своей комнате закрылась да на стуле раскачивается. В приступе собой, как языком колокола, о неминуемом Мире ударяется. Больно ударяется. Терпит из последних сил.

«Не мельчайте... Не надо быть добренькими... Будьте добрыми!»

Стыдно старушке за соседей своих. Сильнее, чем больно. И эту стыдь никакой закушенной губой не перебить. И даже если до сердца сумеет добраться и сжать его как губку, до побелевших ногтей сжать, – вряд ли стыдь утихнет.

Только внутрь не заберёшься, и не ногти – лицо белеет. А потом и сердце искричавшееся неметь начинает.

Тогда испуганно шепчет, молит за всех сразу, опоздать боится:

– ...папочка небесный, не сердчай, будут ещё из них люди, будут...

А потом, чуть жива, бессильно в кровати валяется, в пустоту вслушивается. И вместо сердца – опять Сюня на груди, за двоих мурчит. Оживляет по мере сил.

А там и стыдь помалу сквозняками разбавится. Улетучится. До следующего приступа.

Благо или дурь – окна здесь всегда нараспашку. Всё, как и пять лет назад...

Только кошек у двери уже нет.

Сначала поубавились. Потом исчезли. Схлынули.

Нет, не разлюбили! Они к ней теперь в окошко залетают, пятый этаж не проблема.

Сюня со Шнырой на них ноль внимания. Да и те прижившуюся парочку не замечают в упор. Видно, не совпадают между собой девять кошачьих жизней. Особенно – первая с остальными.

А главное – от соседей ни единой жалобы. Может, только Бабнадя этих залётных и видит? Может...

Молча ходят залётные по комнате, трутся об ноги. И уже практически ничего не просят. Наоборот, делятся. Кто что принесёт.

Или же, когда много слетится, подоконник обсядут. О Боге мурлычат.

Но чаще – щебечут.

Тогда и она к ним на подоконник подсаживается. Как есть – в белой ночнушке да с лицом осветлевшим. Тоже щебетать пробует. Про детство своё военное мерзавкам щебечет. А увлечётся, так и про любовь первую.

Потом смущённо рукой махнёт и... засмеётся. Звонко-звонко.

Как колокольчик.

Світлана ІЩЕНКО

ОКОМ СОНЦЯ І БАРВАМИ ВЕСЕН...

СВІТЛО БОЖОЇ ЛЮБОВІ

Художнику Андрію Антонюку

Бабуся – старезна, як сто віків,
 Міцна, мов коріння дубів,
 Відчиняє браму: «Андрійку,
 Іди, подивися на світ!»
 А світ вливається у хлопчиськові долоні
 І просочується крізь них, як морська вода.
 «Ось і лампадка моя тобі,
 І коник з крилами,
 І земля наша з силами...»
 А за брамою – Боже Поле:
 Гніздяться пташечки у долонях людських,
 Сідають на плечі спочити, начебто люди – віти,
 І янголятками – діти.
 А небо – не небо – барвінок, блакитні маки та незабудки!
 Світло світила йде не від Ярила,
 А з середини людини, з обличчя –
 Золоте світло і срібне – богорідне.
 «Бери, Андрійку, весельце,
 Сідай у крісельце –
 Наш човник пливе по волі
 Української долі
 Між небом і землею, між полем і болем,
 Не забудь запалити зорі свічечкою».
 Я торкаю кожну –
 Вогонь божий скрапає й зависає у повітрі –
 І день світиться, і ніч!
 І корівка наша світиться, і піч!

Лежить бабуся – і не старезна, і не міцна,
 А проста, як жила, мудра, як жнива,
 Уквітчана, як земля навесні, –
 Лежить у труні.
 Сотня янголів несе її труну крізь браму –
 А брама уже відчинена –
 В головах стоїть Боже Поле і ми,
 Топчемо зелений ряс.
 І усі – босоніж, як у дитинстві:
 І матуся з батьком, і діди, і прадіди... і я –
 Босоніж. Сивий. А все ще малюю
 І малюю янголів українських...

Світлана Вікторівна Іщенко. Народилась 30 липня 1969 року в Миколаєві. Закінчила: Миколаївське державне училище культури (1988); Миколаївську філію Київського держуніверситету культури і мистецтв (1998). 1988–2001 р. – актриса Миколаївського українського театру драми та музичної комедії. У 2001 році емігрувала до Канади, живе у Північному Ванкувері, провінції Британська Колумбія. Пише українською та англійською мовами. Автор поетичних збірок: «Хорали неба і землі» (Київ, 1995), «Сі-дїез» (Миколаїв, 1998), «In the Mornings I Find a Crane's Feathers in My Damp Braids» (Leaf Press, Канада, 2005), «Танок Дани дощовий» (Ванкувер, 2006). Член Асоціації українських письменників (1997) та Національної спілки письменників України (1998).

ДЖЕННІФЕР

Моя біла красуня радіє струмку,
Повертає обличчя до теплого променя...
В ній частинка мене зустрічає весну
Очима лісного горіха і постаті оленя.

КОЛОДЯЗНА ВОДА

Збирали воду у колодязі,
А зорі падали в траву,
І зазирали, в срібнім одязі,
На воду на оту живу.

Стрімке й гучне дощу колосся –
В цямрину біла течія,
Як мили в тій воді волосся
Й бабуся, і мама, і я.

Як заплітала коси мама
Аж нижче пояса мені –
І краща за красунь Хайама
Завжди була я навесні.

Бабусі голос не лунає,
І мама вже живе одна...
А зорі все ще зазирають
У чорний отвір край вікна...

ЛІОРА

Золотава птаха
виводить пензлем
блакитну фею,
і все скрізь світиться навколо неї
і миготить фейєрверками –
Ліора малює!

* * *

Доторкнулася до журавля –
Й відлетіла моя земля!
Й відокремилось небо у танку!
Відчуття – що у захваті ледве,
Ніби тіло моє напівмертве,
Це – як дивишся в світ крізь розколоту склянку.
А журавлик все дзьобає зерня з долонь,
Його кожне доторкнення – лід і вогонь –
Дикий птах з мого серця лишатиме згарку...
Я писала вірші – все про тебе, про тебе...
А ти он-де... стоїш, мов приборкане небо,
І цілуєш долоні мені у ванкуверським парку.
Я не мріяла з рук годувать журавля –
Ти наблизився сам, наче доля моя.

СЕРПНЕВІ БУДНІ

Це одна з тих ночей: я від спеки не сплю.
 Двір не спить і гуде, і гуде балачками.
 Хтось порожні пляшки підбирає на прю.
 Хтось в будинку навпроти мигтить сірниками.

А сусід за стіною бринчить на струні,
 Наче той кіфарист, що прибув з-поза моря:
 Галас піднято вже по злотому руні.
 І Медея сусідська рве коси від горя...

СКРИПАЛІ

Двоє скрипалів неперевершених
 У районі дешевих квартплат:
 Їх дуети і соло одержані
 Всім будинком на «біс!» і «віват!».

А у липні, коли неможливо
 Навіть дихати в спеку таку,
 Весь квартал наш охоплює диво –
 Вольфганг Моцарт в тендітнім смичку!

ОКОМ СОНЦЯ І БАРВАМИ ВЕСЕН

Під оком сонця там ніяковіють трави,
 І в барвах весен срібніє полин.
 В моїй країні найсмачніші страви
 І найкрасивіші дівчата з полонин...

В моїм краю усе попід Зевесом:
 І море Чорне, й райдуги спина,
 Південний Буг з порогами і плесом,
 Усе природне... тільки не війна!

Там залишились найдорожчі друзі,
 Картини, ролі, музика, вірші...
 Моя душа живе там в кожній музи
 І лине над очаківські крижі...

Я вишиваю сонцем і весною
 Червоні маки й журавлиний крик –
 Мов мапа наших доль, понад війною
 Все стелиться і стелиться рушник...

* * *

Із гілок поспала краса –
 Вже не серпень, та все ще не осінь –
 І блакиттю сурмлять небеса,
 І гусей вітряний пароплав
 Поза хмарами хижо голосить.

* * *

О, злива шумова із неба –
Наповнені дощем травневі діжки!
І місяць, зазираючись на тебе,
У білі подушки встромляє ріжки.

Я хочу попливти з тобою в тишу,
Де клопоти і війни – все залишу,
Де молодого місяця чоло
Від поцілунків світиться зело!

* * *

І сплять сонети, як сини України,
Під довгими стовпцями кулеметних черг,
А роздріблені літери ледь втримують їх живі душі.

* * *

Зливи змивають знівечені знаки й злі злидні,
Потім буде тільки сніг на сніданок і сни на спочин –
А як же втриматись далі?..

Юрий БОЛЬШАКОВ

ТРИ ПТИЦЫ В ПУСТОТЕ

В РАЙОНЕ РАЯ

В листве шуршит вчерашний день,
какое платье ни надень,
всё не к лицу, порог крыльцу не по фигуре;
трещит слюдою стрекоза,
тревожа мысли и глаза,
ползёт оса на небеса в пчелиной шкуре.

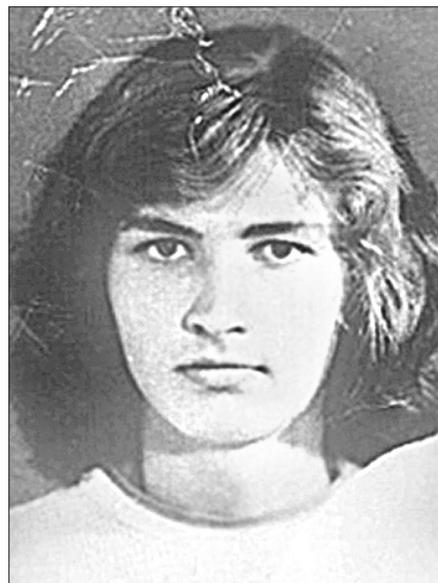
Кругом измена и обман,
держись за карму и карман,
пусть такелаж пустая блажь при сильном ветре;
меха предшествуют свистку,
повестку носит по песку,
соль да вода, боль да беда на каждом метре.

Широк погибельный проём,
в него вторгаются втроём,
зане район хмельной бульон в канистрах носит;
летают все на помеле
и шестизначным промилле
дают понять, что пенки снять пинком не просят.

Угрюмы плети, но этил
плетни нисколько не смутил,
они стоят за рядом ряд кривой стеною;
бормочет девушка с косой,
что нелегко ходить босой
за лебедой ногой худой и костяною.

Престранный в среду сбился сон,
быльё сменило свой фасон,
дезабилё в одном белье отныне норма;
чертогом выглядит сарай,
и мой район едва не рай,
где вся печаль отскок мяча к избытку корма.

У избылья полон рот,
сухая корка не дерёт
изнанку губ, и душегуб к столу садится;
текут сомненья и часы,
питаю пышные усы,
вздымая бровь, и даже кровь почти водица.

Большаков Юрий (1955–2015). Родился в Николаеве. Служил в армии в Забайкальском военном округе. Учился на юридическом факультете Ленинградского университета. Не состоял ни в каких литературных сообществах. Печатных публикаций не имеет. С июня 2011 г. по июль 2015 г. публиковал свои стихи на сайтах: «Литпричал» (www.litprichal.ru/users/Laziness) и «Стихи.py» (www.stihi.ru/avtor/lazinessink)

НАЗНАЧЕНИЕ ВИНОВНЫХ

Она добычей лёгкой не была,
но ношею тяжёлой не казалась,
пожалуй, правда, ведь легко сказалась,
щелей вокзальных бесполезна жалость,
в тупик заходят рельсы и дела.

Всё прочно, кроме бабочек и трав,
теперь, когда ноябрь скребётся в двери,
в колеблемой холодным ветром вере
потерь прорехи, в них проходят звери,
в подушки лап когтистость подобрал.

Карнизы ждут скучающих котов,
предоставляя сцену за бесценок,
у молока на всех не хватит пенок,
пеняет мышь на каменный простенок,
неурожай, прожорливость кротов.

Язык влечёт подальше от любви,
какая мышь, когда шельмуют руки,
рвут записи, застёгивают брюки,
лукаво пишут, что виновны злоюки,
а добряки тучнеют на крови.

Когда слова сто раз произнесёшь,
они теряют форму и свеченье,
до нитки стирается значенье,
искрошенное походя печенье
с календулой в мешочек не зашьёшь.

Кто виноват? Налоги, письма, на,
гречишный мёд, валторны, валерьянка,
скользнувшая под полог вольтерьянка,
мороз февральский, морфий, только пьянка
презюмпцией вполне защищена.

Признание не косвенной вины
горчит во рту и иссушает дёсны,
порою с хвоей расстаются сосны,
мы были так несносны, но сосны
и ересью осеннею полны.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

«Лучший выход – всегда насквозь».

Роберт Фрост

I

Любимая всегда беспрецедентна,
спасительна, как проблеск маяка,
коснувшегося ока моряка,
когда валов тяжёлая рука
из глубины грозит ему латентно.

Ирина, я созрел, приди под вечер
или под утро, anytime You can,
вольём в себя коньяк или сакэ,
раскинемся на ласковом песке,
погасим соглядательные свечи.

Так долго шёл вегетативный рост,
так медленно густели соки зренья;
но утверждает внутреннее зренье –
теперь готов, сомкнулись, звякнув, звенья,
прошу насквозь, как учит Роберт Фрост.

Твой страх лишь слабость, временная пусть,
но, будучи грознейшим из порогов,
бормочет о недвижности итогов;
отбрось его, как некий Сулла тогу,
а вместе с ним неверие и грусть.

Мы проведём остаток тихих дней,
одолевая пустоту и скуку,
всегда во тьме щекой встречая руку
и смерти озабоченную суку
спокойно встретим в садике камней.

II

Над лужами стихает эхо,
дождём обмётана прореха
в пространстве за твоей спиной.
Вот-вот сомкнётся влажный воздух,
тебя, вдохнув, рассеет в звёздах.
Не дайся им. Побудь со мной.

III

Перстами лёгкими коснусь
твоей ошеломлённой кожи
и тихо прошепчу: «О, боже...»,
а эхо выдохнет: «Мисюсь...»

ИРИНЕ

Случилось это некоторым утром,
тянулся Невский в дымке за окном,
твои подглазья чуть синели льдом,
облиты сном, я горбился как Мом
и сам себе едва ль казался мудрым.

Какой-то тенью комната была
огорчена. Так странно и тревожно
запнулось сердце, шторы осторожно
сомкнул краями, бормоча: «Не можно
позволить утру тронуть зеркала».

А ты спала, ресницы трепетали,
вдохнула глубже, чуть пошевелясь,
меня коснувшись локтем, кистью, связь
восстановила, я очнулся, злясь,
как скудно мы друг друга напитали.

Так горестно всё знать наверняка
и счёт часам вести едва ль на сотню,
всё навсегда, но кончится сегодня
над Невским, словно в арку подворотни,
в зев рукава скользнёт твоя рука.

Экспресс на Пулково, палач, впитавший хну,
нас рассечёт, мы, раздвоившись, вздрогнем,
всё cogito сметёт холодным огнем,
ты, уменьшаясь, растворишься в стогах,
я выдохну и больше не вдохну,

и проживу, как будто не дыша,
вне воздуха, вблизи твоих подглазий,
сомнамбуличность вымышленных Азий
впитает не дышавшая душа.

TIRED ARGENT...**(утомлённое серебро)**

От ми-бемоля никуда не деться.
Бравурной гаммой пробегает детство,
и жадность глаз, и ненасытность уст
в себя уходят, как уходит влага,
и влажная едва ль хранит бумага
чернила расплывающихся чувств.

Недоумённо дряхлости кокетство
старушек, погружающихся в детство.
Бренчит бемоль, в шкапу гнездится моль.
По рычажкам, скрипящим нафталином,
по слишком утомительным и длинным
подъёмам клавиш шлёпнемся в бемоль.

Всего пол-тона, но пол-тона ниже;
пока дизель бекаром не унижен,
насвистывай, просвистывай, свисти.
Замкнувшись в зарешеченность дизеля,
не верь, что воздержанье и аскеза
тебя способны в степень возвести.

Ступень седьмая септэссенциальна,
не провиденци-, но провинциальна,
когда глуха провинция души.
Ведь жизнь едва ли шире, чем октава.
Бемоль чуть влево, а дизель чуть вправо –
раскатятся, рассеются в глуши.

Свой клавиш не утапливай в тиши.
Хлеб не кроши. Свет не туши. Пиши.

ОС ОСЕНЬ. СОН ОКНА, СОСУЩИЙ ПРОСИНЬ...

В окне моём и в августе негусто.
На пустыре ни крысы, ни мангуста;
собачатся два злобных бобыля,
два кобеля, две старости деля.
Курчавится случайная капуста.

В окне моём сентябрь смежает веки;
легко о лете как о человеке
не сожалеть, но в памяти и сне
пустить гулять, как кошку по весне,
до первого дождя, и с ним – навеки.

В окне моём октябрь в паутинке,
патине синьки, сытенькой скотинке;
слабеют листья – сжаты и желты,
с вечерней сыростью переходя на «ты».
Всё ближе к двери тёплые ботинки.

В окне моём ноябрь – маренго, капли,
косых тире обрезки; сжак ли, так ли,
придавлен влагой пухнувших небес,
я приучаюсь обходиться без
пропахшей охрой пропечённой пакли...

ОТКУДА – НЕ ЗНАЮ

Три птицы в голубом,
колокола запнулись,
но в воздухе звенит,
не иссякая, «си»;
лукавя, небо лбом
притягивает пули,
но для стрелка зенит
лишь хитрости оси.

Три птицы в пустоте,
три тельца невесомых
не затеяют гнев
и ворс сырой травы;
промоины в черте,
опроверженья сомы,
шипящая в огне
насмешливость «увы...»

Куда б ни увлекла,
к чему бы не сместилась
тягучая смола,
молящая в часах,
в оплавленность стекла
вцарапывает стилос:
скуют колокола
три птицы в небесах.

ТОЛЬКО ПЕТЬ И ПЛЯСАТЬ

I

Я южанин. Лентяй. Я южанин-лентяй. Я южанин.
Я ленив как южанин и южен как истый лентяй.
Утончённый эстет. Морфинист. Либераст. Каторжанин.
Ненадёжный любовник. Неискренний друг. Разгильдяй.
Я текуч, словно мёд, патефонными иглами полный;
я недвижим, как камень, порывист как ветер весной.
Мой придирчивый нрав – непоседливый и уголовный –
вам, увы, не позволит сойтись потеснее со мной.
Человеческий род с приближённых, интимных дистанций
изучать неудобно, поскольку двоится в глазах.
Скука – вздор, и порукою эти надменные стансы;
я не ведаю «веди» – зато разобрался в «азах».

II

Только петь и плясать. Только жить и кусать. И резвиться.
Безответственно, клятвопреступленно рукопись сжечь.
Так скользит и планирует льнущей глиссадою птица.
Так дерзит и фланирует желчная едкая речь.
У воздушных потоков и желчных и душных протоков
есть какая-то тесная, спёртая, слизная связь.
Льются воздух и желчь, но сочатся из брошенных доков
рыжей ржавчины смрад и мазута спектральная грязь.
Как терпеть этот смрад, как любить эту грязную плектру;
грубый мрамор не можно отныне вполне обтесать.
Как прорваться назад к семицветному древнему спектру –
только жить и кусать. И резвиться. И петь. И плясать.

Незадолго до выхода этого номера журнала Юрий Большаков ушёл из жизни, недожив несколько дней до своего шестидесятилетия. Это его первая и последняя публикация. Юрий не был человеком публичным и никогда не стремился опубликовать свои произведения. Тем не менее, он останется в нашей памяти как один из самых талантливых и оригинальных поэтов, у которого можно учиться не только искусству владения языком, но и глубокому знанию мировой литературы. Юрист по образованию, истинный знаток и ценитель классической музыки, Юрий Большаков сумел в своём творчестве, пользуясь возможностями интернета, объединить воедино поэзию с музыкальным сопровождением. Светлая память о поэте будет жить в его неповторимом творчестве.

Вячеслав Качурин

Лоріна ЛИСОГУРСЬКА

ВІВЧАРКА

1

Весело й гаряче згорало паливо у печах, плитах і грубах, змурованих пічником Кирилом. Так само палко і весело неспішно, але й невідворотно, згорало і його здоров'я, коли щоразу спочатку в компанії із вдячними хазяями, а потім і сам-на-сам «обмивав» ще один витвір своєї майстерності. Протверезившись, ніс провинну голову на суд і розправу до своєї строгої жінки Єфросинії, як вона сама себе шанобливо називала. Та без марних балачок витрушувала з кишень сумирного, як телятко, чоловіка всі гроші і дозволяла жити далі. Правда, день-два їсти зовсім не готувала. Та потім знову йому знаходилася робота, і все поверталось, як кажуть, на круги своя.

Та ось маєш, як сніг на голову – взяв та й помер. Дивно, але помирав на тверезу голову. Тільки й устиг промовити: «Як же ти проживеш без мене?..» Адже, завжди маючи живу копійку, Єфросина і дня ніде не робила. Тож, залишившись одна як палець, розгубилася: живучи весь вік за чоловіковою спиною, тепер не знала, що робити, в які двері стукати. Далекі родичі попервах потроху допомагали, а потім порадили взяти собі дівчину на квартиру. Мовляв, щось платитиме та ще й колине-коли чимось допоможе. Так у її хаті з'явилася студенточка Катя. Хороша людська дитина, вона не лише справно платила за квартиру, а й навіть допомогла бабі Фросі одержати пенсію як одинокій по втраті годувальника, бо дітей у них з Кирилом не було.

І все було б добре, але через два роки Катруся закінчила свою науку і поїхала працювати за призначенням кудись нібито в сусідній район. І хоч жаліла дівчина стару в її сирітстві, але прощалася з полегшенням, бо стала баба на старість зовсім нестерпною, злилася на весь білий світ і язика на прив'язі тримати не хотіла, часом допікала до живих печінок. Тож знову стара Єфросина сама, як сич, в пустій хаті, тільки молодий Кирило усміхається до неї з весільного портрета над ліжком. «Ну й чого то ти шкіришся? Раденький, що дурненький? – докоряла йому. – Мабуть, тобі і там добре! А мені тут сиди сама, як чорт у сухій вербі, ні з ким ні полаятись, ні помиритись...» Почали боліти ноги, могла лише з горем пополам якось перейти подвір'я і, майже повиснувши на воротях, виглядати сусідів.

– А куди це ти біжиш, Людочко? У лавку? – раніше така горда та пишна, облесливо усміхалася до молоді жінки з чорнявим дитям на руках. – Як ітимеш назад, то прихопи мені хлібінку і пляшку олії! Та й яка ж у тебе дитинка гарнесенька!

Лисогурська Лоріна Вячеславівна. Народилася 27 лютого 1942 року в с. Вінківці Хмельницької області. Після того, як батька було репресовано, переїхала з матір'ю до її батьків у с. Хмельове на Кіровоградщині. Закінчила Кіровоградський педагогічний інститут. У 1963 році переїхала до Первомайська, де й проживає зараз. Працювала в редакціях газет: «Прибузький комунар», «Рідне Прибужжя», «Прибузький вісник». Уже кілька десятиліть є членом Первомайського літературного об'єднання «Зажинок», друкувалася в журналах «Україна», «Дніпро», «Київ», «Жінка». Твори включені у двотомник «Історія Миколаївщини», альманах «Ятрань», антологію та альманах «Степове многоріччя», публікувалася в періодичних виданнях Миколаївської, Кіровоградської та Івано-Франківської областей. Автор поетичних збірок: «Наука любові», «Злет», «Прозріння», «Дозвольте сказати» (диплом переможця обласного конкурсу «Краща Миколаївська книга – 2012» у номінації «Краща поетична збірка»), «Силуети долі»; збірки новел «Країни».

Коли ж та відходила на безпечну відстань, продовжувала бубніти собі під ніс: «Ач, як почесала! Не йде, а полтавським хрестиком вишиває! А дитинча, мабуть, від якогось цигана нагуляла, бо обоє ж русяві. Гарне, як свиня в дощ!» Ще когось побачить – теж дасть завдання й услід обсудить. Коли ж доходило до розрахунків за покупки, то у неї чомусь завжди не вистачало грошей. Небагато, та все ж... Та невдовзі їй таке щастя урвалося: чи сама не встереглася, чи хтось дуже гострий на вухо трапився, але близькі і далекі сусіди дізналися, як насправді баба Фрося дякує їм за допомогу, і перестали навіть вітатися.

Потерпіла кілька днів і мусила просити зовсім незнайомих людей, що проходили повз її обійстя. Так і того дня сердита, як вогонь, голодна Єфросина у засмальцьованому халаті майже висіла на воротах. Не помічала ні серпневого ранку теплого і ясного, як усмішка сонної дитини, ні золотого соняха сонця, що із синього неба слав на землю лагідне тепло. Ні, весь світ їй здавався сірим, а люди лихими, бо, вважала, були незаслужено щасливішими за неї. Саме тоді біля воріт зупинилася незнайома стара жінка, маленька і суха, як хрущик, але жвава й балакуча.

– Драстуйте! Не знаєте, чи не здає хто тут квартири?

Єфросина, якби була молодша, то, мабуть підстрибнула б від радості, бо ще пам'ятала, як їй було добре з квартиранткою. Дівчина, було, і палива занесе до хати, і в магазин збігає. Але з відповіддю не поспішала: треба ж було дізнатися, що за люди і чому не мають свого кутка. З розповіді виходило, що мали люди своє житло на околиці міста, але коли там почали зводити багатоповерхівки, то хата пішла під знос. Виплатили їм компенсацію, але захворів зять, дочка мусила покинути роботу, доглядати, а потім похорон, і гроші розійшлися. Тепер дочка знову працює, збирають на житло ті важкі копійки, та коли то ще буде... Слухаючи сумну розповідь, Єфросина аж світилася гордістю, зверхньо позираючи на свою невдаху-ровесницю, бо ж сама мала просторий міцний дім та ще й якусь децищу, передбачливо зібрану про чорний день.

– Що ж, якщо домовимося, то можете у мене якийсь рік-два пожити, – промовила спроквола, передчуваючи всі вигоди цієї справи. – А будете потроху мені допомагати – братиму менше.

Через кілька днів квартиранти поселилися у Єфросини і відразу ж заходилися вигрібати смітники, що накопичилися, відколи не стало Кирила. Мало не щодня на шворці теліпалася випрана білизна, доріжки, покривала й одяг баби Фросі. Щоранку її попід руки, як старшу дружку, виводили з хати, вмиту і чисто одягнену садовили поблизу воріт у тінь старого горіха. Там вона знову всіх бачила і навіть якось аж подобришала, перестала казати на людей всяку гидоту. Знову у власних очах була справжньою хазяйкою, котрій, як болячці, догоджають обидві квартирантки. За день, було, і пальцем не кивне, погукуючи подати те, зробити інше. Поздоровішала, зарум'янилася, хвалилася знайомим: «Живу, як бариня!»

Та минули серпень і вересень, жовтень ще попестив останнім теплом, і прийшла холодна дощова осінь. З нею скінчилося і літнє панування Єфросини. Сиділа тепер безвилазно в хаті, цілими днями дивилася у вікно на білий світ. Побачивши перехожого, стукала у шибку, щось говорила, махала рукою. «Зовсім не може ходити, навіть на відро переносимо!» – скаржилися квартиранти сусідам. Ті ж інколи навідувалися до баби Фросі і переконувалися, що жалітися на життя їй нічого: у хаті завжди тепло, на плиті каструлі з їжею, сама вона причесана і чисто вдягнена, на стільці біля ліжка аптечні коробочки і пляшечки з ліками.

І все ж, чому вона, зустрівшись поглядом з перехожим, завжди показує на рот і простягає руку, як за милостинею? Щось тут не те, засумнівалися і тайкома викликали її родичів. Вони й приїхали, побули якусь годину з хворою, але толком поговорити не вдалося: попоївши привезених лакітків, вона відразу ж закуняла. «Нічого їй немає. Нам би ще на старість такий догляд!» – зробили висновок і знову надовго про неї забули. А ще через кілька днів до двору підїхало таксі, і повезли Єфросину, як сказала Нюська, молодша квартирантка, в лікарню на обстеження. Щось довгенько відбувалося те обстеження, бо повернулися вже потемки. Другого дня весь куток знав, що недовго зосталося бабі цей світ коптити – рак. Дивувалися, адже вона ніколи нічим не хворіла і до лікарні за весь вік порога не переступила.

Перед лицем невідворотного простилися бабі Фросі всі її гріхи і провини, не було дня, щоб хтось не прийшов з гостинцем. Зі страхом дивилися, як боляща, вже не людина, а самі мощі, жадібно накидалася на їжу, і крім «Їсточки хочу!» нічого від неї добитися не могли. Випроводжаючи відвідувачів, стара Лизавета чи її дочка Нюська лише скрушно зітхали, підкотивши очі під лоба, і багатозначно крутили пальцем біля скроні. Та згодом хворої вже не видно було біля вікна, скінчилися й відвідини,

бо Ньюська привела з роботи (служила в охороні на цукрозаводі) похмурого злющого пса, котрий признавав лише її. Навіть стара Лизавета з острахом підсовувала собацюрі казана з їжею, що вже казати про чужих. Коли ж комусь і вдавалося на вулиці запитати, як там баба Фрося, то обидві в один голос казали, що геть плоха, лежить і по нужді ходить під себе. «Он гляньте, скільки пелюшок щодня перемо! Глядімо її, як ока в лобі, та хіба від судьби втечеш?..»

Напровесні, коли ще вчора сіре небо нарешті усміхнулося блакитними стежками поміж високих білих хмар, до воріт баби Фросі під'їхала машина техдопомоги. Троє здорових мужиків винесли з двору домовину і завантажили у критий кузов. Під вечір баба Лизавета рознесла ближчим сусідам булочки. Про Ньюську сказала, що вона кілька ночей очей не зімкнула біля вмираючої, то після похорону упала, як підкошена, спить. Обід не робили, бо немає за що: щодня уколи, а вони дуже дорогі, це ж вам не якийсь там простий грип. Так без молитви й поминок, без побажання землі пухом і царства небесного залишила цей світ хай і не дуже привітна, але не така вже й велика грішниця раба божа Єфросинія.

Сповіднені все тими ж сусідами, приїхали родичі покійної, щоб дізнатися про спадщину, бо справний будинок у пригороді – то немалі гроші. Але їхні солодкі надії обернулися гірким полином образи і розчарування. Навіть не пустивши до хати, під гучний гавкіт собаки Ньюська біля воріт показала їм документ, завірений нотаріусом. За довічне утримання баби Фроськи вона успадкувала все її рухоме й нерухоме майно.

Втративши зі смертю хазяйки і її пенсію, баба Лизавета оголосила себе ворожкою і знахаркою, а Ньюська заради зайвої копійки бралася за будь-яку роботу: копала городи, білила хати, допомагала молодим господиням готуватися до бенкетів. Здавалося б, навіщо тепер рвати жили, коли не треба збирати гроші на житло? Але виявилось, що їхній єдиний син і внук в колонії, треба посилати посылки, та й взути-одягти, коли вийде. За що сидить? Та за те, пояснювали, що молодий та дурний: заступився за дівчину, побився із сином якогось начальника. То кого зробили винним? Звичайно, його. Співчуваючи бідній матері, за будь-яку послугу щедро платили, хоч багато хто аж морщився від її запопадливості та відвертих лестошів. «Ну що вона без мила в одне місце лізе, аж противно!» – казали поза очі.

Промайнув, як батогом хто цвѣохнув, ще один рік, і якоїсь ночі в колишній баби Фросиній хаті цілу ніч сяяли вікна. Аж на вулицю долинали голосні розмови, брахкали двері і світилися на темнім подвір'ї вогники сигарет. А вранці з двору вискочив худий, аж сірий, молодий хлопець, за ним, голосячи і щось примовляючи, бігла Ньюська. Від баби Лизавети сусіди дізналися, що то повернувся було їхній Ванька, але полаявся з матір'ю і кудись подався. Мабуть, у місто, шукати роботи. Більше його тут ніхто не бачив, а Ньюська ще кілька днів ходила запухла чи то від сліз, чи від горілки – невідомо, бо все частіше її бачили трохи, як кажуть, під мухою. Тоді вона будь-кому, сусідам чи першому-ліпшому перехожому, вхопивши за рукав, з п'яною настирливістю хвалилася, як її дуже шанують на роботі:

– Як я діжурю, то у мене й муха не пролетить! Та даже сам директор зі мною щоразу ручкається і називає Анною Владімеровною, а не Ньюською, як уся інша сволота!

Поки все обходилося лише п'яними балачками, до неї ставилися з розумінням: хіба не зап'єш, коли єдиний син зрікся рідної матері? Та один випадок назавжди змінив життя, яке вона останні роки так старанно ліпила руками, словами, усмішками.

2

На їхньому кутку Гончаренки готувалися до весілля. Закупили зо два десятки курей, а різати ніхто не може. Покликали Ньюську. Влаштувавшись за сарайчиком, вона займалася своєю різницькою справою, щось ласкаво примовляючи до зв'язаних курей. З літньої кухні вийшла хазяйчина тітка, що приїхала здалеку на весілля та й допомогти племінниці Віруні. З відром окропу йшла патрати вже зарізаних курей. Пильно придивившись до зайнятої своєю справою Ньюськи, притьмом кинулася до хати:

– Як її звати? Ганька? І чого вона у тебе, ця вівчарка?! – накинулася на ошелешену племінницю.

– Та то Ньюська. Яка вівчарка? Ой, це ж, мабуть, її пес одірвався! Ще когось покусав, такий клятий! – перелякалася жінка.

– Який пес, це вона сама – Ганька-вівчарка! – крикнула тітка і кулею вилетіла у двір. – Ах ти ж хвойда німецька! Що ти тут трешся поміж порядних людей?! Та щоб тобі не знайшлося місця ні

на землі, ні під землею! Та щоб тебе за наші муки пранці живцем з'їли! – як горохом, сипала жінка страшні прокльони, лупцюючи палицею онімилу з несподіванки Нюську.

З хати вибігла племінниця, ледве вгамувала розпасійовану тітку, напоїла її валер'янкою і з холодним компресом на лобі вклала відпочити. Вже пізно увечері, як переробили все заплановане, почувли від тітки Тамари всю відворотну своєю закономірністю історію Ганьки-вівчарки.

Росли в одному селі, але подругами не були – надто різні за вдачею. Звідки вони прибилися в село, ніхто не знав. Мати, Лизавета, заробляла кухаркою на весіллях та хрестинах, а також лікувала різними травами. Ходили чутки, що тайкома допомагала необережним жіночкам у їхніх неприємностях. Але не спійманий, то й не злодій. Де батько її Нюсі, як звала вона дочку, теж було невідомо. Тож діти й дражнили дівчинку Ганькою-байстрючкою, а вона мстилася ровесникам як не кулаками, то іншими способами. Дізнається про якусь дитячу шкоду – і відразу ж учительці на вухо. Винного у школі покарають, а вона ще й батькам донесе – матиме вдома лупки. Врешті, незрозуміло, що стало першопричиною, а що – наслідком таких стосунків між дітьми. Можливо, ровесники раніше за дорослих розпізнали її підленьку натуру, то й мстилися, як уміли.

Коли у тридцять другім настав голод, дванадцятирічна Ганька підслухувала дитячі розмови, підглядала за дорослими, а потім підказувала сільським активістам, хто і де ховає хліб. Було, де вони – там і вона хвостиком, із зловтіхою спостерігає, як у її ворогів забирають не те що хліб, а й останній вузлик квасолі. Увечері в сільраді чи у когось удома готували із відібраного куліш, то й вона одержувала свою миску варива. Так і вижила, а кілька її однокласників померли голодною смертю.

Пізніше, коли у газетах рясніло про викритих шпигунів і ворогів народу, кілька односельців теж були засуджені, хоч ні одна жива душа не могла про них сказати кривого слова. Летіли із села у відповідні органи анонімки, та чомусь всі були впевнені, що це робота Ганьки-сексотки, хоч вона вже навчилася ховатися за усмішками та облесливими словами. Кілька разів ночами її били до крові, але вона, як та кішка, що має сім життів, відлежавшись, знову бралася за своє. Найбільшою радістю для неї було чуже горе. Хтось плаче, а вона втупиться в людину своїми чорними очиськами і не змигне, вся розчервоніється, важко дихає і тільки руки стискаються в кулаки, аж кісточки на пальцях біліють.

На той час Ганька, вже зовсім доросла дівчина, як кажуть у селі, вилюднила. Хай і не красуня, але уміла приворожити чоловіків: ходила, визивно похитуючи стегнами, заливисто реготала на їхні солоні жарти. Попри душевну нищість, була гаряча до будь-якої роботи. Встигала і дома, і в колгоспі, і на суботниках, то досить швидко вибилася в передовики. Яке свято – їй грамота, аплодисменти і відріз ситчику чи сатину в подарунок. А то навіть одного разу в райцентрі стахановців катали на літаку-«кукурузнику», її теж. Все терлася біля начальства, старалася догодити, щоб помітили, похвалили і приблизили до себе, щоб і самій можна було на інших погейкувати.

Війна, окупація – кому біда, а Ганьці мати родна: яка власть – така й масть, вважала. Так само завзято працювала у полі чи на фермі під орудою присланого новою владою німця-управляючого. Так само була невідмовною і в інших послугах. За це управляючий призначив її ніби як бригадиром, довіряв. Тоді ж до неї й прилипла ця кличка: не згірш справжньої вівчарки винохувала колишніх однокласників по їхніх криївках. Це коли почали вивозити молодь до Німеччини. Коли ж запахло смаленим, з останньою партією дівчат поїхала й сама, але не просто так, а як наглядачка.

Везли дівчат у «товарняку», як худобу. В єдиному пасажирському вагоні розмістилися німецькі солдати-охоронці, а з ними й Ганька-вівчарка як довірена особа і старанна обслуга. Щоранку обходила вагони, пильно стерегла, щоб ніхто по дорозі не втік, зловтішалася: «Ну що, піонерочки-комсомолочки? Хотіли ж колись у Артек поїхати – ось і буде вам табір, та ще й, гляди, біля моря! А я у вас буду піонервожатою!» Особливо злостилася, коли дівчата починали співати. Зринула їм у пам'яті, не знає з яких часів, ніби саме про них складена пісня: «Якби мати знала, яке мені горе, вона б перепливла б і синєє море, – плакали, згадуючи рідний дім і таке вже нереальне щасливе життя. – Якби мати знала, яка мені біда, вона б передала горобчиком хліба. Горобчиком хліба, синичкою солі, ой рідна матусю, як тяжко в неволі...»

Як у воду дивилася проклята: був і табір, та не піонерський, було і море, та не ласкаве українське, а холодно-сіре німецьке. Поселили їх у довжелезних холодних бараках. Замість ліжок видали матраци, набиті соломомою, такі ж подушки і дві блаженські ковдри кожному. Щоб не завелися воші, обілляли якоюсь смердючою рідиною і поголили налісо, та й не лише голови. Дівчата з тої наруги плакали, а Ганька сміялася, бо її не обстригли, хоч і від неї кілька днів смерділо нестерпно. Годували з підвище-

ною німецькою економністю, аби тільки могли робити, – баланда з кольрабі та брукви. Та все ж найгіршим було те, що довелося працювати на військовому заводі, складати міни. Коли немилосердна уява малювала страшну картину бою, в якому від міни, твоїми руками складеної, гинуть свої, не те що серце – душа тліла у безсиллі. Але згодом придивилися і, хто сміливіший, проводки засовували зовсім не туди, куди треба. Раділи: не розірветься, хтось із своїх залишиться живий!

Але після одержаного повідомлення про брак значно підсилювався контроль за робітницями. Ось де знадобилися Ганьчині здібності! Офіційно вона числилася перекладачкою. Але дівчата й самі вже знали немало німецьких слів, та й хто там із ними розмовляє! То вона на себе добровільно взяла обов'язки наглядачки. Сама зла, як собака, лише їх, сторожових вівчарок, і любила, підгодовувала, розмовляла з ними. А земляків зневажала, гляне, було, хижим оком, і здається, бачить кожного наскрізь! Не згадує, сказано, чорта, бо він уже за плечима. Нечутно підходила до вибраної жертви і стежила за кожним рухом. Ледь щось запідозрить – миттю сигнал начальнику цеху, і вже женуть штурханами нещасну до холодного карцеру з цементовою підлогою і шматочком хліба раз на добу. А Ганька йде слідком та ще й примовляє: «Йди-йди, маєш премію за стахановський труд!» Не милувала й робітників із місцевих: варто комусь жалісливому тицьнути нашим дівчатам бутерброда, як вона вже тут як тут, і відразу ж донос, а за ним штраф і підозра у нелояльності до влади й режиму.

Ненавиділи Ганьку-вівчарку люто і, якби могли, то вночі задавили б. Але вона жила не в бараку з усіма, а як привілейована – у малесенькій прибудові. Мала там ліжко, плиту, готувала собі окремо їжу і на ніч міцно зачинялася. Інколи звідти чулися п'яні розмови і співи. Чомусь особливо любила «Катюшу». Проспіває до кінця і знову спочатку. Голосу не мала, та й слуху теж не дуже, то спів той нікого не радував. Навпаки: знали, що на похмілля буде такою клятою, що й до стовпа причепиться. Та десь через півроку частину робітниць відправили в Сілезію, теж на військовий завод. Тамара і ще дві дівчини з їхнього села, Валя й Олеся, і тут трималися разом, а Ганька залишилася на старому місці, і їхні шляхи на деякий час розійшлися.

– Покійна мама казала, що ви були в Німеччині на примусових роботах, але так, мимохідь. А ви, тіточко, такі страхи розказуєте, аж мороз по шкірі! – шулячись, як від холоду, промовила вражена Віруня. – А що було дали? Як ви додому повернулися?

– Ні, ви тільки подумайте, яка страшна людина ця Ньюська! Хто б міг подумати – так до всіх лащиться, така солодка, а насправді! – не могла зрозуміти людської нищості Світланка. Напередодні весілля їй хотілося бачити і чути лише гарне і світле, а тут...

Відчувши загальний настрій, тітка Тамара пообіцяла колись більше розповісти, а зараз спати, нарobiliлися, нанервувалися – досить. Попросила лише Віру, щоб лягла коло неї, бо щось серце ніяк не втихомириться. Лежали на широкому ліжку, старалися заснути, та дарма.

– Тіточко, все одно сну немає, то розкажіть, що далі було, – тихенько, щоб не розбудити домашніх, попросила Віруся.

– Ой, дитино, краще було б тобі не розпитувати і не знати того, що мені довелося бачити і пережити. Гляди, щоб не калялася за те знання, ти ж виросла зовсім на інакшому, – після тривалого мовчання і тяжких зітхань промовила тітка Тамара і продовжила свою оповідь.

Отже, на новому місці в Сілезії в районі міста з такою назвою, що ні запам'ятати, ні вимовити, здається Лінцманштатт, їм довелося складати свічки запалення для автомобілів. Крім того, за територією підприємства стояв будинок лікарні, де у більш-менш здорових остарбайтерів брали пункцію. Від цього у піддослідних дуже боліла голова або відмовляли ноги, чи ще щось, у кожного по-різному. Правда, не відразу відправляли на роботу, а давали день-два полежати, прийти до пам'яті.

Двадцятого січня сорок п'ятого до лікарні потрапили усі троє. У Тамари після болючої процедури відразу потерпли ноги, зовсім не слухалися, як чужі. Лежала і тліла душею: а що як назавжди скалічили? Робити не зможе, то кому вона тут буде потрібна? Дадуть тишком-нишком укол – і в рив! До тих, хто раніше помер з різних причин. На сусідніх ліжках стогнали Валя і Олеся. Раптом всім тілом відчула якась дрижання, потім вловила неясний гул і гуркіт. Загрюкали двері, залунали схвильовані голоси, за якусь мить медики і обслуга лікарні десь зникли, як корова язиком їх злизала. Дівчата розгублено перемовлялися, не розуміючи, що трапилося і хто ж їх тепер лікуватиме.

А грізний гуркіт все наближався, і вже стало зрозуміло, що це танки. Якщо німецькі – то що їм тут робити? Але якщо наші, то це свобода, повернення додому! Вірили і не вірили, бо ж нічого не знали про хід війни, але так сподівалися на краще! Тамара, підтягуючись на руках, через силу сповзла з ліжка і на неслухняних ногах добралася до вікна. Через негусті зарослі чагарників побачила

на заводському дворі танки з зірками і своїх, заводських. Вони бігали туди-сюди, розмахували руками, кричали і підкидали вгору шапки. З усього виходило, що це все-таки не німецькі танки, а свої, радянські.

– Дівчаточка, наші! Ура! Слава Богу, додому! – закричала і заплакала Тамара. На radoщах у неї навіть ноги трохи ожили. Подруги по нещастю теж заворушилися, злізли зі своїх ліжок, прилипли до шибки, але надвір вийти ще не наважилися.

А потім розпочалося щось незрозуміле і страшне настільки, що дівчатам здалося – збожеволіли. Адже цього не може бути! Це тільки сон, проснутися! Ні, жахіття реальне, і воно розгорталося вглиб і вишир: як стигле колосся під косою, під кулеметними чергами падали шеренги старих і малих. Не захищені на своїй і знищені на чужій землі. Ким? Не Ганси-Фріци, а Ваньки-Саньки косили своїх батьків, матерів, братів та сестер! Коли ж задні кинулися врозтіч – доганяли і чавили гусеницями.

Дівчата зіщулилися під вікном, натягли на себе ковдри – сховалися. Здалося не досить: а раптом помітять будівлю лікарні і знайдуть? Накидали купу матраців, залізли під них, зачалися. Затикали вуха, щоб не чути розпачливих криків, не чути кулеметних черг. Ні, у пеклі не буде страшніше!

Кривава бійня тривала недовго, танки розвернулися й подалися кудись назад. І на землю упала тиша. Мертва тиша. Бо серед фаршу із людських тіл не залишилося не те що живого – навіть пораненого. Та нелюдська тиха тиша жахала не менше за недавній гуркіт, постріли та зойки. Нескоро вилізли зі своєї схованки, діждалися повної темряви і лише тоді насмілилися підійти до заводського двору. До кінця життя не забути їм побаченого... Тікати, тікати звідси! Куди? Та хоч на край світу, бо всюди вороги, а своїх уже ніде немає! Та й чи буде...

– Ой, тіточко, та то ж, мабуть, німці були! Переодяглися у наше, зірки намалювали на танках, а ви й повірили! – перервала оповідь Віруня. Не могла вона повірити, що то так і було, як каже тітка.

– А ти сама подумай, для чого б то їм було влаштовувати маскарад? Що їм завадило б без передягань під'їхати і розгромити табір? Уяви: одяг, нагороди, танки, мова – скільки клопоту, щоб лише постріляти остарбайтерів? Та й німецькі медики, тікаючи, кричали одне одному, що то руські танки. Від своїх не втікали б. Але ти собі думай, як хочеш. Це й справді надто страшно і незвично, не такого тебе вчили все життя, а тепер сама дітей у школі вчиш.

– Та й куди ви подалися з того табору? Мабуть, рушили до лінії фронту, до своїх? – не вгавала Віруня, зовсім забувши, що треба поспати, бо завтра тої роботи буде та й буде.

Тамара налапала на тумбочці кухоль з водою, неспішно пила, обдумуючи, чи варто розповідати племінниці наступні свої поневіряння. Темною хвилиною накотила злість: та доки ж це вона має ховатися зі своєю гіркою правдою?! Все життя стерегла кожне слово, щоб не проговоритися. Досить! Життя майже прожите, ніколи боятися та ховатися! Хай молоді знають усю правду про війну, а не підмальовану та оспівану. Не було там ні краси, ні правди, були лише біль і страх, лише злигодні і ненависть. Не дуже розбиралися до кого – навіть до своїх.

– Та ні, дорога моя, своїх ми уже побачили, нарадувалися вдосталь, – по голосу було чути, що чи то усміхнулася, чи схлипнула жінка і продовжила розповідь.

Тож познаходили дівчата який тепліший одяг і дещо з продуктів та й рушили через ліс куди очі дивляться, аби лиш подалі від табору. А німецький ліс зовсім не те, що у нас. Там все наскрізь видно, вичищено та прибрано. То недовго ховалися, побачив їх лісник, привів на свій хутір, то там і zostалися. Ні, ніхто над ними там не збиткувався. Правда, робили, як чорні воли. Але ж і хазяї поряд трудилися не розгинаючись. За стіл сідали разом, по обіді всі годину спали чи просто спочивали. За роботу мали дах над головою, їду, деякий одяг і взуття, яке господарі змогли їм дістати. І за те спасибі, до сих пір згадує лише добрим словом.

3

Хтозна, як би склалася далі їхня доля, але фронт був уже з усіх сторін. Дівчата розуміли, що їм не можна ніколи і нікому розповідати про те, чого вони були свідками. Навіть між собою не згадували. Але думали весь час. Тож і не здивувалися, коли котрась запропонувала сховатися у Франції, придумати собі якусь історію, а що документів немає – загубили, як потрапили під обстріл. Наївний план здався дівчатам вдалим, все ж краще, ніж потрапити до рук страшних ще з довоєнних часів органів. Тому навесні вирушили на захід.

Де їм було знати, що у місті над теплим морем керівники держав-союзниць уже вирішили їхню долю: хоч-не-хоч, а повернуть тебе на Батьківщину. Що тебе там чекає – кому це цікаво? Повернуть-

ся робочі руки – головне. А все інше: скалічені долі, спалюжена душа – то лише відрижка гнилої інтелігенції. Крутись, покірний гвинтику, там, де тебе поставили!

Отак дівчата з України побачили Європу. Непрохані-некликані, перебивалися випадковими заробітками, аж поки, опинившись в англійській зоні, не були відправлені на пункт збору репатрійованих у місто Беслау. Там ними займалася вже радянська комендатура. Потрапивши сюди, Тамара домовилася з подругами, що на допитах говоритимуть лише про той, перший, табір. Та їхній план мало не провалився, бо серед привезених наступного дня побачили Ганьку-вівчарку. А вона ж знала, що їх вивезли кудись в інше місце! Перелякалися, розгубилися, та все ж придумали: а ми по дорозі втекли і забрели аж у Францію, а звідти вже сюди потрапили. На тому й стояли, хоч на допитах мало душу не вивертали. Звичайно, серед якоїсь сотні людей не загубишся і не сховаєшся, то не лише вони побачили Ганьку, а й вона їх помітила. Того ж дня підійшла і, примруживши свої чорні очиці, з притиском промовила: «Скажете щось про мене – вам кінець. Ви мене знаєте...» Бідним дівчатам і мову відібрало, знали, що Вівчарка на все здатна і ніхто розбиратися не буде.

Як же вони потім гірко каялися, що злякалися, що нічого не зробили! Але навряд щоб це допомогло: вона зуміла б їх самих зробити винними, такого наговорити, що... Мовчали, боялися, терпіли. І дотерпілися... Одного вечора звідкись, можливо, з сусідньої комендатури, на двох легковиках приїхали гості. Довго пили, горлали пісні, перекикуючи патефон. Згодом їм захотілося потанцювати – але ж самі мужики, що за танці? Тоді й згадали про жіночий корпус. Вартового роззброїли, і п'яна ватага увірвалася до кімнат. Хто поволік заспаних партнерш надвір танцювати, а хто відразу ж кинувся на жінок: гвалтували люто, немилосердно, незважаючи на те, що більшість були дівчатами. Котра надто пручалася чи кричала – били осатаніло, з усієї невитраченої чоловічої сили.

– Ти знаєш, Віруню, вже скільки років минуло, а нічого не забувається і не прощається. Наче вчора було, пам'ятаю їхні гидотні п'яні мордяки. Чую брудну лайку, відчуваю їхнє бажання принизити, позбиткуватися над беззахисними дівчатами. Ніколи не дивлюся документальних фільмів чи зустрічі з учасниками бойових дій. Боюся побачити знайомі пики, дивитися, як їх будуть вшановувати та розпитувати про їхній героїзм.

– Але ж були і порядні люди, не всі ж така сволота? А я люблю дивитися художні фільми про війну, – спробувала примирити тітку з неоднозначністю життя й історії. – Ну а як у тебе з подругами далі склалося? Повернулися додому, і що?

– Повернулися, та не всі. Ми з Валечкою повернулися у своє село, з часом вийшли заміж. Їй, слава Богу, пощастило: чоловік, двоє хороших дітей, уже має великих онуків. Про мене знаєш. Ні чоловіка, ні дітей. А наша найменшенька навіки залишилася у чужій землі...

Тамарина подруга Олесья, ще зовсім юна дівчинка, потрапила в число тих, що хоч-не-хоч мусили танцювати. Коли п'яний кавалер вже ледь тримався на ногах, вона відпросилася ніби як у туалет, а сама втекла і сховалася в кущах під парканом. Лише під ранок у дворі і корпусі стихли плачі та крики, і вона тихенько пробралася у свою кімнату.

Старші подруги, Тамара й Валя, побиті і заплакані, розповіли, що тут відбулося. Раділи, що хоч вона уникла цього страхіття, і домовилися, як раптом щось знову, то мала ховатиметься під порожнє ліжко в кутку кімнати, а вони нижче спустять ковдру, то ніхто не помітить. Можливо, так би й обійшлося, коли наступного вечора комендантські знову нагрянули до жіночого корпусу. Але ж із ними була Ганька. Розхристана, п'яна, весела й задоволена, та все ж відразу помітила, що землячки не в повному складі.

– Ну й дурні! – зареготала. – Думаєте сховати свою шмаркачку? Від мене?! А ще вівчаркою мене дражните!

– Ганько, та май же ти совість! Як же ти її матері в очі глянеш?! Вона ж іще дитина, скалічать навіки! – просили Тамара й Валентина, совали їй в руки дивом збережені в неволі сережки.

Та все марно, кинула оком по кімнаті і впевнено попрямувала у куток. Підскочив молодий лейтенантик, удвох виволокли Олесью з-під ліжка. Не кричала і не плакала, оніміла від страху і наруги, тільки дивилася незмигнуто на своїх кривдників, ніби на якесь диво дивне. Пережила дівчина у свої шістнадцять стільки горя і страхіть, але це вже надто, Господи, це вже надто...

Невідомо, що той зелений лейтенантик побачив у тому погляді, але враз люто викрикнув брудну лайку, навідліт вдарив дівчину по обличчю і кинув на ліжко. Ганька стояла поблизу і хтиво усміхалася, підбадьорюючи приятеля. Дівчата з обох боків вчепилися в нього, щось кричали, просили. Він

вирвався від них, вихопив пістолета і вистрілив у стелю. Під цю веремію Олеся звелася з ліжка і, дивлячись прямо в очі оскаженілому гвалтівникові, дзвінко вигукнула:

– Мене німці пальцем не торкнули, а ти!? Та щоб тебе перша куля не минула!

Всі оніміли від жаху, пролунав іще один постріл, і Олеся зів'ялою квіткою поволі осіла на землю. На постріли прибіг переляканий комендант: убивство, комісія – і що буде з ним? А що свої ж швиденько донесуть куди треба, не сумнівався. Миттєво прорахувавши можливі наслідки, відразу ж почав схиляти свідків до думки, що дівчина сама напала на військовослужбовця, а він захищався. Та навіть цю убогу версію не довелося згодом озвучувати. Ганька-вівчарка поклялася, що сама бачила, як Олеся вихопила у лейтенанта пістолет і бабахнула спочатку у нього, а потім, коли зрозуміла, що не поцілила, то вистрілила у себе.

– То хоч після цього вас залишили у спокої? – обізвалася з темряви Віруня, перевертаючи на другий бік мокру від сліз подушку. Не помітила, коли із стороннього і досить-таки септичного слухача перетворилася на безпосереднього учасника тих страхітливих подій.

– Так, кілька днів відносного спокою, поки розбиралися і ховали бідолашну Олесю, а потім знову відновилися п'янки і масові «візити» до жіночого корпусу.

– Але ж дівчата могли завагітніти?

– Було й таке, – зітхнувши, по короткій паузі відповіла Тамара. – Перед відправкою на Україну всіх перевірів гінеколог, вагітним поробили аборти, а інших про всяк випадок теж «почистили». Сама чула, як медики сміялися: «Краще передерти, ніж недодерти!» Думаєш, чому мене чоловік покинув? Прожили з ним п'ять років, а дітей немає – лікарі в госпіталі перестаралися. То він і пішов до іншої, мають троє діток, сім'я як сім'я, як і має бути. Я його не суджу, він не винен. Живемо в одному селі, зустрічаємося. Вони до мене по-доброму, допомогли, коли твою, Віруню, бабку ховали. А їхні діти думають, що я їхня родичка. Та воно, по суті, так і є. Не чужі.

– А з Нюською з тих пір більше не зустрічалися?

– Ні, оце тільки тут, у тебе, вперше побачила, ледь упізнала. Постаріла, але це точно вона, проклята вівчарка! Її мати по війні кудись ділася, доходили чутки, що разом із Ганькою живе у другій області. Таке зілля, що сій-не-сій, а воно й саме зародить! Скільки порядних людей за цей час померло, а її чорт ніяк не вхопить! – Прозвучав короткий смішок: – Бачила, як дременула від мене? Вчесала, як молода! Видать, таку суку і свята земля не приймає! Ну що, наслухалася страхіть? І воно тобі треба було? Поспи, Віруню, хоч трохи, он вікна вже сіріють...

4

Наступного дня мужчини напинали у дворі взятий напрокат у військовій частині намет, розставляли столи, стільці і лави. Жінки закінчували з наїдками і за роботою, як і водиться, перемивали кісточки усім знайомим. Звичайно ж, історія Ганьки-вівчарки, чи, як вони тут усі звикли її називати, Нюськи, теж стала їм відомою. Сьогодні їм, а завтра всьому кутку і кільком ближчим вулицям. Після цього їй перестали наймати зробити те чи інше, а то ще якось у неї на воротах з'явився напис: «Вівчарка». Того дня вона напилася, як кажуть, в дим. Бридко лаючись, змивала з воріт напис і кричала на всю вулицю: «Не хотіли зі мною по-хорошому, буде по-поганому! Я вам покажу вівчарку!»

Справді, з тих пір жителі кутка і ближніх вулиць втратили спокій: то випрана білизна зі шворки зникне, то кури чи кролі пропадуть. У Нюськи все частіше пили-гуляли якісь чоловіки, часом билися, матюкалися, чіплялися до сусідів... Бувало й таке, що у смерть п'яна Нюська падала серед вулиці і, привільно розкинувши руки-ноги, хропла у своє задоволення. Провулок вузенький, ні обійти, ні об'їхати, то доводилося водіям повертати назад і шукати іншої дороги. А щоб її кудись відтягти – ні, ніхто не брався, гидували. Сусіди дивувалися: по кілька годин, було, лежить на сирій землі, зверху сніг чи дощ, а їй байдуже, навіть не захворіє!

Ходили чутки, що баба Лизавета жене самогонку, з того й живуть, бо Нюську з роботи вигнали. А ще вечорами, як стемніє, до них шастають незнайомі жінки. Чого? Не інакше, як баба робить привороти-відвороти чи ще якусь чортівню. Тепер усі були переконані, що нещасна баба Фрося не своєю смертю померла: або стара чимось отруїла, або Нюська-вівчарка добила, та найімовірніше – голодом заморили. Інколи мали сусіди чим повеселитися, коли до Нюськи приходили чужі молодичі і скандалили, тягали її по двору за коси, щоб не споювала їхніх чоловіків. Правда, толку з того не було, бо чим бик навик, тим і ремігає, так і вони. Сказано – свиня болото знайде.

Час ішов. Нюська-вівчарка все більше співалася. Все частіше траплялося чути з її вікна зачовгну патефонну пластинку з піснею «Катюша». І всі уже знали, що ця культурна програма добром не скінчиться. Справді, спочатку з дверей вискакувала баба Лизавета, за нею дочка, голосно лаялися, потім Нюська починала тягнути матір до хати. Але, знаючи, що там її чекає, стара виривалася, вибігала з двору і, спотикаючись, бігла уздовж вулиці з криком «Рятуйте! Убиває!» Нюська, розчипчана, з сигаретою в зубах, відчиплювала пса і, нацьковуючи його, бігла за нею. Баба лементує, стукає у заперті хвіртки, собака гавкає, а Нюська-вівчарка, згадавши молодість, командус: «Хенде хох! Цурюк, мать твою! Ком цу мір, русіше швайн!» Лише зрідка вдавалося нещасній знахарці заскочити у чужий двір. Частіше, вдосталь поганявши стару матір, Нюська штурханами під собачий гавкіт гнала її до хати, і що там відбувалося далі, ніхто не знав.

Зрідка бабі Лизаветі щастило у когось пересидіти бурю, діждатися, щоб дочка заснула. Пускали не стільки жаліючи, скільки з цікавості. Слово за словом, так і узнали, що насправді її зять, Нюський чоловік, помер не від хвороби, а від побоїв. Вона дуже його побила, коли у нього хтось вкрав усю зарплату. Син кинувся боронити батька, аж тут викликана сусідами міліція. На хлопцеві кров, а в руках сокира, котру він видер у матері. То й вирішили, що то він батька до смерті забив. І хоч як Нюська з бабою заступалися за нього, та слідчий вирішив, що то мати, як і годиться, виручає сина, беручи вину на себе. Коли ж Ваньку відправили в колонію, то його друзі пригрозили, що хату спалять, а її, Нюську, приб'ють. Тому й перебралися сюди.

Минуло ще два роки. Люди на кутку жили у постійному страху й напрузі, бо до Нюськи-вівчарки час від часу з'являлися і жили, хто довше, хто менше, якісь підозрілі люди. Коли влітку у дворі всідалися під старим розлогим горіхом пиячити – здавалося, над ними нависала чорна хмара з матюків та цигаркового диму. Допізна ці страшнуваті чоловіки горлали блатних пісень і хрипко реготали, насолоджуючись загальним страхом сусідів. Коли ж хтось і наважувався подзвонити в міліцію, то з того толку не було жодного: солодко усміхаючись, Ганька-вівчарка розповідала дільничному про гостей із того села, де вона раніше жила. Сьогодні завітали – завтра поїдуть, чи й не клопіт! «Гостей», звичайно, на той час уже не було. Поки хазяйка припинала пса, поки біля хвіртки говорила з міліціонером, вони встигали через вікно у задній кімнаті здиміти з хати.

Стара знахарка Лизавета геть подалася здоров'ям, майже не з'являлася на люди. А потім зовсім десь поділася. Куди поділася чи, може, вже закінчила своє життя під час чергових «розборок», ніхто так і не узнав. Деякий час точилися балачки, щоб міліцію повідомити, але бабі вже не допоможеш, та й кому охота зв'язуватися з Вівчаркою. Невдовзі Нюська продала будинок і перебралася на хутір кілометрів за п'ять звідси. Там у покинутій хатині поселилися, так би мовити, по-сімейному: Нюська із соратницею по пляшці Райкою і двоє мужиків. Ніде не працювали, але щодня пили-їли, жили весело. Про їхнє пристанище ніхто не знав, то й не турбували. Та все ж і цій колонії прийшов кінець.

Напередодні Нового року їхня тепла компанія натрапила на залишену без щоденного нагляду дачу. Збрали все, що можна було здати у металобрухт, за виручені гроші купили три пляшки горілки та ящик пива. Чи ж ми не люди? Проведемо й зустрінемо! Задоволені, повернулися з успішної експедиції додому. Відразу ж прихопили торби і знову подалися на роздобутки, бо виявили у підвалі на тій же дачі щедрі запаси консервації, тобто – закуски. Нюська була з перепою некріпка на ногах, то її залишили на хазяйстві добре натопити хату, щоб святкувати з комфортом, раз так все гарно вирішилося з підготовкою.

Залишившись на самоті, вона й справді заходила біля плити. Не маючи з ким розмовляти, хоч-не-хоч заглибилася у спогади, як вони колись із матір'ю готувалися до свят. Лизавета була знаною кухаркою, тож Нюська нині аж відчула пахощі щойно спечених пирогів з капустою і калиною, гострий часниковий запах ще гарячого холодцю і ніжний ванільний аромат вишневого і молочного киселю на міленьких тарілочках. Від цих солодких спогадів рот їй наповнився слиною, та чим забити голод, не знайшла. Приклася до пляшки пива – ще більше потягло за печінки, зате в голові трохи прояснилося. Знову згадала матір, домашній затишок, озирнулася навколо і вжахнулася: як же це вона опинилася у цьому свинюшнику? Вона, яка завжди пишалася своєю чистоплотністю! Зазиривши у залишене колишніми хазяями дзеркало, не впізнала себе у цій запухлій нечесаній жінці незрозумілого віку. Вражена, захлипала, заплакала, заводала! До матері? До Бога? Не знала й сама, але так жаль було свого занапащеного життя...

Коли з повними торбами до хати зайшла Райка з мужиками, то побачили на долівці біля вихололої плити безнадійно п'яну Нюську і коло неї напівпорожню пляшку горілки. Стривожено кинулися

шукати ще дві інші пляшки, знайшли – одну порожню і другу вщент розбиту. Розлютовані, один з чоловіків ухопив совок для вугілля, другий ще щось, заходилися лупцювати винуватицю зіпсованого застілля. Бо що то, скажіть, за свято без горілки? Та ще й коли більше жодної копійки, щоб знову купити! Били оскажено, немилосердно, виміщали на ній свою досаду і розчарування. Прийшовши від болю до тям, Нюська вирвалася і рвонула до дверей. Тут її і догнала важка чавунна кочережка, мало не проломивши їй череп. Упала. Поповзла до дверей, але враз відчула страшний біль під ребрами у правому боці. Майже не тямлячи себе, все ж якось вибралася з хати і скуцьорбилася на припошеній першим снігом землі.

Спочатку крізь невгаваний шум у голові і нестерпний біль у всьому тілі ще відчувала холод, але невдовзі під спину проникло вологе тепло. То із пробитою ніжкою печінки витікала її гаряча кров, а з нею й саме життя. Згодом біль ніби трохи притих, тільки думки, короткі і безладні, ніяк не вдавалося зібрати до купи. Звідкись, ніби із-під самої землі, напливав важкий гул, здалеку почулися дзвони, а вона лежала горілиць під нічним небом і не могла повірити, що це кінець. Били ж її і раніше, але щоб до смерті... Стало до болю жаль себе, заплакала, сльози скочувалися у байдужий невинно-білий сніг. Серед хаосу думок вирізнілася одна і все затулила собою: «Що тепер зі мною буде?! Доб'ють! Не хочу помирати! Страшно!»

У якусь невловиму мить відчула, що вже не сама серед нічної тиші. Побачила навколо себе ціле юрмище людей. Впізнавала їхні давно забуті обличчя, хоч були вони прозорі, і крізь них, як і раніше, просвічували зірки на темному небі. Чула голоси, хоч уста їхні, як на портретах, не ворухилися. Підійшли і схилилися над нею чоловіки, жінки, старі і діти: «Ти нас убила голодом. Не простимо до самого Страшного суду!» Підійшли кілька інших: «Нас згноїли по тюрмах та каторгах через твої доноси. Будь проклята і нещасна вівки віків!» Майнула білосніжними янгельськими крильми прозора Олеся: «Через тебе, Вівчарко, я свій вік не прожила! Немає тобі мого прощення, згинь і розсипся порохом!» Баба Єфросина зверхньо, як колись у житті, поглянула на знівечену розпростерту на холодній землі свою мучительку: «Ну, що? Зазнала щастя на моїм добрі? А щоб тебе, суко, чорти в пеклі у гарячій смолі варили і краплі води не давали, як ти мені їсти не давала!»

Якби сила, Нюська розреготалася б на їхні слова, бо ніколи не вірила ні в Бога, ні в чорта. Але сил вистачило лише крикнути: «Чхать я хотіла на ваші прокльони! Якби заново, то вас, мертвяків, тут ще більше було б! Не каюся, не діждетеся!» Тіні чужих розтанули, залишилися рідні. Мати не говорила ні слова, тільки похитала докірливо головою. Поряд стояв її чоловік. Він теж мовчав, лише сумно усміхався. Біля них враз з'явилася прозора постать Івана. «Синочку! Чого ти між ними? Тобі ж іще жити та жити?!» – подумки закричала Нюська. Він мовчав, здивовано озирався, не розуміючи, де і чому він тут. За нього відповіла стара Лизавета: «Так його тільки що вбили твої напарники!» Від усвідомлення своєї вини, безнадії і великого жалю до своєї дитини зібралася на силі і закричала, як їй здалося, на весь світ: «Прости мене, мій синочку!» Той неясний шепіт прошелестів у повітрі і зтих. Щезли прозорі тіні загублених нею людей, потьмяніли і згасли зірки, нестерпна вага придавила, розчавила, розплющила скалічене й обезкровлене тіло Нюски-вівчарки. Її грішна душа розсипалася на найдрібніші частки матерії і щезла у безмежному космосі, щоб уже ніколи не відродитися в жодному із мислимих світів.

Так не стало Нюски-вівчарки. Вона вже ніколи не дізнається, що її син Іван став достойною людиною, доглянув до смерті бабку Лизавету і почав розшукувати її, свою безпутну матір. Хотів забрати до себе, вилікувати, щоб жила по-людськи. Знайшов на цьому хуторі, але запізно. Злякавшись, що хлопець заявить про вбивство, Райка з мужиками вбили і його. Потім обох покійників занесли всередину і підпалили хату. Постояли, подивилися, як гугонить полум'я, зжираючи сухе дерево даху, діждалися, поки впаде стеля, і аж тоді побрели кудись у ніч шукати ще якогось притулку. За тиждень у місцевій газеті можна було поміж інших кримінальних новин прочитати повідомлення про пожежу на покинутому хуторі. Писалося, що загинуло двоє людей, хто – визначити не вдалося, дуже обгоріли. Найімовірніше – звичайні волоцюги. Причина пожежі теж звична: куріння у ліжку. Ось і все.

...З того часу минуло понад тридцять років. Знову буяє зелене літо, і у Гончаренків на подвір'ї напинають великий намет. Світлана видає дочку, а старший син уже своїх малих має. Тож їхня моголава і бадьора бабуся (точніше – прабабуся) Віруня має ким займатися. У інших дворах життя теж продовжується, і складається воно по-різному, бо щастя і горе ходять поряд. Та лише двоє-троє найстарших жителів кутка ще пам'ятають історію мешканців будинку під старезним горіхом. А воно, знаєте, і правильно: краще пам'ятати людей добрих, розумних і красивих душею.

Ольга БАКК

ВИШНЁВЫЕ СНЫ

ТРАВА

с неба раненым зверем
ползёт кровавый закат
Илья никогда не верил
в рай а тем более в ад

ветер траву колышет
а под зелёной травой
мальчик лежит не дышит
с простреленной головой

чаты-Фейсбук-Вконтакте
клубы-смартфон-война...
кто-то вдруг вспомнит: «как там?»
лайкнет один... одна...

под низким свинцовым небом
багровой взойдут травой
Сашки-Богданы-Глебы
которых не ждут домой...

* * *

Всё проще будет – я без ты
разводят в Питере мосты,
мосты разводит Николаев,
и редкие звонки трамваев
тоску наводят; сентябреет...
не греет плед, глинтвейн не греет;

пусть станет легче – ты без я,
печально машут тополя,
бросая под ноги листву,
закатно небо; на мосту
перила красят; солнце тонет;
и рыбы толстые с ладоней
хватают звёзды...

ПРОСТОЕ

Не сравнивать себя с богами,
учить искусство оригами,
рожать детей, сажать цветы,
всё будет просто – я и ты.
Встречать рассветы и апрели,
закаты, сумерки; качели
повесить у себя в саду;
по вечерам в своём пруду
на булку или червяка
ловить цветные облака.

Назаренко Ольга Олеговна. Поэт, прозаик. Творческий псевдоним – Ольга Бакк. Родилась 28.04.1968 года в г. Артёме Приморского края (Российская Федерация). С 1975 года живёт в Николаеве. Окончила физмат Николаевского пединститута, учитель физики и астрономии (1990). Работала в городской СШ № 13, в настоящее время – на кафедре современных языков Национального университета кораблестроения. Имеет персональные страницы на интернет-сайтах: «Стихи.ру», «Проза.ру», «Таспол», «Самиздат», проект «Серебряный вечер». Неоднократный участник и победитель сетевых конкурсов фантастического рассказа. Публиковалась в журналах «Рок-Оракул», «Реальность фантастики» и др. Участник сборников рассказов: «Право на пиво» (АСТ, 2005), «Миколаївське небо» («Зеленый пес», 2006). Член ВТС «Конгресс литераторов Украины» (2010).

ВИШНЁВОЕ

счастье скрывается в мелочах –
шуме улиц где мы бродили
там сквозь асфальт проступает брусчатка
кожею крокодилей
там на деревьях ветви лишние
по убеждению бензопилы
видишь? дороги усыпаны вишнями –
улицы городу стали малы
спелая ягода солнца всё ближе
к краю небес и с восходом луны
видишь? по выпуклым спинам булыж-
ным в реки стекают вишнёвые сны

СПИСОК

для счастья нужно так мало:
– конечно же, кот! осенью – тёплое одеяло;
– дочка, бьющая мои чашки;
– твои, вместо пижамы, рубашки;
– кофе утренний без сигарет;
– твой допивать, приходя с работы;
– от давнего друга неожиданный привет;
– и – обязательно! – бегемоты...
(впрочем, заменим на чай с бергамотом,
хотя я больше люблю с жасмином,
это же не причина,
не быть счастливым?)
счастья так мало, так хрупко, так нежно
(упорно лезет слово «подснеж-
ник»):
– солнечный зайчик на подоконнике;
– и, на комод, чудовища-слоники...

МУЖЧИНЫ ЗАБЫВАЮТ

Мужчины забывают сигареты,
она кладёт их бережно на полку;
подруги говорят, мол, дурость это,
«блаженной» именуя втихомолку.
По саду бродит ночь на мягких лапах,
и лунным светом выстлано крыльцо;
она вдыхает пачек терпкий запах
и вспоминает каждое лицо:
«Вот этот «Winston» был забыт поэтом,
задумчивым, но ласковым в постели,
а это «Приму» здесь оставил мент, он
приходил три раза, но в апреле...»
Под лёгким палантином зябнут плечи,
мурлычет кот, лежит пирог на блюде;
ей верится в единственную встречу –
мужчина у неё себя забудет...

МАМА...

мама, мне снова становится страшно,
мне, как и в детстве, твой нужен совет...

...доченька милая, ты уже старше
на десять вёсен меня... десять лет...

мама, мы были б с тобой как подруги,
и мои беды б прошли стороной...

...дочка, ты знаешь уже, что за вьюги
жизнь обязательно платит весной...

как тебе там, где ничто не случается?
не о погоде же нам говорить...
мама, всю жизнь мне казалось отчаянно,
что между нами не порвана нить...

...здесь ни дождей нет... ни узеньких улочек...
солнца... и яблок в осеннем саду...
зябнут ладони... и хочется булочек...
я по дороге иду... и иду...
детка, твой голос как эхо разносится
в этом «нигде-никогда-и-никак»...
спи, ангел мой, твои волосы с проседью
нежно целую...
разлука-пустяк...

AMNESIA

забывай
закрывая руками лицо
обзывая себя подлецом
забывай:
– загустевшие ночи
– океан звездоточий
– на рыночной площади яблочный рай
– персики бархатные в ладонях
и в зоопарке печального пони
– запах акаций в тенистой аллее
всё забывай ничего не жалея
пусть всё развеется станет туманом
пеплом осядет на старые раны
ври:
– время лечит
– так проще
– так легче
не вспоминай:
яблоки... площадь...
персики... рай...

ПРОМОЛЧАНИЕ

я болею тобой как болеют тоской и ангиной
как болеет прибором горячий иссохший песок
как болеют весной острогрудые ломкие льдины
как надеждой на пулю болеет уставший висок
всем моим городам не хватает последних трамваев
пассажирам уставшим полуночных сумрачных лиц
мой бездомный щенок сторожит у подъездов хозяев
моё небо знобит – облака в нём не чувствуют птиц
ты захватишь меня как берут города и редуты
ты ворвёшься в меня путь торя по сплетению вен
на разбитых часах застывают в молчанье минуты
забытых тобой ойкумен

СПЛИН

как и не было
этих лет как и не было
как на землю белым-бело
падало небо
как ложился на плечи снег
таял на лицах
как хлеба просила у всех
голодная птица
как алели гроздь рябин
вдоль аллеи
так нашёптывал зимний сплин:
все стареем
все дороги ведут туда
все дороги
тот растаявший снег не вода –
плакали боги
как искали они тебя... как искали...
крепче камня в тебе зима... твёрже стали...

URBIS

возвращаешься в город к последнему снегу
по разбитым дорогам упавшим мостам
в его дымное чрево врываясь с разбегу
припадаешь ключом к заржавевшим устам

город с венами улиц – тату на запястьях
где в трясине асфальта тонули дома
прорастает в тебя раздирая на части
возвращаешься в город – как сходишь с ума

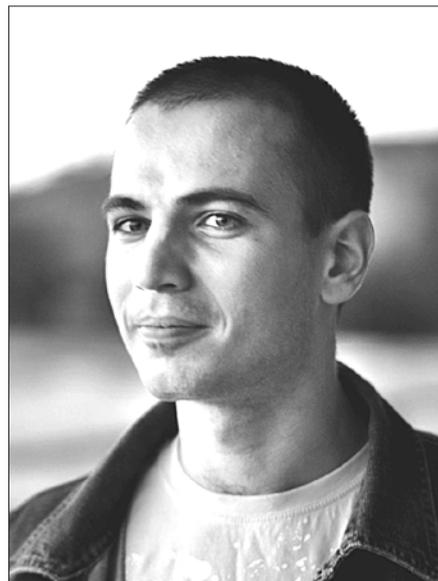
небо падает вниз повисая на сучьях
отражаясь в речных сотнях грязных зеркал
возвращаешься в город – как падаешь с кручи
и приходишь к себе чтоб никто не искал...

Олександр КУЧЕРЕНКО

ЖИТИ ІНАКШЕ

ТРИЛЕР

З нічної імлі
 виринає автобус-привид.
 Вдягає залізне намисто з консервних бляшанок.
 Розрубує тишу здриганням заднього приводу.
 Кремезний двигун по-старечому
 в грудях шамкає...
 Проспект зустрічає автобус
 привітним скреготом –
 шикує в широкі шеренги безмежжя ліхтариків.
 Автобус іде на розгін,
 бо швидкість – його кредо.
 В сталевім нутрі двигуна калатають литаври.
 Ось кіномеханік спогадів
 ставить найкращі кадри.
 Далекий веселий сміх і школярський галас
 робили навіть машину
 суцільним живим перикардом,
 що бився об груди частіш, коли діти збігалися.
 Автобус
 дитячим улюбленцем був,
 товаришем.
 Він широко розправляв невидимі крила,
 і щастю не було меж,
 бо дружба не отоварюється!
 Хто взяв би у нього
 героя нічного трилеру?
 Та пам'ять малює в уяві усе, до дрібниці:
 знелюднення міста
 і як закривали школи.
 Як стрімко валилося все, з чим устиг поріднитися,
 І він вже не був тим дитячим,
 старим ватажком.
 Автобус нарощує темп,
 сказано регоче, мов блазень,
 по вулицях міст сновигає і нічно і денно.
 І манить дітей.
 Та скільки б в салон їх не влазило –
 душу
 давно
 демонтували
 демони...

Кучеренко Олександр Васильович. Народився 20.05.91 р. в м. Южноукраїнськ Миколаївської області. Закінчив Севастопольський національний університет ядерної енергії та промисловості (2013). За фахом – інженер з експлуатації обладнання АЕС, працює машиністом-обхідником турбінного обладнання в турбінному цеху. Переможець обласного конкурсу «Золота арфа» (2008) в номінації «Надія року» за кращу патріотичну поезію. З 2012 року займається у поетичній студії «Колібри» (Южноукраїнськ), друкувався у двох альманахах циклу «Мир на кончике пера» цієї студії. Автор поетичної збірки «Абетка юності» (2015).

ТАЄМНИЦЯ

Таємниця таланту митців під товстезним замком
від звичайного ока давно і надійно захована.
Всі великі і генії – жертви
у лапах
жорстоких її законів.
Краєм ока Гомер тільки бачив її.
Краєм вуха лиш чув Бетховен.
Однорукий Сервантес тримав.
Одновухий Ван Гог
з нею снідав за межами бідності й звичних можливостей.
Геній – дерево всохле,
яке поглинає
голодний пекучий вогонь
споконвічної спраги до трунку мистецтва.
Вогонь, до якого молилися.
Хто від таєн митців мав священні ключі – як мольфар
обертався на птаха, луною стелився між горами.
Дублікати від скриньки талантів – дешеві підробки,
нічого не варті.
Тільки геній пульсує, як нерв, – бо стражданням оголений!
Бо мистецтво – осінньою мрякою вкутаний дощ.
Небо плаче. А ти не ховаєшся під парасолею!
Сам стаєш тим дощем,
барабаниш у скло –
хай промокнуть тонкі підошви!
Бо відродно й на вранішню квітку упасти росою!
Легко стежку митця проміняти на вдалий триб'ют.
Змій зневіри й зневаги вистежує пильна Гаруда.
Бо мистецтво – всміхатися долі в обличчя,
коли тебе боляче б'ють!
Але ти розумієш, що це твоє серце
колотить
в розпечені
груди.

ЖИТИ ІНАКШЕ

Від хронічного чхання на правду –
задавнений нежить.
Близькозорість –
гартована звичкою бути сліпим.
Так і гратися б далі в життя, як дитина в манежі, –
тільки ж інші, тим часом, себе малювали, ліпили!..

Мов премудрий пічкур,
все життя
берегти б і леліяти.
Для молюска вся правда – між стулками,
в зручності мушлі.
Хай би мрії летіли у Вирій – солодкі лоліти –
тільки те, що всередині,
жити інакше
примушує.

ЛІТНІЙ КІНОТЕАТР

На околиці міста похнюпився
літній обшарпаний кінотеатр.
Застарілий, забутий,
мов пам'ятник
тьмі та невігластву, нищій байдужості.
Перед вітром, в руїнах дрижить,
як маленька дитина, покинута матір'ю.
Наче хвора душа,
у якої колись відібрали надію –
одужати...

Час – крадій.
Час поцупив його глядачів,
всі сидіння дочіста зірвавши,
мов старече волосся.
Полишивши скупю
холодні кружальця зі сходинок.
Всохла річка життя. Вже не та глибочінь.
І безсилі безглузді реванші! –
Час «просунутих» кінотеатрів
замулив її,
наче русло Кóдими.

Зморшки стін проступили з-під шкіри цеглин,
щоб всміхнутися всім.
Та, натомість, –
покривилися густо барвистим графіті
у штучній натягнутій по́смішці.
Рани й виразки кінотеатру сягли
апогею.
Зразки анатомії.
Повз будівлю химерну його
я проходжу щодня,
мов приречений – по́вз мечі.

Люди вдома давно приручили кіно.
І у крихітних дюймах екрана
помістилися велетні всесвітів,
всі
світові
океани емоцій!..
На уламках із тисячолітніх канонів
буденність вдягають в сакральне.
Та до фінішу
коні прогресу
навіть чи дійдуть у вінках переможців!

Уночі ж
мій обшарпаний кінотеатр
ховає каліцтва і шрами.
Він стає непокореним големом.

Темінь
з'їдає
вульгарщину написів...
Мій останній сеанс до світанку триватиме:
кінотеатр
вмирає на ранок...
Та в сутінках
(знаю!)
почне знов на ноги,
як велет могутній, спинатися!

ТАЇНИ КІНБУРНА

Дзьобом орлиним вривається в море Очаків –
Хоч і виказує ввічливі жести посла,
Вчасно завбачивши Кінбурна лікті-нунчаки.
Брови насуплює гребнями хвиль Святослав.

Грає солоними брижами Білобережжя...
Млява секунда – і Кінбурна риб'ячий хвіст
Піну вусібіч розхлюпує необережно,
Наче з бокалів пивних п'яна зграйка гульвіс.

Чайок схвильований гвалт огорнув Лукомор'я:
Чайки читають ці землі, як давній сувій,
Нишпорять поміж дубів, що сховали в комори
Сивої пам'яті безліч походів та війн.

Що їм за таїни старці розкажуть крилаті?
Мудрість, яку бережуть їхні крони, ніхто,
Певно, не в змозі почути або переслати...
В небі – лиш зорі, а в морі – ліхтарик-планктон.

Геннадій МОЛЧАНОВ

А ЗАВТРА БУДЕ ВСЕ ІНАКШЕ

Про собак і патріотів

Біля мене постійно труться собаки. Майже місяць я їх навмисно не підгодовував, щоб позбавитися зграї, яка окупувала мій робочий простір. Та де там! Кілька днів намагався їх ганяти, але вони мені сказали, що навіть коли в мене автомат у руках, я схожий на людину, яка хоче налякати їжача голим задом. Ну, щось типу такого вони мені сказали. Наразі я перетворився на їхнього годувальника – тирю з «общака» тушонку і додаю її у те, що залишилось у каstrулях з вечері. Утім, тирю – це якось звучно сказано, навряд чи хтось мені зробить зауваження з цього приводу, та все одно якось незручно почувуюся, бо тушонка – це стратегічний харч.

Отже, не знала баба клопоту – купила порося.

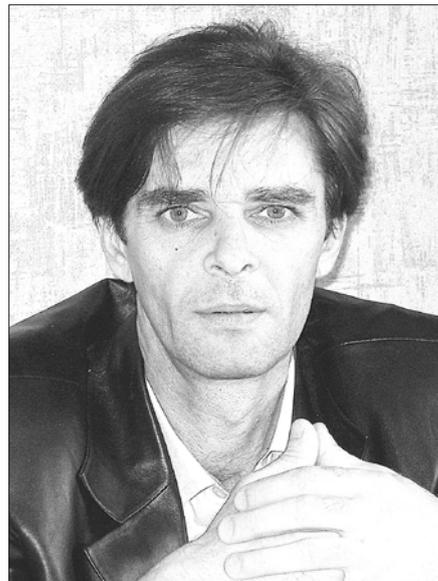
Під час «прильотів» уся зграя ховається в моїй хаті. Радості мені від цього малувато, бо в такі миті я й сам прагну сховатися, але завжди опиняюся в кінці черги, яка буксує в моєму вузькому коридорчику. Цей затор створює сучка з позивним Бусоль. Вона окупувала місце біля мого ліжка, і в мене не було вибору – довелося постелити їй матрац. Так от, у той час, коли вся зграя разом зі мною, як то кажуть, ломиться в хату, вона, навпаки, вибігає з хати, бо в неї особлива місія...

Це було б смішно, якби не було так сумно.

Бусоль

Їй відстрелило осколком лапу, коли вона, кинута напризволяще хазяями, сиділа на ціпку. Не беруся засуджувати чи виправдовувати її хазяїв, бо просто не володію інформацією щодо їхньої приналежності до українського табору чи бандитсько-терористично-москальського (тут навіть актив міста, який налічує не більше трьох людей, усієї правди не скажуть). Можливо, її хазяї й були на момент евакуації проукраїнські налаштованими, але евакуація – це діло тонке, в якісь рамки її не вкладеш, це горе. Горе для людей, горе для всього живого...

Бусоль вижила, зализала рану. Кому, як не їй відомо, що таке «прильот»?! Вона його чує задовго до того, як снаряд чи міна сягне цілі. Тому в момент загальної паніки, коли все живе намагається сховатись від осколків у моїй хаті, Бусоль пробиває собі шлях на вулицю, щоб попередити все живе про біду, про горе, яке чекає на кожного, хто не заховався. Серйозно. Міни рвуться, осколки сікуть усе, що трапиться на їхньому шляху, а Бусоль бігає подвір'ям на своїх трьох ногах і волає: «Ховайся, хто може!» До речі, саме тому їй і дали такий позивний, бо оптичні прибори, у які ми спостерігаємо за переміщеннями супротивника, теж мають три ноги і називаються бусолями.

Молчанов Геннадій Анатолійович. Народився 5.08.1960 р. в Николаєві. Лауреат обласного конкурсу «Золота Арфа» (2001). Публікації в літературних журналах «Поріг» (Кіровоград), «Склянка Часу*Zeitglas» (Канів – Мюнхен-Гладбах). Учасник збірок оповідань «Сліпий василіск» (Харків, 2000), «Миколаївське небо» (Київ, 2006). Автор збірки прозаїчних творів «Правди різні, а Істина – одна» (Миколаїв, 2007), роману «Готель – «Ковток незалежності»» (Київ, 2008).

Вона обрала мене своїм хазяїном. Я не знаю, що у таких випадках зазвичай роблять усі люди. Натомість знаю, що мушу зробити особисто я. По закінченні бойових дій маю забрати її з собою. Власне, це питання вже вирішене, от тільки мозок розпухає, коли починаю думати про сценарій цього дійства. Що вона робитиме у квартирі і як мені пояснити моєму коту Мадриду, що Бусоль, як учасник бойових дій і мій побратим, теж має право на кілька своїх квадратних метрів у нашому сумісному просторі... Доведеться нагадати йому, в який спосіб він сам потрапив у квартиру.

Мадрид

Якось моя дружина сиділа на зупинці і до неї підійшов кіт. Вона його погладила, він потерся її об ногу і пішов собі. А вже через кілька хвилин привів із собою кошенятко. Нещасне таке кошенятко, рахитичне. Дружина взяла його на руки, і зліз він з рук уже в нашій квартирі. А той кіт, що, так би мовити, прилаштував малечу, пішов своєю дорогою одразу, як тільки побачив результат свого вчинку. А я прихожу додому, зачиняю двері – і от тобі маєш! Вибігає з кімнати пузатий шкелет розміром з кулак і каже: «Нічого собі, так ти теж тут житимеш?! Оце так весело буде!» Він не помилився, йому дійсно весело. У хаті дихати нічим, аміаком тхне так, що очі виїдає. Спробуй не зробити йому зранку масаж чи ще не виконати якихось його забаганок – все, надзюрить під моїм письмовим столом. Щороку у відпустку він їде з нами у своєму власному рюкзаку, і тільки спробуй не взяти його з собою – мстя буде страшна, усі килими у хаті обмочить. Отак «весело» ми живемо. Він наразі повноправний хазяїн у хаті, і що буде, коли я повернуся з війни і почну відвойовувати втрачені за рік позиції, одному Богу відомо. У нещодавній своїй відпустці я не став цього робити, щоб не травмувати його психіку, та, власне, і свою психіку теж, бо це була не відпустка, а таке щось, про що соромно згадувати. Не за себе соромно, за командування ЗСУ.

Відпустка

Готувався сім місяців, п'ять з яких відпрацював у Пісках. «Зальотів» якихось серйозних за мною не було помічено. Чудив потроху, було діло, але не аватарив, зауважень по роботі взагалі не було жодного – і от тобі маєш! Десять днів відпустки! Маячня якась! А як же Кінбурнська коса?! Ми з дружиною і Мадридом щороку відпочиваємо на Кінбурні. Мадрид безпомилково вираховує час від'їзду і дні за три починає збиратися. Але все це працює, коли ти вдома. «Розрулити» усі складнощі, пов'язані з поїздкою, не так уже й важко: оплатив десятиденну путівку, зібрав речі, притягнув їх до місця відправки автробусів – і все. Тебе відвезуть до Очакова, пересадять на катер, переправлять через лиман, пересадять на всюдихід і доставлять на базу відпочинку. Той самий алгоритм при поверненні додому, тільки у зворотному порядку. А як спланувати відпочинок, знаходячись у районі бойових дій?! Надійний телефонний зв'язок відсутній, а тобі треба прорахувати сценарій майбутніх дій. Домовитись дистанційно за путівку, врахувати час на спілкування з дружиною, на офіційні заходи, типу появи на обласному телебаченні, у бібліотеках, на виставках, зустрітися з редакторами журналів, видавцями, та ще й з друзями по чарці випити тощо. Як це все можна упхати в десятиденну відпустку?! Командир каже: ти на війні чи кудой? Так, я на війні, але ж це не я придумав, це психологи придумали, вираховували оптимальний час перебування в районі бойових дій: 45+10 днів, і якщо вже мене ніким замінити – я не нию, я воюю. Вже п'ять місяців воюю. Мені вже не сниться родина, рідне місто Миколаїв, навіть уже голі жінки не сняться, а сняться «прильоти», від яких я просинаюсь... Приміром, два дні тому наснилось таке: у нас на другому поверсі стоїть здоровенна коробка з іржавими патронами, і ось якась жінка у моєму сні, обличчя якої я не ідентифікував, до того ж одяг у неї був аж ніяк не еротичний, несе цю коробку і на моє німе запитання відповідає: Мовляв, треба почистити, бо патрони ще знадобляться. І враховуючи мій такий психічний стан, мені дають десять днів відпустки. Не положених 20 і не хоча б 15, як я просив, а саме 10. Це плювок в обличчя. Утім, це лише перший плювок. Далі вже просто харкають в обличчя, не встигаєш отиратися. У тебе ще дві доби по графіку до від'їзду, а тобі зранку на розводі кажуть, типу, а що ти тут робиш? мовляв, ти вже у відпустці, здавай зброю, збирайся і їдь. Куди їдь?! Мені ще дві доби до від'їзду, у мене все вираховано, всі механізми запущено. Я вже прорахував і домовився про путівку на п'ять днів заїзду, яку мені друзі оформили й оплатили навіть без документів, і мені доведеться добиратися на косу власними зусиллями, а це означає, що навіть ті п'ять днів перетворюються на три. Одні щось роблять для тебе, а інші все руйнують. А Бусоль куди дівати, якщо ти й сам не відаєш, яка на тебе

чекає дорога. Як її можна брати з собою? А всі ж уже знають, що ти її везеш додому, і спостерігають за тобою: як же ти викрутишся у даній ситуації. Ну-ну, типу, зараз ми подивимося, який він, товариш Сухов. І ти вже не Сухов, ти вже навіть не «Пегас», а звичайне тріпло.

Питаю в командира, мовляв, невже важко було вчора попередити, документи ж ще вчора були у тебе на руках. А відповідь така: «Я что, за каждым должен бегать?» Це мій командир! І сміх, і гріх. Ти виховувався на советських фільмах про війну, ти знаєш, як все має бути. Фраза, типу, а наш командир у бліндажах не ховався, їв з нами з одного котелка, для тебе має велике значення, в першу чергу, в образному значенні. Наш командир і їв з нами, і не ховався за нашими спинами, і трусом його не назвеш. Більше того, він дуже розумний, першокласний СОБ, має айкью вищий за наші усі разом узяті; він кандидат наук, він фізик-математик, він працював на космос тощо. У нього позивний – «Академік». Все так. Але він ніякий не «Академік». У мене для нього є власний позивний – «Нарцис». У мене син такого ж віку, а цей поводитьсь так, наче, як казав мій дід Іван, вже має муху в носі...

І ще одна цікава деталь. Зампотех зранку вже поїхав у відпустку, навіть ручкою помахав. Я думав, він у штаб їде...

Збираюся за десять хвилин, здаю зброю і на машині замполіта їду до штабу. Виявляється, це не одного мене «кинули», бо в машину з такими самими здивованими очима сідає мій земляк з Миколаєва, старшина Жека. Ми, як два довбні, ще дві години чекаємо під штабом продовження цього Марлезонського балету, а кожна мить відпустки вже відходить у минуле...

Усі твої карти перетасовано, всі механізми збиті з ритму, і ти встигаш у відпустці відпочити два дні на морі, але не на улюбленій тобі Кінбурнській косі разом з дружиною, а в ненависному Коблево-му. Ти напиваєся, як той чіп, чудиш, наче навіжений, тричі купаєшся в штормовому, брудному морі, обпікаєш обличчя об синіх медуз і таке інше. Тобі соромно, тобі бридко й голова болить. Три дні ти відлежуєшся вдома, відводячи очі від погляду дружини, потім виходиш на вулицю, й до тебе повертається бридке відчуття, бо, як і в перші три дні, на вулицях рідного міста ти потрапляєш у дежавю: все місто завішане білбордами з обличчями людей, які призвели своїми помислами, риторикою й діями до ворожнечі в країні. Вони досі не в тюрмі, вони знов балотуються, а ти навіть у відпустку не можеш по-людськи зїздити з фронту. Ти через них опинився на війні, а вони й досі не покарані. Мало того, ти взавтра повернешся на передову, а вони тобі накази віддаватимуть...

Твоє обличчя захаркане, і витирати його треба, тільки спосіб витирання ти мусиш міняти: не рукавом чи носовичком, а чимось більш дієвим. Згадуєш про гранати, які залишив у шухляді в своїй кімнаті на передовій, про свій автомат, який раніше сприймав як важку безкорисну залізцяку...

І ти повертаєшся на передову, а тебе єхидно питають, мовляв, що ж ти кинув Бусоль напризволяще... Звісна річ, ти згадуєш слова Михайла Миколайовича...

Миколайович

Улюблений вираз Миколайовича: «Я уже в такому віці, коли легше промовчати, повернутися й піти, ніж пояснювати».

11.09.2015

Піски

Богаченко Анжела Александровна. Родилась 19.01.89 г. в Донецке, выросла в Николаеве, живёт в Киеве. Окончила Николаевский филиал Киевского национального университета культуры и искусств (дизайнер окружающей среды) и Киевский национальный университет театра, кино и телевидения им. Карпенко-Карого (сценарист ТВ и кино). Участник литературной резиденции для украиноязычных писателей «Станиславский феномен» (2014). Лауреат фестивалей и конкурсов видеопоззии «Батискаф» (Николаев), «Волошинский сентябрь» (Коктебель), «CYCLOP» (Киев, 2012-2014), «Zebra» (Берлин, 2014), «Дни украинского кино в Испании» (Каталония, 2014), «Каштановый дом» (Киев, 2013). Дипломант поэтического конкурса «Ватерлиния-2014». Печаталась в сборниках «Євромайдан. Хроніка в новелах» и «Станіславський феномен. Принагідні гості», журнале «Склянка Часу*Zeitglas». Победитель кинофестиваля «Відкрита ніч – 2015» в номинации «Моя незалежність» (видеопоззетическая работа «Звідки ти, чорна валко, пташино зграє?»).

Анжела БОГАЧЕНКО

МЫ ЖЕ – СВЕТИМСЯ

БАЛМОРЕЯ

Знаешь, а мы – встретимся
(неизбежно и безысходно)
на берегу, открываю дверь (прости меня),
но мы сияем, мы – светимся.
Мы – встретимся, мы – встретимся,

волнами касаемся,
коленями оставляем колеи
по дороге с города Коауила.
На прощание или встречу обнимаемся.
Погружаемся, погружаемся

друг в друга, ко дну озера Балморей,
где на балу морей вальсируем –
раз, два, три, мы пульсируем,
раз, два, три, мы вальсируем,
раз, два, три... мы? Мы.

И вот сидим на берегу, седем, обнимаемся.
Спрашиваешь устами в ухо моё:
– Как думаешь, мы ещё встретимся?
Я отвечаю шёпотом в ухо твоё:
– Я не знаю. Я не знаю. Но прислушайся –
мы же светимся, мы же – светимся.

НАШИ БАШМАКИ

В тот день все наши башмаки проснулись.
Моитвои, твоимои. В тот день (почти) апреля.
И, если помнишь, наступило только 53 февраля.
А башмаки (такие заспанно-у уставшие от нас), чуть шурясь –
вышли и пошли –
шагать, шух-шах, шагать.

Мы снова вывели их вместе (погулять).
Мы снова выводили нас (гулять).
Нас выводили (парой), как рассадку.
Нас выводили чистой квартирой в консонанс.

А шли мы, вроде как, и в метре (друг от друга),
шли мы от пят и до макушки (вверх),
а с башмаков пророс соцветий свет – моих,
пуховых 29 подснежков – с твоих.
Мы уходили глубже, глубже. В снег.

В том сне мы закопали башмаки все в снег.
Такой глубокий и холодный, но почти апрельский.

АБРИКОС

Наше незнакомство – это как апрельский абрикос.
 Нет, он ещё не спелый, не созревший,
 не холёный, солнцем не объятый,
 не обнятый первым ветром, а приласкан снегом,
 снегом (не дождём краплёным и не белым мелом).

Он не сорван Взрослым Мальчиком Эйя,
 2-го апреля (с планеты Моссе),
 он не съеден Маленькой Девочкой Бо,
 12-го апреля (с планеты Кио).
 Но он подаёт сигнал «SOS» на замёрзшей ветке, где возрос.

Эйя, пока ты бродишь по святым непальским землям,
 я становлюсь цветущим гребнем, причёсываю своё дерево,
 отгоняю снежную пыль, поливаю его из кедрового ковша.
 Смеётся надо мной лук медвежий – лесная черемша,
 а я вспоминаю имя твоё, где-то так назван фьорд (северная земля).

Летом Маленькая Девочка Бо бегала в плаще и шляпе с полями,
 полями травяными, садами, садами и уснула в сон-траве.
 Взрослый Мальчик Эйя «Зенитом» снимал между снами (тайно годами),
 украшал абрикосами шляпу с полями. Устами, устами
 разбудил он её.

Апрель – это время святого тандема.
 Апрель, как этап рожденья абрикоса.
 Стучится в окно.
 Но не хватает длины ещё одной руки,
 чтобы коснуться его.
 Запредельно близко и запредельно далеко,
 как и ты, Эйя, мой апрельский абрикос.

(Ремарка: звонок в дверь)

Подхожу на цыпочках-пальчиках, босиком.
 Слушаю, прислонившись ушком. Молчу. Глазком к глазку.
 Между нами стена. А с порога мне шёпот ясноглазый:
 «Здесь ли живёт маленькая Бо с абрикосового сада?»

(Ремарка: дверь открывается, слышны звуки звездопада)

САМАЯ ПРИЯТНАЯ АВАРИЯ

Шла с горки по Хмельницкого в «Радугу»,
 пока не случилась
 самая приятная в мире авария –
 неудачная посадка божьей коровки
 на мой нос.

ПРИЗВУК

А ведь самое странное, что может осознать весною человек
(идуший с востока на север), что ближе юга на карте ничего нет.
Нет, и дело вовсе не в сломанном компасе, карте-перевёртыше
за прошлый век, просто слышен в сердце юга призывок – обертон рек.

И вот идём мы – пуховая отара, с рюкзаками за спиной,
За нами следует Зелёная Тара, идёт той же зелёной тропой.
И было нас семеро, существ с разных городов и планет,
и не было у нас национальностей больше, нам стало по 17 лет.

Над холмами – ветер. Над головами – пепел. В сердце – суводь.
В Перевальном спокойно, в Перевальном спокойно.
В Перевальном спокойно бродит-гадает туман по ладоням,
ветер крепчает, ветер уходит, ветер тихонько
играет с пуховьем руки. Нет, в этих землях не будет войны.

И было решено отказаться от имени, написать на камнях у воды
наши звания, паспортные данные, наши слишком чужие мечты.
Отпускать всё в Су-Ат, создавать свой собственный йойк «Исайо-йои»,
у подножья горы Караби-Ййлы, у подножья детской горы тишины.

Но ты сказал: «У меня есть план, есть атлас в моих руках!
Мы пройдем тиховоды пешком тихоходом по древесным мостам».
И вот они мы – без имени, наций и прошлого, роднимся ладонями,
И вот они мы – качаемся под морской Луной, касаемся коленями.
И вот он – наш дом, посёлок Рыбачье, стал Меккой к детским годам.

...По весне этого года идут солдаты, где ветер играл с пуховьем руки.
Но в Перевальном спокойно, но в Перевальном спокойно.
Но спокойно повторяю заклинание: ветер-сносит-пепел-в-суводь,
нам не видеть в апреле войны, нам не видеть в апреле войны.
Исайо-йои! Ещё не поздно радоваться жизни.

КУМАНИКА

Ежели спросят меня: «Лика, какое твоё первое имя?»
Я отвечу, вспоминая зелёные листья матери: «Я – Вика,
придорожная ежевика с кустов Севастополя.
Эфемерная, чёрная-чёрная, в ладонях человека – кружусь,

рассыпаюсь кустарниками, господи, бесконечными!
Угощаю детей птиц, детей людей, угощаю слепых и немых
(но кто угостит меня, господи, кто обнимет тело моё с шипами?),
с чьих живых губ потечёт кровь святых после моего касания

устами? Что приснится Царю Сна из Сарсона обо мне?
Что приснится неизвестному мальчику Эйя из Сарсона обо мне?
Эй! Падаю в ваши объятия, я – ежевика неская, святая куманика,
древняя росяника, записанная пером Теофраста. Но что мне с этого,

ежели над выжженными холмами Севастополя растёт мой куст,
от касания которого, о господи, прольётся святая кровь твоих уст?
Ясность (не сность). А на губах твоих – искренность.

АНИТРА РАДУГА ИВАНОВНА

Ах, рыжая твоя, шебутная голова!
Ноги золотые на горячих камнях
Судака. Помнишь, как взбирались мы
и ползли на холмы Меганомы?
Помнишь? 4 утра двадцать четвёртого июля
затёртого и хромого года –
ты была ещё жива. Жива, Шива моя,
жива в перекрёстках самостроев
татарских. Шла я, и ты, Светлана Ивановна
(по фамилии Радуга), тоже шла.

– Медитировать будем, – говорила она, –
чакры, дорогая, открывать,
перестанем страдать! Я возьму тебя за руку,
начинаем танец танцевать –
па-де-де, отдавать дань Меганомы горе!
Только главное, дорогая, не сгореть
дотла! Не сгореть. Инжиром не перезреть,
гроздь фиолетовой в землю не пасть.
Только странно: на шее моей ладанка печёт,
на затылке – лаврская свеча горит...

– Девочка моя, радость моя... –
обрывается она и не спешит уходить пока.
А я смотрю шествие гномов на скале,
на меганомные облака с улыбкой Грига
нашего Эдварда. Напеваю тебе мелодию
«В пещере горного короля», моя Анитра,
Радуга Ивановна, рыжая, шебутная твоя голова!
Помнишь, ночью по осени ты умерла?

– Помнишь, дорогая моя, по осени я умерла?
Помнишь, девочка моя, крест Меганомы?
Прожгла ладанка сердце моё, догорела на шее свеча.
Но я – Шива твоя – жива. Жива. Жива.

175 років з дня народження М. Кропивницького

Людмила СТАРОВОЙТ

БАТЬКО УКРАЇНСЬКОГО ТЕАТРУ

Йому належить одне з найпочесніших місць у плеяді видатних діячів демократичної культури кінця XIX – початку XX століть. Він був наділений унікальною різнобічною обдарованістю: не тільки класик драматургії, геніальний актор, режисер-реформатор, засновник театру світової слави, а й відомий поет, композитор, диригент, співак, перекладач; не лише талановитий організатор і керівник театру, а й чудовий педагог. До того ж був чудовим майстром слова, палким публіцистом, який міг захопити своїми виступами слухачів.

Школа дитинства

Хоч народився Марко Кропивницький на території, що належить сучасній Кіровоградщині (с. Бежбайраки Єлисаветградського повіту Херсонської губернії – тепер с. Кропивницьке Новоукраїнського району Кіровоградської області), життєві дороги майбутнього драматурга пролягали через села і міста Миколаївщини. В ранньому дитинстві він жив у селах Катеринівка, Новокрасне (тепер це єдине село Новокрасне Арбузинського району), де його батько Лука Іванович служив управителем маєтків князя М. М. Кантакузена. Дитинство Марка не можна назвати щасливим. Коли йому виповнилося п'ять років, мати залишила сім'ю, забравши з собою молодшого сина, а старші діти Галя і Марко залишилися з батьком. Зранку до ночі перебуваючи на полях та інших господарських об'єктах, Лука Іванович не завжди міг приділити дітям достатньо уваги. Тому сина з донькою змушений був залишати у родичів, а часто їх доглядали кріпаки, що працювали при панському дворі. Саме тут Марко познайомився з народними звичаями, обрядами, українським фольклором.

Початкову освіту М. Л. Кропивницький здобував протягом 1848–1850 років у слободі Майтове (тепер с. Олександрівка Доманівського району) у приватній школі шляхтича М. К. Рудковського. Як згадує драматург у своїй автобіографії, школярів тут було близько тридцяти. Хлопці і дівчата вчилися разом. Учні, котрі жили при школі (а серед них і майбутній драматург), «не тільки вчилися грамоті, а й двір чепурили, ганяли до водопою скотину, вибирали кукіль із зерна, ходили бакшу полоть або просо, молотили горох та квасоллю, поливали капусту». Рудковський нещадно бив учнів за невиконання господарських робіт. На видному місці висіла в школі нагайка-трійчатка, котру школярі називали «дисципліною». Кропивницькому не раз перепало за те, що погано стеріг худобу під час водопою тощо. Коли про побої дізнався батько, він забрав зі школи Марка і старшу доньку Галю, наостанок нещадно відшмагавши самого «професора» Рудковського.

Жив у дитинстві М. Кропивницький і в с. Молдавці (тепер Козубівка Доманівського району), Дмитрівці (тепер Вознесенського району), а також у місті Вознесенську, де протягом зими 1852/53 року навчався разом з дітьми князя М. М. Кантакузена. Там його найбільше вразила кара солдат шпіцрутенами, яку йому доводилося спостерігати. Про всі ці події драматург згадував у своїй автобіографії, написаній за декілька років до смерті. Він не брався писати її раніше, поки живі були його батьки, тому що боявся ворошити болючі спогади про родинну трагедію.

У 1856 році майбутній засновник українського театру закінчив Бобринецьке повітове училище і в 1861–1871 роках служив на канцелярських посадах у Бобринці та Єлисаветграді. Тут почав виступати на аматорській сцені разом із І. Тобілевичем. Але Кропивницький мріяв про здобуття вищої освіти, у 1861–1863 роках він став вільним слухачем Київського університету Святого Володимира, але не закінчив навчання, не змігши підтвердити своє дворянське походження. Тут він ще більше

захопився театром, переглядав вистави різних труп, написав свою першу драму «Микита Старостенко», яку пізніше перейменував на «Дай серцю волю, заведе в неволю».

У 1871 році Кропивницький переїздить до Одеси й 12 листопада дебютує як актор-професіонал у російському народному театрі графів І. й Д. Моркових та М. Чернишова, але в українській виставі «Сватання на Гончарівці» Г. Квітки-Основ'яненка. Часом Кропивницький влаштував і самостійні спектаклі, у т.ч. ставив п'єсу «Назар Стодоля» Т. Шевченка, де сам виконував роль Хоми Кичатого. В Одесі Кропивницький подружився зі студентом Новоросійського університету М. М. Аркасом (майбутнім засновником «Просвіти» в Миколаєві, істориком і композитором, автором опери «Катерина» за сюжетом Т. Шевченка), якого теж залучав до вистав як актора.

Миколаїв був серед тих міст, які найчастіше відвідували з гастролями кращі трупи українського театру корифеїв, створеного Кропивницьким. Він, як свідчать дослідники, вперше вийшов на миколаївську сцену ще у виставі одеського театру Моркових і Чернишова в жовтні-листопаді 1874 року. Вдруге Кропивницький виступав у Миколаєві влітку 1875 року. Виступав у нашому місті і в 1879 році у складі створеної ним опереткової трупи. Збереглися спогади про те, як у серпні 1882 року Кропивницький, який зупинився у миколаївському Петербурзькому готелі, до пізньої ночі читав молодому офіцеру 58 Празького полку Панасу Тобілевичу (майбутньому Панасові Саксаганському) свою п'єсу «Доки сонце зійде, роса очі виїсть». Є думка, що в основу п'єси лягла справжня історія, що трапилася з М. Аркасом, який ще студентом, відпочиваючи на канікулах у родинному маєтку Богданівка, закохався в сільську дівчину Ярину, але батько зробив усе, щоб розлучити пару.

1882 року, після десятка літ виступів у багатьох російських трупах, скориставшись послабленням заборон на українські вистави, Кропивницький створює в Єлисаветграді першу трупу професійного українського театру. Вистава «Наталка Полтавка» І. Котляревського 27 жовтня 1882 року символізує початок народження українського професійного театру. І вже 1883 року в складі першої трупи з 8 до 29 вересня Кропивницький гастролює у Миколаєві як актор і режисер. Тоді в його постановці миколаївці бачили, зокрема, п'єсу Т. Шевченка «Назар Стодоля» (9 вересня) та його власну п'єсу «Невольник» за сюжетом Т. Шевченка (14 і 25 вересня). У 1885 році, з 25 квітня до 14 червня, у Миколаєві гастролює вже нова, власна трупа Кропивницького. Тоді у своїй виставі «Назар Стодоля» він грав Хому Кичатого. Як писала 28 квітня газета «Николаевский вестник», грав «з майстерним мистецтвом та істинно артистичною глибиною», вистава принесла «високу насолоду» миколаївцям, воскресивши «часи молодецького завзяття Запорозької Січі».

На користь милій Україні

У жовтні 1886 року Кропивницький зустрічається у Миколаєві зі своєю трупою і на пароплаві до Херсона домовляється про гастролі в Петербурзі. Ці гастролі з 11 листопада 1886 до 15 лютого 1887 років мали тріумфальний успіх. Уперше в історії Імператорського театру «провінційна» трупа зіграла на його сцені. Коли імператор Олександр II, захоплений акторською майстерністю Кропивницького, запропонував йому грати в Імператорському театрі, що давало актору змогу жити безтурботно і заможнo, Марко Лукич рішуче відмовився: «Не потрібно мені ні срібла, ні золота, ні слави, ні пошанівок... Зрадити моєму народові, піти у найми тут «владсть предержажим», які мову нашу не визнають, хочуть знищити?! Ніколи! Краще буду працювати на користь милій моїй Україні на повну, Богом дану мені силу, а там вже нехай цінують все, що я залишив».

Драматургія Кропивницького генетичними узами пов'язана з фольклором, а також із кращими зразками української класичної літератури, зокрема, з творчістю І. Котляревського, Г. Квітки-

Марко Лукич Кропивницький (1840–1910).

Основ'яненка, Т. Шевченка, М. Гоголя. У ній вельми відчутні також традиції таких світових майстрів слова, як В. Шекспір, Ж.-Б. Мольєр, О. де Бальзак, О. Грибоедов, О. Пушкін, О. Островський, Л. Толстой.

Митець у своїх драматургічних творах (а їх він написав понад чотири десятки) виступав творцем жанру соціально-психологічної драми. У час гонитви на все україномовне, самобутнє театр Кропивницького проповідував Україну, її історію, побут, мелодійну мову. Вистави театру корифеїв у Петербурзі були тоді явищем винятковим – то були насправді презентації української культури, які викликали гарячі симпатії демократичного російського глядача, набуваючи гучної слави. Тогочасна преса відзначала, що «українці під режисурою Кропивницького на багато років випередили Художній театр Станіславського».

За своє довге сценічне життя Кропивницький зіграв сотні ролей українського, російського і західноєвропейського репертуару. Це були справжні шедеври, в яких великий актор сягав глибини розкриття і розуміння сценічного образу. Він прагнув, щоб його побачили і почули в найвіддаленіших куточках країни. «Відчувалось, що на кону не тільки неабияка художня сила, а людина, яка воістину кохається у своєму рідному національному мистецтві, на сцені виступає один з головних і кращих діячів в українському театрі, окраса і гордість його», – так високо відгукувалась про видатного земляка тогочасна критика.

Протягом довгих років М. Кропивницький підтримував дружні стосунки з М. Аркасом. У Державному архіві Миколаївської області, в особистому фонді М. Аркаса зберігається десятків зо два листів, якими обмінювалися друзі. М. Аркас був хрещеним батьком доньки М. Кропивницького Марії. Саме йому М. Аркас доручив постановку своєї опери «Катерина». Прем'єра її відбулася 12 лютого 1899 року в Москві в театрі «Акваріум». Композитор не міг бути присутнім на виставі через тяжку хворобу, і М. Кропивницький у листах з багатьма подробицями передає весь перебіг події, знайомить автора з позитивними відгуками московської преси.

Справжнім тріумфом стала прем'єра вистави у Миколаєві 14 березня 1900 року в театрі Я. Шеффера. Труп М. Кропивницького прибула із Одеси спеціально для прем'єри. Головну роль Катерини виконала О. Ратмирова, Кропивницький виконував роль її батька Остапа Палія. Вистава мала неймовірний успіх у слухачів-земляків. Миколаївська газета «Южанин» у № 66 опублікувала велику статтю з докладним аналізом твору М. Аркаса і вистави трупи М. Кропивницького.

Визначну роль зіграв М. Кропивницький і у становленні таланту актриси Єфросинії Зарницької (справжнє прізвище Азгуріди, 1867–1936 рр.), доля якої тісно пов'язана з Первомайськом та Миколаєвом. Кропивницький помітив її гру в самодіяльній виставі, умовив батьків відпустити дівчину в свою трупу. У 1889 році вона блискуче дебютувала на професійній сцені у Єлисаветграді у виставі «Сватання на Гончарівці». Як режисер Кропивницький дбав про розширення репертуару молодої актриси, давав цінні поради. Пізніше вона з успіхом виступала в Парижі (1893 рік), Петербурзі (1914–1924 роки).

Коли миколаївське українське товариство «Просвіта» ставило 22 лютого 1909 року оперу М. Аркаса «Катерина», Є. Зарницьку спеціально запросили до Миколаєва з Петербурга для виконання ролі Катерини. Вона радо прийняла запрошення, місцева преса відзначала «її темперамент і експресію», а глядачі щиро вітали співачку. Повернувшись в Україну в 1924 році, за прикладом свого незабутнього вчителя Є. Зарницька в с. Катеринка на Первомайщині створила самодіяльний театр, який зіграв значну роль у культурному розвитку місцевих мешканців.

Вийшло так, що і в останню путь М. Л. Кропивницький теж вирушив з нашої миколаївської землі. Повертаючись із гастрольної поїздки з Одеси на Харківщину, на свій хутір Затишок, він раптово помер від серцевого нападу у вагоні поїзда 21 квітня 1910 року на станції Підгородня (біля теперішнього м. Первомайська).

Створити літературний музей

Величезна заслуга Кропивницького і театру корифеїв полягає у ствердженні в народних масах української національної ідеї. Діяльність Кропивницького на Миколаївщині залишається не повністю дослідженою, не увічнена гідно й пам'ять геніального земляка. Хоча у Новокрасненській школі Арбузинського району під керівництвом учителя історії І. Титаренка створено меморіальну кімнату – музей М. Л. Кропивницького, де зібрано ряд цінних документів, видань творів драматурга, копій його листів. Учні школи ведуть наукову пошукову роботу, вивчаючи родинне дерево роду Кропив-

Першопроходці української сцени – легендарна трупа театру Марка Кропивницького

ницьких, матеріали про його життя і творчість. Ряд школярів представляли результати своїх пошуків на конкурсах наукових праць у Малій академії наук.

Оскільки в 1990 році на пропозицію письменницької організації ім'я М. Л. Кропивницького присвоєно миколаївській міській центральній бібліотеці для дорослих, стало вже традицією ювілейні заходи зосереджувати саме в цьому закладі культури. 22 травня тут відбувся вечір «Великий українець Марко Кропивницький». В ході вечора відомі миколаївські письменники, дослідники та шанувальники таланту Марка Кропивницького познайомили городян з багатогранною творчістю фундатора українського театру. Сюрпризом для присутніх стало відеопривітання від онука митця – Ігоря Олексійовича Кропивницького, фотохудожника, журналіста, музикознавця, який мешкає у Києві.

Доповнили знайомство з творчою спадщиною корифея українського театру буктрейлери, представлені на конкурс «Велике слово великого земляка», проведення якого ініціювала бібліотека. До уваги гостей свята було запропоновано літературно-музичну композицію «Видатна постать української культури – Марко Кропивницький», підготовлену творчими колективами Миколаївської філії Київського національного університету культури і мистецтв. Всіх присутніх зачарували пісні у виконанні українського народного хору імені М. Аркаса під керівництвом заслуженого діяча культури О. Шпачинського, гра оркестру народних інструментів, виступи вокальних і танцювальних колективів. Арт-супроводом ювілейних урочистостей стали книжкові та фотовиставки. Були представлені й документальні раритети з фондів краєзнавчого музею та приватних колекцій миколаївців, присвячені сторінкам розвитку театрального мистецтва Миколаївщини. Велелюдне дійство не залишило байдужих серед шанувальників таланту драматурга.

22 травня Україна відзначила 175 років від дня народження видатного актора, режисера, драматурга, основоположника українського професійного театру Марка Лукича Кропивницького. Одним із перших у європейській культурі він разом із М. Старицьким, а також із І. Карпенком-Карим, М. Садовським і П. Саксаганським не лише організував роботу професійного театру, незважаючи на цензурні утиски та заборони російського імперського уряду, а й утвердив власну школу режисури, ансамблевої гри, сценічної майстерності.

Хочеться вірити, що в найближчому майбутньому будуть реалізовані наміри діячів культури Миколаївщини щодо створення літературного музею і творча діяльність «батька українського професійного театру» Марка Кропивницького буде представлена в ньому повно і розлого.

Старовойт Людмила Василівна. Кандидат філологічних наук, доцент кафедри української літератури та методики навчання. Лауреат обласної премії ім. Миколи Аркаса в номінації «Просвітницька діяльність» (1996).

Валерій МАЛИНА

УКРАЇНА: ПАРАДИГМА ЗРАДНИЦТВА

*Треба крові, брата крові, бо заздро, що в брата
Є в коморі і на дворі, і весело в хаті!*

«Уб'єм брата! Спалим хату!» –

Сказали, і сталося.

Т. Г. Шевченко. «Гайдамаки»

Усе, що нас оточує, з чим ми стикаємося, що сприймаємо і переживаємо, має вищу причину з'явлення, відповідні форми уречевлення й наслідки. А те, що спряжене з первопочатком, закарбоване в колективному несвідомому народу, проявляється у вигляді архетипових фігур на історичних етапах становлення етноспільнот. Якщо накласти матрицю планетарного хамства на сучасну українську дійсність, зіставити парадигматику світового й вітчизняного зрадництва, то виявиться, що вони майже збігаються за естетико-психологічними й етико-моральними вимірами. Безумовно, оригінальні первохамство й первозрада, як первозразки перводіянъ перволюдей, не порівнюються з їх копіями, репліками, переспівами, рімейками тощо.

* * *

Мої взаємини зі світом лише підтверджують об'єктивне, багатовікове існування норм, приписів, канонів, догматів, хресних цілувань і таке саме стабільне, однак суб'єктивне, нехтування ними. Люди справіку домовляються про все, укладаючи відповідні кодекси. В них – життя кожної людини: від коліски до труни. Від червоного світла на перехресті до кольору шкарпеток і форми краватки. Від вимог правопису до правил оформлення автореферату дисертації. Від кодексу чести «злодія в законі» до регламенту прийняття законів ВР України.

Мотив зрадництва у колективній свідомості українців потребує спеціального вивчення. Тому наші висновки попередні й дуже загальні. З певністю можна лиш стверджувати, що поняття запроданства на межі ХІХ і ХХ століть увійшло в українську колективну пам'ять як один з інструментів примусу до вибору національної чи будь-якої іншої масової ідентичності. Поділ на патріотів і зрадників виявився зручним емоційним супроводом для процесу історичного націєутворення. Цивілізовані народи не укладають договори, пакти і трактати про права та обов'язки співгромадян. Вони наслідують багатовікові духовні традиції прабатьків, засади етноісторичної моралі, в якій найганебніше місце займає переступництво, або зрадництво.

Гріх зрадництва, пристосування з'являється спочатку в думці. Проявляється через бісову волю. Потенційний перекинчик думає, що він хитріший за оточуючих. Ніхто, мовляв, не здогадається про справжню мету його морального переступу. В одному випадку він нібито спасає чиесь (не своє!) життя, в іншому – честь країни, престиж воїна, професії тощо. І все виглядає так, що він нібито й посивів «за народ». Тут гріховна плоть домінує в христородавцеві – і він починає шукати виправдовування власному віроломству через боже покликання спасати націю, державу, релігійні і культурні цінності. Персональна зрада тлумачиться продажною шкурою не як особисте порушення вірності, а як прояв колективного морального добра.

Із семи смертних гріхів, спрямованих проти Святої Тройці, повчальне богослов'я, зважаючи на планетарний гріх біблійної зради, не виокремлює відступництво як один з першорядних смертних гріхів. З огляду на це, церква ніби втрачає право говорити взагалі про порушення віруючими релігійно-моральних настанов, залишивши це право за суспільними інституціями.

Людська розпуста, моральне каліцтво – навичка продажно (вродженої?) плоти, безтурботність, лютощі (розлучення), нерозкаяність розуму й волі. Зрадництву передують, а згодом і супроводжу-

ють його підробно-удавані (сфальшовані) чесноти, каїнові пожертви, нестримна хіть і безмірна людська гордота.

Християнські церкви, на жаль, бодай навіть теоретично, не роблять спроб, засуджуючи прояви еретицтва, боговідступництва, марновірства, чаклунства, знайти причини запроданства не стільки у релігійній вірі, скільки в реальному житті; адже конкретне етноконфесійне віросповідання формується розумними створіннями для «схожих на себе», а не навпаки.

Чи існують в уявленні бога зрадливці?

Чи може христородавець любити Бога, чи вистачає в нього сил не зважати на його заповіді? Чи може християнин одночасно любити свого Бога і мати постійний рабський чи то синовній страх у власному серці на випадок бісівської спокуси з боку потойбічних сил? Чи може Бог сприйматися злодієм як ворог, як той, хто здатний і може покарати за переступи? Чому в повчальному й догматичному богослов'ї покарання за переступи відкладається «на потім», коли покарання за земні гріхи не можуть бути адекватними людям в «іншому тілі». Яку функцію має виконувати Господь, передавши право оцінювати і тлумачити людські вчинки людям гріховним за своєю природою, але навченим оцінювати чужі життєві кроки. Чи не тому злодіяння не тільки не зменшуються, але ростуть кількісно і якісно; нині людина зізнається в любові до людини, тримаючи за спиною кинджал, а за пазухою удавку. Чи допомагає Господь розпізнавати тим самим священникам зрадників і патріотів, адже Він, за Святим Письмом, посилає небесне світло й небесну вологу добрим і злим, праведним і грішним. І ми, мовляв, маємо самі розбиратися, хто є кому, скажімо, той самий російський президент чи то патріарх чужомовної, хоч і спорідненої за релігійними догматами, церкви.

Чи варто сьогодні молитися очевидним брехунам на очах Європи Небесній Трійці? Чому на таку бесіду з Істотою Вищої Реальності погодилися виключно кремлівські комедіанти, називаючи чорне білим, гаряче холодним, підлість подвигом, бомбування території сусідньої держави – «спонукою до миру», а пряме фальшування територіального «референдуму» – проявом питомо «православної демократії»?

На що розраховують московські клятвопорушники і кривоприсяжники, зловживаючи іменем Творця і, найстрашніше, порушивши тільки-но вчора підписані колективні мирні угоди, комерційні контракти, розграбувавши державне майно, анексувавши території, зруйнувавши міста Донецької і Луганської областей, позбавивши життя десятків тисяч українців. Хіба московські попи, благословляючи «на камеру» професійних православних мародерів, не здогадувалися про власний блуд, дворушництво церкви, яку вони репрезентують, адже вони провокували на лицемірство професійних святенників з автоматами, виголошуючи клятву захищати права «скривджених в Україні схизматів» не перед Богом, а перед християнським світом в ім'я Спасителя Ісуса Христа. *І слова правильні, і сказані з аспірацією, і Христові знаки до місця проявлені, і ризи, і молитви, і Розп'ятий на хресті, а віри немає.*

Чи можна зрадити російській православній церкві, котра сама нині не випромінює благодать, не надихає вірян на доброту. Церква ніби втратила совість перед християнами всього світу, підступно поєднавшись з імперською тоталітарною владою і злочинцями-терористами на Сході України.

Церковна архітектоніка РПЦ МП, перебуваючи під патронатом ФСБ, президентських структур, упокорює своїх вірних страхами ересей, анафемами, прокльонами, заклинаннями, осудами, відпаданнями від благочестя, якщо будь-хто з боговірних виступить проти участі «русской православної армії» в терористичних актах проти України. Адже в «Православном нравственном богословии» записано, що підлеглі зобов'язані сприймати своїх начальників як ангелів Божих, а свого президента (царя) – як намісника Божого, котрі послані св. Трійцею для блага й огороження їх від сатанинських сил, а тому мають з натхненням упідлеглюватись, відкидаючи навіть думки про власну гордість, з легкістю переносити примхи (привередливість, норавливість) своїх начальників, не коверзувати (вередувати), а навпаки, заповзято молитися за своїх начальників, ні в чому їх не підозрювати, а тим паче звинувачувати. *Ну, чим не міністерство моралі всеохоплюючої диктатури?!*

Давньохристиянський тризуб і двоголовий кігтястий

Від зрадництва, здається, нікуди тікати. Воно супроводжує нас протягом земного буття, спокусаючи невимовними щедротами окупантів, членством у масонській організації, абсолютною свободою, кулуарними взаєминами з вищими посадовцями НАТО, химерними чиновницькими кріслами,

небаченими маєтностями, фатальною славою, лівими грошима, тогосвітнім правом на нетлінність тощо.

Сьогодні кожний соціологізований українець має усвідомити, «чий він син, на чиему боці його правда і його кривда», і зрештою визначити – «хто кому Путін» і «хто кому Бандера». Подумати, чи варто ставати під ворожі стяги із зображенням кігтястого, дзьобастого, двоголового візантійсько-православного криластого хижака, а чи залишитися під давньоруською корогвою з відбитком давньохристиянського символу – тризуба? Зради без причини не буває. Завжди існує мотив, що приводить до зречення своїх батьків, братів і сестер, чоловіка (жінки), рідних дітей, близьких людей, товаришів. У суспільному переступі ренегати відрікаються від однопартійців, депутатської фракції, земляків, зрештою – батьківщини. Чи може людина імпульсивно перейти на бік ворога, продавши свій народ, рідну землю? Безумовно.

Чи можуть непомітно і щоденно зраджувати свою отчизну її «маленькі», без високих посад і гучних звань, громадяни? В чому проявляється «пасивне відступництво» звичайного російськомовного горлівського шахтаря? Хіба не через EGO-гордоту ігнорувати мову титульної нації?! Чи може «політичний малорос» лиш чужомовними інтонаціями спровокувати «зелених чоловічків» з команди чистокровного «велікороса» Сергія Кужугетовича Шойгу прибути на БТРі під вікна української хати із декларацією про суверенітет відшматованих від України територій?! Хіба ні, якщо їх зустрічають місцеві жителі з хлібом і «калінкою»! Адже чи не єдиною обґрунтованою причиною вторгнення «вежливих людей» на танках у Крим і Донбас є так званий «захист» права російськомовних українців на «говореніє рускім наречієм».

Відомо, що російськомовні українці Путіну потрібні, з одного боку, як гарматне м'ясо, з іншого – як висококваліфікована рабська сила, яка, по-перше, дуже «смахіває» мурмизою на москальську, а по-друге – володіє універсальним кодом комунікації і швидко реагує на команди: «Стої, стрелять буду!», «Руки за голову!» І той, хто зі страхом боїться повторити трагікомічну історію прем'єра Азірова, тобто не хоче «каверкати» мову Котляревського і Шевченка, а продовжує глаголіть щирою московською (з матовими словами і луганськими інтонаціями), то, переходячи на «близкій вам по-отцу і по-матері велікорускій», прислухайтесь до відтінків вимови дикторів російських телеканалів, до того, як сприймають федералізовані росіяни «*speaking* по-московському укров» і що говорять псковські шовіністи про «рускій на Донбасе».

Онтологія зречення

Зречення – це перехід з лав своїх до лав чужих у ситуації війни або військової небезпеки. У всякденному житті за цим словом ніякого зрадництва зазвичай немає. Нині дуже легко начепити клеймо зрадника чи то патріота на ту чи іншу публічну особу, історичну постать. Хто сьогодні визначає отару овець її пастира; де лицар, а де негідник у личині богатиря; де справжні борці за ідею, народ, а де копійчані демагоги? Чому один щиро співчуває жертвам «розстріляного відродження», а інший ще й досі вірить у комуністичні ідеали сталінських часів? Чому натуральний «кацап» схиляється перед постаттю Богдана Хмельницького, а щиросердний «хохол» вважає його московським запроданцем? Чому правдомовні бандерівці високо цінують визвольну діяльність Української повстанської армії та її провідників, а 95% власовців сприймають образ нашого народного героя як фашистського прихвосня? Може тому, що усвідомлюють себе за старшу сестру?

А почалося все з адамових синів. В апокрифічних книгах про Первочоловіка ім'я Каїна пов'язується зі словами «зздрити», «відчувати ревності». Аби пояснити причини дохристиянського переступу, в апокрифічній літературі з'являється чимало тлумачень, в яких мотив спокушання ототожнюється з переказами про зачаття скнари і братовбивця від сатани. Отож генетично Каїн був приречений красти, зраджувати не тільки Бога, власну родину, але й усе чоловіцтво. Поштовхом до злочинства, за різними версіями, були спроби кровозміщення з однією із своїх сестер чи то навіть з власною матір'ю. В надії знайти Боже покровительство та жіночу прихильність Перший пастух і Перший землероб принесли Небесному Отцю дарунки. Авель для пожертвування заколов найкраще ягня зі своєї отари і підніс Богу з покірливістю та смиренням. Каїн же, у півнячій поставі, з горділивими інтонаціями приніс Богові як приношення власні недоїдки. Передвічний прийняв те, що вийшло із щирого серця. Направду Цар Небесний, як виявилось, перераховував не піднесене Йому, а залишене собі. Але цього не віддав знесилений заздрістю вівчар. Він підгледів, як батько вражав

жертву, і в аналогічний спосіб позбавив життя єдиноутробного брата. За це злодіяння первовбивець був проклятий людським родом, а всіх душогубців Бог помічає з того часу «каїновою печаткою».

Образ ветхозавітної жертви був адаптований до потреб новозавітної апокрифики під іменем Ісуса Христа; Авель став прототипом розп'ятого на хресті Спасителя, якого зрадив один з Його учнів. Іуда Іскаріот, як і лихий Каїн, теж убив спочатку нерідного брата, потім названого батька, а з часом зтягнув у ліжку власну матір. Охоплений страхом за скоєне зло, кровопивець і кровозмішник постає перед Христом, аби спокутувати надбані гріхи. «Поцілунок Іуди» став екуменічною знаковою моделлю вічного відступництва. Клеймований дияволом розкався, «пожертвувавши» 30 срібляників «на храм». Кинувши монети первосвященикам, він вийшов зі святині, знайшов столітню осику й повісився на гілляці. На просякнуті кров'ю гроші посередники між небом і землею купили окроплену кров'ю земельну ділянку одного з царських гончарів. З того часу в ній ховають странників, подорожніх, мандрівників, обходисвітів та інших бродячих, тобто без коріння, роду і племені, людей.

Починають як боги, завершують як свині

Зрадництво в його варіаціях і проявах живиться безпуттям роз'ятреного розуму й волі. Множаться його морально-політичні форми, ускладнюється конструкція самого блудства, розкриваються етапи маскування «під патріота», з'являються адвокати, що спеціалізуються на захисті перебіжчиків, формується громадська думка про конкретних зрадників, котрі нібито повернули до життя – ціною «невиконання злочинного наказу» – десятки чи то навіть сотні тисяч українців. Для цього організуються біля державних установ проплачені пікети з числа студентів, людей похилого віку, осіб без українського громадянства, бомжів.

Ніхто не засуджує живих у тому, що вони, навіть роззброєні, не втратили можливість дихати, радіти, прокидатися від доторків близької людини, добувати хліб, захищати рід, село, святі місця від лиходіїв. Але через їх страх за своє життя, легкодухість ці люди із заячими душами, «наклавши у власні штани», спричинили прямо чи опосередковано десятки, якщо не сотні, смертей своїх співгромадян, стали живим матеріалом для ворожої пропаганди на теренах України: «Ми – православні братани – навіть не гнітимо тих, хто добровільно здається в полон, не опирається, переходить на нашу сторону, підписує відповідні зобов'язання «мирно співіснувати» у кордонах «єдиної і неделимої». Повертайтеся до своїх родин і розкажіть «українцям з автоматами» про те, що краще і дешевше для них обійдеться, якщо вони складуть перед «ополченцями» зброю і зроблять *«Hände hoch!!!»*

На початку ХХ століття Людмила Старицька-Черняхівська видала друком драматичний етюд на одну дію «Останній сніп», в якому старий полковник Андрій Нещадима дізнається, що його син Семен – отаман Кременчуцького куреня – обдурих козаків, таємно провівши степами московські війська, які і зруйнували Січ. Батько перед смертю проклинає сина, котрий зрадив національні ідеали, піддався Москві, аби «своє життя прибрати в пишні шати»: «Продав усе, усе занастив! Та будь же ти, будь проклятий, Іудо! Клянну тебе усім, що в світі е!»

Аби виправдати своє відступництво, син звертається до батька: «Батьку, я лиш урятував все славне товариство від марного пролиття крові». І чує у відповідь передсмертний зойк родителя: *«Урятував? Ти вирвав серце з грудей України і кинув його ненатлим псам! Ти, ти, моя надія, остання віра!.. Каїн, скільки взяв? За що продав ти неньку рідну?! Так ось, що діялось, загинуло намарно. Так кров уся, вся кров, що ми лили, що пролили батьки й діди за волю, за рідний край, постарчила на те, щоб з трупу їх гадюки уплодились, такі як ти, що обрелкись всього, всього свого за той маслак, що пані вам на поталу киди»*. Син сміявся над тими прокльонами, а батько, не витримавши глузу над національною честю і пам'яттю полеглих за волю і незалежність України, впав, як підтятий дуб, мертвим.

Ніби вчора написано про вчорашні дні!..

Естетика зрадництва

Український філософ Дмитро Видрін, говорячи про «красу й витонченість» зрадництва, вважає, що останнє не стає механізмом чи то інструментом, якщо не супроводжується награною сміливістю або ж невимушено-розв'язною поведінкою swaggegeg (вихваляки). Зраджувати задешево сьогодні немає ніякого сенсу. Якщо ти здаєси сусіда, однокурсника, однопартійця чи то навіть родича, що ти від цього матимеш? Дірку від бублика. А якщо прилюдно відречешся, до прикладу, від парламентської

фракції, наукового напрямку, ідеології, а то й від свого народу разом з його територією, тут розцінки зашкалюють за шість нулів. Цільова масштабна зрада має бути елегантною за формою, пафосною, мудровою, з візерунками. Однією з кращих російськомовних оповідей про багатоаспектне зрадництво філософ вважає «Тараса Бульбу» Миколи Гоголя.

Естетика зрадництва базується на його упредметнених формах, рівнях побутування і характеру розпредметнення. Тобто відречення наснажується, з одного боку, через нові конфігурації взаємин з оточуючим світом завдяки підступним діям вовкуна; з іншого – матеріалізацією душевного віроломства, коли односелець у минулому переходить за бакшиш на бік супостата, а партійний однодумець раптом обертається в політичного запроданця – «тушку». Що стається з душею боговідступника, коли його вуха чітко розпізнають почуте вслід: «Йуда!» Які перспективи душевної рівноваги відкриваються після єднання з ворогами? Чи вірить він у те, що «...правдивий суд Бога віддасть кожному за його вчинками».

Гоголь, на кшталт польського «поета зради» Міцкевича, запалює сердечні поривання грядущого перевертня – молодого українського козака, котрий під безпосередньою дією жіночої вроди «красиво на словах» продає батька, сімейство, товаришів, церкву й тодішню отчизну. Автор немовби готує читача до виправдання гібрида, пишномовно описуючи зовнішність молодих, їх збурену плоть, зізнання в коханні, вибір через це нової для себе, але чужої за духом, батьківщини.

«Скажи мені одне слово!» – сказав Андрій і доторкнувся до її атласової руки. «Не обманюй, лицарю, і себе й мене, – говорила вона, хитаючи тихо прекрасною головою. – Знаю і на велике моє горе переконана, що тобі заборонено любити мене, також усвідомлюю, твій обов'язок і заповіт бути вірним фамілії, товаришам, вітчизні, – а ми вороги тобі».

«А що мені батько, товариші, рідна хата? – сказав Андрій. – Нема в мене нікого! Нікого, нікого! – повторив він тим самим голосом. – Хто сказав, що моя батьківщина Україна? Хто дав мені її в отчизни? Рідна земля є те, чого шукає душа наша, що миліше все для неї, вітчизна моя – ти!» І загинув козак! Пропав для всього козацького лицарства! Не бачити йому більше ні Запорозької Січі, ні батьківських хуторів своїх, ні церкви божої.

Глина не сперечається з гончарем

Чи зраджує Путін власною політичною злобністю, крутіством, лукавством і єхидністю російськомовних у Україні, Європі, народи Росії, саме «митне царство»? Так, але не очевидно. У теперішніх вимірах часу він, усмоктавши фарисейські нориви біблейських і літературно-художніх образів, сприймається підданими його імперії, російськомовними сусідами, не тільки як великий інквізитор, національний супергерой, геракл, православний змієборець, але як і вправний гончар. Провідним глином'ялом ось уже п'ятнадцять літ виступає в команді національного скудельника чистокровний русомордвин з фіно-угорського коліна бороданів Кирило Гундяєв, котрий, за висловлюваннями дописувачів із інтернет-соціальної мережі, має високу репутацію *achtung*, торгуючи «православним куривом і водкою», за що й був охрещений братами у вірі «*тютюновим митрополитом*».

Відомо, що матеріалом для гончарства наші прапрадіди вибрали кілька тисячоліть тому багато-мінеральну гірську породу, яка з водою утворює однорідну пластичну масу під назвою глей. Саме гомогенність, недиференційованість його структури дозволяє скудельнику легко «викручувати» на двох, закріплених на веретені, дисках різнокаліберні й різнотипні вироби в людських образах. Гнітюча більшість громадян РФ, піддавшись на халявні нафтогазові подачки теперішнього рятівника країни, під впливом «зомбоящика», десятиліття активно стверджує себе як «пластичний матеріал» для формування владою образу політичної нації Росії. З олігархів «викручуються» на гончарному крузі великі ємності для нафти, газу, алкоголю, зброї; із представників артистичних цехів деміург виробляє художні мізерії у вигляді картин, скульптур, кіно, телебачення, музеїв; прості росіяни годяться, в уяві майстра, для виготовлення керамічних плиток у ванну кімнату, на кухню, підлогу. Російськомовні українці, в моїй уяві, сприймаються і потрактуються кремлівською владою як другосортний матеріал для штампування архітектурної кераміки – цегли й черепиці і як вторинний продукт рафінування – шлікер, з якого виформовуються зливальниці, *bidet*, унітази. Як у першому, так і в другому випадку, людські спільноти не сприймають себе за пригнічених, бо мають, за лояльність до влади і готовність умерти за «матушку-русь», на стіл і до столу.

Чи не нагадуть прикормлені владою, зачумлені кремлівською пропагандою громадяни РФ образи квартирних собак, яким, за конституцією і правилами дорожнього руху, треба лиш служити,

помахуючи «придатком на задній частині тіла», лизати руки й чоботи господаря. Чи відчуває себе той одомашнений барбос на повідцю вільним, маючи приватний «локус» у квартирі, власну миску, персональну кістку, осібною хазяїна і виключне право догідливо махати хвостом, на відміну від лісового хижака родини собачих, що не має на шиї ані ремінця із застібкою, ані власної буди, ані перукаря-стиліста, ані щоденної потрави? Однак спробуй закрити цього оскаленого, схудлого чи то навіть безхвостого сіроманця в квартирі, спробуй погладити, зробити охоронцем майна, задобривши свіжиною. Що, страшнувато?! Тоді заглянь йому в очі і запитай себе: звідки це в нього? А потім подивись у вирла хатнього цюцька і визнач: хто з них народжений – через вічну злиденність – для свободи, а хто – через золоту клітку зі жратвою – для холуйства, тобто для *«ankor, eshchyu ancor!»*

Як на мене, вільнонароджені й вільнолюбні «вовчики» – це ми, україномовні «бандерівці», озграєні сьогодні у бригади й батальйони для захисту від нашестя чужомовних скажених псів, гієн і шакалів. А квартирні песики – це ті, що не знають, що таке свобода, ніч, луна, вітер, голос зграї, хто став піддатливою глиною в руках православних гендлярів.

«Сказка – ложь, да в ней намьок»

У літературній вигадці «Христова ніч» М. Є. Салтиков-Щедрін звертається від імені воскреслого Ісуса до хриstopродавця: «О, зрадливцю! Зійди з дерева, перевертню! Хай повернуться в ридимі очниці видзьобані очі твої та закрийються гнійні рани і хай відтвориться паскудний твій вигляд у такому самому вигляді, в якому він був у ту хвилину, коли ти вицілював зраджуваного тобою. Живи! – Після цих слів, перед очима у всіх, Іуда зійшов з дерева і впав на землю перед воскреслим учителем, благаючи його про повернення смерті. – Я всім указав шлях до спасіння, – продовжував воскреслий, – але для тебе, перевертню, він закритий назавжди. Ти проклятий богом і людьми, проклятий на віки віків. Ти будеш ходити з міста в місто, з поселення в поселення і ніде не знайдеш оселі, що стала би притулком тобі. Ти будеш стукати в двері – і ніхто не відчинить їх тобі; будеш благати про хліб – і тобі подадуть камінь; виявишся спрагненим – і тобі подадуть посудину, наповнену кров'ю зрадженого тобою. Ти будеш плакати, і сльози твої перетворяться в вогняні потоки, які будуть палити твої щоки і покривати їх струпами. Камені, по яких ти підеш, будуть лементувати: «Зрадник! будь проклятий!» Люди на торжищах розступляться перед тобою, і на всіх обличчях ти прочитаєш: «Іуда! будь проклятий!» Ти будеш шукати смерті на суші, на водах, і скрізь смерть буде відвертатись од тебе і прохрипить: «Зрадник! будь проклятий!»

У цьому зв'язку пригадується Конфуцій з його висловом про перевертнів, котрі посилають на війну ненавчених солдатів і цим зраджують інтереси своєї країни. Еберхард, герцог Баварії, розмірковуючи про байдужість як передумову зради, застерігає: *«Не бійся ворогів – у гіршому випадку вони можуть тебе вбити. Не бійся друзів – у гіршому випадку вони можуть тебе зрадити. Бійся байдужих – вони не вбивають і не зраджують, але тільки з їхньої мовчазної згоди існує на землі зрада і вбивство»*. Російський журналіст Володимир Колечицький вважає, що «Богів зраджують апостоли», а Станіслав Єжи Лец переконує нас, що «Іуди теж навчилися носити хрести». Про рідкісну відданість собак своїм господарям нібито свого часу написав і німецький поет Генріх Гейне: *«Що більше узнаєш людей, то більше любиш собак»*. Видатний український поет Дмитро Павличко звертається до своїх побратимів: *«Народе мій воскреслий, що з тобою? Невже на те вставав ти з домовини, щоб знов укритись рабською ганьбою? Невже за злотних обіцянь фантоми, за усміх брата, підлого зісподу, за нафту віддаси без осороби здобуту кров'ю й вірністю свободу, свої віки прийдеши і минулі продаси купцям із Заходу і Сходу?»*

Холуї і мисколизити: хто куди!

Холуйство справіку маскується під служіння ідеї, організації, державі, народу. Його основу складають головно шкурні інтереси, через те при ротатії керівництва змінюється й об'єкт лакейства. При підборі чи то просуванні кадрів лакуза, за будь-яких умов, намагається, аби потрапити до складу владної команди, привернути до себе увагу регіонального керівництва, парламентської партії, галузевого міністерства, адміністрації президента. І нерідко це йому вдається.

Культурно-історичному догідництву властиві безмежні перебільшення, неадекватні звеличання. Так, за часів культу особистості Сталіна в більшовицькій імперії 1936–1953 років малоосвіченого грузина називали, з одного боку, «корифеєм усіх наук», «корманичем усіх часів і народів»; з іншого

– прирівнювали до найвидатніших історичних діячів: Юлія Цезаря, Рузвельта, Ден Сяопіна. Сьогодні плазуни-поштурховиська в авторитарно-бюрократичній Росії, маніпулюючи неоднозначностями окремих положень конституції, запропонували не тільки подовжити повноваження «незамінимого» ВВ понад визначений національним законодавством термін, але й ухвалили закон, за яким день народження російського президента вважається державним святом під назвою «день вєжлівих людей». На українську цей свинуватий шабаш перекладається як «день вєжлівих хамул», бо в московській інтерпретації «вєжлівий человек» – це «вовк ув овечій шкурі», підступний «православний ординець з азійською нахрпистою культурою», котрий, грабуючи вчорашніх співгромадян, «прінуждає к міру» пенсіонерів, інвалідів, важкопоранених українських військових.

А між тим побігашки стають причиною зародження й розквіту автократії з потворними формами. Зринають навіть холуйські династії, представники яких залишаються біля годівниці за будь-яких правителів. Приклади: гасло в Німеччині часів Третього Рейху: «За нас думаєт фюрер!» і гасло 2014 року в Росії: «За нас думаєт Путін!» Приклад в Україні: «Над Атлантичним океаном панує темрява, а тут, у президентському літаку, сам Янукович – Богом послана частка України, яка навіть у такі хвилини працює, думає, мріє, радіє...»

Того, хто продавав і продовжує торгувати посадами, привілеями і пільгами, паплюжачи професійну честь і сумління, тілесно й духовно завзяті громадяни України показово «очищують» через повне занурення зрадця у сміттєвий контейнер на колесах, морально заплямовуючи його самим фактом модерної «народної люстрації». А можливо, *lustratio* і є божою відплатою за продажність. Адже інфікований зрадництвом обертається в носія чужого гріха, у того, кого і в подальшому не тільки можна продати, обдурити, обмахлярити, нагріти, обскакати, отуманити, але й заразити бацилою байдужості до ближніх. Запроданці, перекидаючись на бік супротивника, розглядають зрадженого як недотепного, макоцвітного, благуватого й нетямущого чоловіка. Хіба не христородавці ввели в оману місцевих «патріотів» з мого рідного міста, аби ті, в умовах православно-злодійської, з ісламським забарвленням агресії, почали шукати ознаки національної ідентичності на рідній землі не в україномовних роздумах про буття титульного етносу, не в боях під українськими прапорами й корогвами, а в другорядних справах, а то й безглузких справах – розфарбовуваннях у синьо-жовті кольори кам'яних бордюрів, дерев'яних будок, чавунних решіток, навіть кладовищенської огорожі.

Як ставляться до зраджених перевертні? За всіх часів – з глибоким презирством, бо «пахани в законі» звикли сприймати спокушених як дурнолобих і розумово відсталих лохів, котрі нестямно хочуть вірити в те, що чорна гостродзьоба підмосковна ворона насправді є чернігівським солодкозвучним сірим соловейком, а верховне помело зелених чоловічків – нобелівським миротворцем. Вслухайтеся в інтонації заглиблених у власні думки проімперських політиків у самій Росії про мою батьківщину – Києворуську державу, про люд, з якого вийшли самі московити. Україна в їхній орфографії і орфографії – це Малоросія, Новоросія, Окраїна, Хохляндія, Мазепія, Укропія, Бандерія, Хунтія. І все тому, що українці відкинули пропозицію жити з «руськими» під спільним дахом.

Московські довговухі й коротконогі кривоприсяжники з обманними хрестами на жилуватих шиях, драглистих пузах і в шкіряних *port-monnaie* дістали мене і мій народ! Хіба відступимо, піднімемо руки, покладемо під ноги ворогу наші шаблі?! Чи ж віддамо на поталу фальшивим братам національні святині, наших дружин і дочок, могили предків?! Невже Господь назве переможцем у сатанинському поході проти українського народу самовладного, зі Святим Письмом у руках і ракетною за пазухою, прибуду?!

Тараса Григоровича, всі про це знають, дуже гнітило духовне рабство земляків, готовність ходити в ярмі, незмірне чванство й утішання добровільним невільництвом. Бо він здогадувався: внутрішньо невільна людина готова до зради. Згадаймо, що сказав «полководцеві» в романтичній поемі Адама Міцкевича «Конрад Валленрод» його сповідник. Чернець Хальбан назвав великого магістра ордену «невільником, єдиною зброєю якого є відречення».

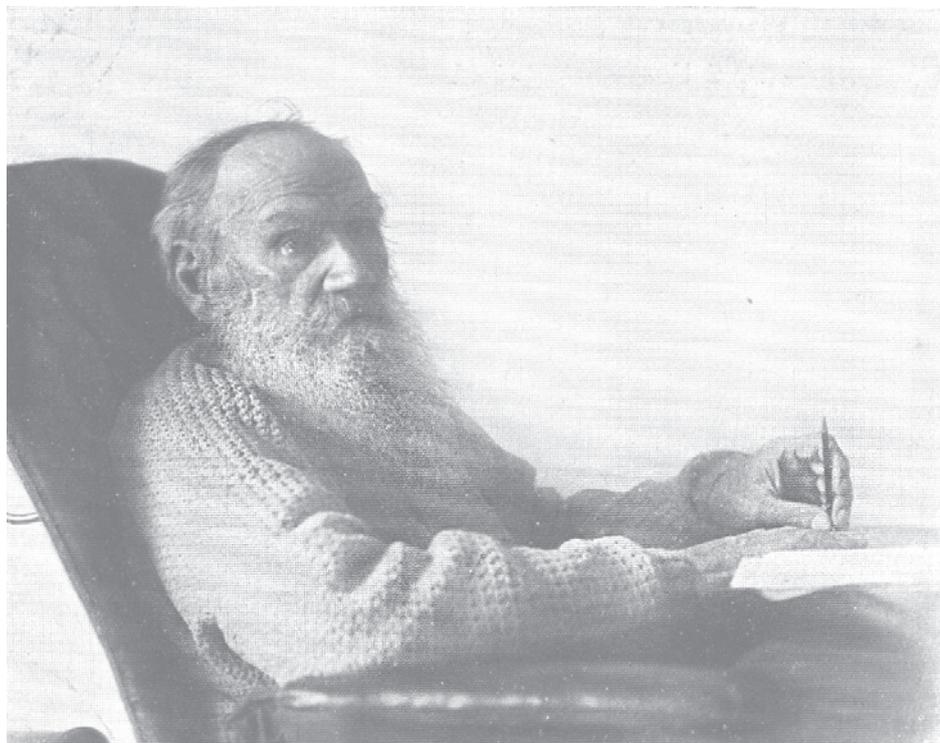
Найтяжчим, непростим гріхом, за переконанням Шевченка, є зрада України-матері, яку її сини залишили на поганьбленість, на знущення і глум, «мов ту блудницю в ассирійській неволі». І це не просто лихо, а «злеє лихо», бо стати свідомим ворогом рідної матері, паплюжити материнську мову, зневажати свій рід і родовід – цього гріха Бог не прощає: «Бо хто матір забуває, того Бог карає, того діти цураються, в хату не пускають». Шевченко жадає і мріє, щоб його слово прийняв у своє серце не лише впокорений великодержавним шовінізмом кріпак, а й «потомок гетьмана дурного»,

«презавзятий патріот», який «у світі ходить між панами, і п'є горілку з мужиками, і вільнодумствує в шинку».

Ці нащадки давніх українських родин козацько-старшинського походження, які втратили почуття національної гідності та моральної відповідальності перед своїм народом, заражені за давненою історичною хворобою – малоросійством, своїм зрадництвом, власним запроданством присипляють національну свідомість народу, знесилюють його дух і волю до боротьби, віддаляючи цим самим вистраждану поетом щасливу мить звільнення України.

Малина Валерій Васильович. Доктор мистецтвознавства, професор кафедри філософії. Народився 15 червня 1940 р. Закінчив факультет романо-германської філології Київського державного університету (1973) та Уральський державний університет (1975) зі спеціальності «Теорія та історія мистецтва». Член Національної спілки художників України (1984). Відомий дослідник народного мистецтва Півдня України. Надрукував більше двохсот журнальних і газетних статей з питань культурології, образотворчого, народного декоративного і сакрального мистецтва.

Левъ Николаевичъ
послѣ болѣзни.

Ясная Поляна, 27 Авг. 1908 г.

Когда чувствуешь себя слабымъ, больнымъ, то помни одно: что, если не можешь сдѣлать ничего хорошаго, то всѣми силами старайся хоть не сдѣлать ничего дурного.

Если человѣкъ живетъ одной духовной жизнью— смерть не можетъ быть страшна ему. Смерть для такого человѣка только освобожденіе духа стѣтла; онъ знаетъ, что то, чѣмъ онъ живетъ, не можетъ уничтожиться.

Л. Толстой.

Фот. В. Черткова.
Серія III, № 12.

Сергей ГАВРИЛОВ

БЕЗ ЛЬВА ТОЛСТОГО

«Определение Святейшаго Синода от 20–22 февраля 1901 г., № 557, с посланием верным чадам православные греко-российские церкви о графе Льве Толстом.

...Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно пред всеми отрѣкся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной...

В своих сочинениях он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской: отвергает личного Живого Бога, во Святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа – Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира... Отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождества и по рождестве Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святого Духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из Таинств, святую Евхаристию. Все сие проповедует граф Лев Толстой непрерывно... Многие из ближних его, хранящих веру, со скорбью помышляют о том, что он на конце дней своих остается без веры в Бога и Господа Спасителя нашего, отвергнувшись от благословений и молитв Церкви и от всякого общения с нею.

Посему, свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние и разум истины.

(«Церковные ведомости при Святейшем Правительствующем Синоде» от 24 февраля 1901 г.)».

В начале XX века синодальный акт отлучения человека от церкви имел форму императивного посыла ко всей православной пастве Российской империи. Это было жестокое наказание. Религиозные и черносотенные фанатики могли убить еретика, осквернить дом, расправиться с его родными и близкими.

Реальная угроза насильственной смерти сопровождала последнее десятилетие жизни Льва Николаевича Толстого. Он был неудобен власти. Великий обличитель российского самодержавия и церкви обрёл к этому времени популярность на всей Земле. Старика нельзя было вызвать на дуэль и убить, нельзя было сдать в солдаты, нельзя посадить в тюрьму, нельзя упрятать в сумасшедший дом, нельзя то, нельзя это... Кругом нельзя. Что делать? Церковные иерархи решили применить к писателю проверенный средневековый метод.

Идея отлучить Льва Толстого от церкви возникла ещё в 80-х годах XIX века. Херсонский архиепископ Никанор в письме к Н. Я. Гроту высказался от лица высшего клира: «...Мы без шуток собираемся провозгласить торжественную анафему Толстому...». И далее: «Он больше всех волнует умы образованного и необразованного общества своими сочинениями, отличающимися разрушительной силой и растлевающим характером, проповедующими неверие и безбожие».

Император Александр III, опасаясь взрыва негодования за рубежом, не захотел «прибавлять к славе Толстого мученического венца» и воспротивился планам Синода. Но не наказывать строптиво-го писателя было нельзя, и... его наказали, наказали уже после смерти царя.

29 октября 1910 года, отлучённый от церкви, граф Толстой ушёл из своего дома в Ясной Поляне. Через два дня он простудился в поезде и умер от воспаления лёгких на железнодорожной станции Астапово.

Христианство без Христа

Отлучение Толстого от православной церкви возмутило русскую интеллигенцию и вызвало непонимание у многомиллионного крестьянства. Писатель был широко известен в стране. Начиная с 80-х годов XIX века, деревню наводнили двухкопеечные брошюры публицистических статей Толстого, написанных простым языком, а два поколения деревенских детей воспитывались на его рассказах.

Это была новая литература. Она сменила мыльные лубочные сказки и традиционные «жития святых». Книжки опального графа заставляли народ думать о том, о чём думать был не должен – о смысле жизни, о правде и справедливости.

Опасные книжки, опасные и для власти, и для церкви. Только Толстой мог сказать: «Вся разница между человеком и животным та, что человек знает, что умрёт, а животное – нет... Работать надо так, как будто ты бессмертен, а относиться друг к другу – как будто завтра умрёшь». Или это: «Представление о Боге как личности ложно и приводит человека к рабству. Совесть – есть бытие Божие в душе нашей...».

Русская православная церковь в начале XX века переживала жестокий кризис. Она была частью госаппарата и вместе с ним выполняла полицейские функции. Каждый священник должен был докладывать по начальству, если прихожанин на исповеди говорил о каких-то противоправительственных намерениях. Нарушалось христианское таинство. Доверие к церковному клиру таяло на глазах.

Лев Толстой был противником современной ему Церкви и стал основателем нового религиозного течения. Его религия отвергала всё чудесное и непонятное в Евангелии, отрицала воскресение Христа, непорочное зачатие девы Марии, отрицала церковное посредничество между Богом и Человеком.

Толстовское учение не обещало будущего блаженства на небе, но давало блаженство на земле. Нужно только следовать определённым правилам. Во-первых, не умножать зло и не противиться ему ответным насилием. Во-вторых, любить весь божественный мир и не поддаваться ненависти. И в-третьих, растить своего Бога внутри себя всю сознательную жизнь. Без улучшения внутреннего мира человека, считал писатель, всякое общественное переустройство ни к чему хорошему не приведёт.

Эти взгляды Толстого находили понимание у значительной части населения страны. Многие видели в его учении единственное спасение для России и стремились воплотить новые идеалы в практическую жизнь.

Толстовские общины на Николаевщине

Попытки воплотить нравственное учение писателя на практике стали предприниматься в 80-е годы XIX века. Первые толстовские общины появились в Сибири, Центральной России и на Северном Кавказе. Позднее они появятся в Киевской, Полтавской, Черниговской и Херсонской губерниях.

«Толстовские сектанты» – именно так называли их официозные журналисты – исповедовали ненасильственный безгосударственный образ жизни, земледельческий труд, равноправие, свободу убеждений и верований. Здесь не было сословий. В коммуне трудились бывшие аристократы, мещане, купцы и крестьяне. Сюда приходили блестящие гвардейские офицеры и адвокаты, околоточные надзиратели и освободившиеся каторжники. Принимали всех. Главное – отказаться от насилия, вести мирную, трудолюбивую земледельческую жизнь, освободиться от всякой человеческой власти, придерживаться взаимного уважения, смирения и «проявлять любовь ко всем людям и ко всем существам». К началу XX века на территории Российской империи уже насчитывалось более 280 толстовских общин.

В Херсонской губернии последователи графа Толстого расселились на землях современных Арбузинского, Кривоозерского, Братского и Николаевского районов. Впервые о них мы узнаём из путевых записок Ивана Бунина, который, будучи в Николаеве, имел беседу с двумя братьями-толстовцами из пригородного хутора. Будущий нобелевский лауреат по молодости хотел бросить литературу, уйти в общину и «добывать хлеб своим трудом». Он даже съездил в Ясную Поляну к Толстому, чтобы укрепиться в своих намерениях, но... писатель советовал ему «искусственно не опрощаться» и заниматься тем, к чему «зовёт его Бог в душе».

В 1893 году отставной полковник Яков Бонишевский предоставил толстовской общине в бессрочное пользование 137 десятин земли своего имения Берсы (рядом с современным селом Секретарка в Кривоозёрском районе).

11 крестьянских семей занялись хлебопашеством, овцеводством и развели огороды. Сначала жили в землянках, затем понемногу отстроились. Поставили каменные дома, кузню и гончарные печи. Толстовская колония жила тихо. Окрестное население считало их староверами и не придавало значения тому, что никто из них не посещает воскресных служб и храмовых праздников. Община исправно платила государевы подати, несла постоянную и дорожную повинности.

Беда пришла в начале июня 1896 года. Толстовцы отказались целовать крест и принимать присягу на верность новому императору Николаю II. Исследователь толстовских коммун Марк Поповский в своей книге «Русские мужики рассказывают» цитирует рукописные воспоминания жителя Берсы Осипа Махорты:

«...Июня 7 дня 1896 года от Р.Х. в село прибыл исправник с жандармским караулом. Всех мужчин собрали на площади возле колодца и зачитали текст присяги на коронацию царя Николая Романова. Затем исправник и священник пошли по рядам и стали уговаривать подписаться против своей фамилии и целовать крест... Увидев нашу непреклонность, он устроил публичную порку для взрослых, а затем нас согнали в колонну и повели в Каменец-Подольскую тюрьму. Здесь мы пробыли 8 месяцев, после чего суд приговорил всех к большому штрафу... По выплате означенной суммы нас отпустили домой».

Такая же судьба постигла обитателей толстовских общин в Григоровке (современный Братский район) и Романовке (Арбузинский район).

Официальные власти негативно относились к толстовскому движению, усматривая в нём серьёзную опасность устоям государства и церкви. Основным занятием этих общин на Николаевщине стало земледелие. Земля, жилища, труд были обобществлены. Высшим органом крестьянского сообщества считался сход. Исполнительным органом являлись старосты схода, которые избирались сроком на 1 год. Они вели дела с государственными организациями, частными лицами, заключали договора и сделки. Старосты распределяли общинников на работы, давали отчёты о положении дел и определяли хозяйственные планы.

Наёмный труд у толстовцев был недопустим. Все физические работы оплачивались деньгами. Средства на содержание детей, медицинскую помощь, образование и библиотеку начислялись из общих доходов.

Духовной установкой земледельческого труда было убеждение, что физическая работа должна идти «от сердца», без ожесточения, с любовью и желанием, что она есть необходимое условие, закон природы для каждого человека. Толстовцы были принципиальными вегетарианцами. Они не употребляли в пищу мяса животных, отказывались от яиц и молока, не носили одежды из шерсти и кожи.

Хронология существования этих крестьянских общин на Николаевщине прослеживается «пунктирной линией». Известно, что все мужчины-толстовцы призывного возраста отказались от мобилизации в русско-японскую войну и все были приговорены к каторжным работам. Второй раз на каторгу пошли уже через девять лет – в Первую мировую.

После революции и гражданской войны отношения толстовских общин с новой властью были непростыми. Крестьяне пытались сосуществовать с государством таким образом, чтобы не нарушать законов и в то же время жить согласно своим принципам.

Такое спокойное бытие оказалось возможным до тех пор, пока сельское хозяйство России, разорённое войной, национализацией и перераспределением земель, не могло давать достаточно продукции. К тому же в 1917–1927 гг. советская власть ещё сохраняла элементы демократичности и допускала некоторый плюрализм в формах хозяйственной и культурной жизни. Именно в этот период толстовское движение на Николаевщине достигло наибольшего расцвета и пользовалось относительной свободой.

Начавшаяся коллективизация обрушила быт и устои крестьянских общин. По воспоминаниям толстовца Бориса Зимица из Романовки (Арбузинский район), партийные чиновники из района предлагали крестьянам переходить в колхозы и даже возглавлять их, так как у последователей учения Льва Толстого был бесценный опыт организации коллективного сельскохозяйственного труда.

Толстовцы не понимали большевиков. Зачем нужно идти в колхоз, когда у них всё общее и нет частной собственности? Зачем насильно принуждать людей к совместному труду? Они до конца так и не осознали, что партийные коллективизаторы имели своей целью превратить свободных труженников в рабов.

Толстовские общины стали опасны для власти. Всем своим существованием они доказывали возможность негосударственной формы организации хозяйства. Для большевиков это был пример «плохого» крестьянского социализма.

Власть принялась откровенно уничтожать сектантов. Толстовцам давали непосильные сельскохозяйственные задания. Если их не выполняли, то у общинников забирали львиную долю урожая. В конце концов, в 1934 году все они попали в казахстанские лагеря за саботаж и невыполнение плана хлебопоставок государству. Всего в Николаевской области было репрессировано 620 последователей учения графа Толстого.

* * *

20 ноября 2015 года исполнится 105 лет со дня смерти графа Льва Николаевича Толстого. Эту смерть ждали, на неё надеялись как на избавление русского народа от антихриста во плоти.

Церковные иерархи молили Господа о ниспослании смерти писателю. Московская газета «Новости дня» от 14 июля 1908 года на передовой полосе поместила молитву Иоанна Кронштадтского. Она звучала так: «Господи, умиротвори Россию ради церкви Твоей, ради нищих людей Твоих, прекрати мятеж и революцию, возьми с земли хулителя Твоего, злейшего и нераскаянного Льва Толстого и всех его горячих последователей...».

Лев Толстой умер. Молитва достигла цели. Империя вздохнула спокойно. Через семь лет самодержавие рухнет и превратится в большевистскую диктатуру, а ещё через 83 года мимикрирует в либерально-демократическое государство.

Пять лет назад российское правительство не захотело отмечать юбилейную дату смерти Толстого на общенациональном уровне. Великий писатель по-прежнему неудобен власти. Отлучённого от церкви борца с государственным насилием современные политики отлучили от человеческой памяти.

Гаврилов Сергей Иванович. Прозаик, историк, журналист. Родился 26.04.58 г. в Красноярске (РФ). Окончил Новосибирский госуниверситет (1983). С 1984 г. проживает в Николаеве. Работал старшим научным сотрудником сектора археологии Николаевского областного краеведческого музея (1989–1999). Участвовал в экспедициях, руководил исследованиями более 50 разнокультурных памятников (курганов, поселений, некрополей). Преподавал в местных вузах философию, историю, социологию, экономику. Автор более 70 научных статей. Член Союза писателей России (2007). Обладатель звания «Горожанин года – 2014» в номинации «Средства массовой информации».

К 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза К. Ф. Ольшанского

Алексей ПИЛИПЧУК

ЕЩЁ РАЗ О БЕССМЕРТНОМ ДЕСАНТЕ

14 марта Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин дал личное указание командующему 28-й армии генерал-лейтенанту А. А. Гречкину ускорить выполнение своего приказа № 220050 – освободить г. Николаев от фашистов. Захват переправы в районе города давал возможность советским войскам развить быстрое продвижение вдоль черноморского побережья к Одессе, границе с Молдавией, Румынией и далее на Балканы.

Уже утром 15 марта 1944 г. в войска поступил приказ командующего 28-й армии о ближайшей задаче – освобождении Николаева и южного побережья. Как вспоминает, А. Д. Каневский, командир разведзвезда 6-й гвардейской мехбригады 2-го гвардейского мехкорпуса, выяснилось, что наша разведка – и наземная, и воздушная – не смогли в достаточной мере вскрыть оборону гитлеровцев, определить истинное соотношение противоборствующих сил.

Из всех вражеских рубежей, пройденных советскими разведчиками, николаевский был наиболее совершенным. Это объяснялось тем, что Николаев являлся одним из крупнейших черноморских портов, центром судостроительной промышленности и железнодорожным узлом. Рубеж на Южном Буге прикрывал Крымский полуостров и Одессу. Рвы, надолбы высотой до двух метров, металлические ежи, дзоты, окопы, минные поля... Здесь же немцы применили новую противотанковую гранату «бленд-кернер», что означает «ослепляюще-удушающая».

Таким образом, нашим войскам предстояло прогрызать вражескую оборону, её плотность вследствие отступления противника постоянно увеличивалась. Вдобавок враг постоянно наносил чувствительные уколы контратаками, сопровождая их массированным артогнём.

Это нашло отражение в докладе штаба 28-й армии: *«На основном фронте армии Еленовка – Цареводар в течение 14–16 марта проходили упорные бои... В течение 17 марта в районе хуторов Андреевский, Пузыри войска армии были остановлены организованным огнём... 18 марта 1944 года».* (№ 0349 от 17.05.44 г.).

Как только обнаружилась мощная оборона немцев под Николаевом, после форсирования р. Ингул и освобождения 18 марта с. Пересадовка, что в 25 км от Николаева, 6-я армия (3-го формирования) генерал-лейтенанта И. Т. Шлёмина была повернута на юг – Терновку, Соляные, Николаев – для помощи 5-й ударной и 28-й (тоже 3-го формирования) армиям.

19 марта на столе И. В. Сталина уже лежал план № 29 – дальнейших операций 3-го Украинского фронта, подписанный его командующим, генералом армии Р. Я. Малиновским. План предусматривал следующее: форсировать р. Южный Буг на участке Гурьевка, Матвеевка и нанести вспомогательный удар в общем направлении Петровское, Комиссаровка, Ташино... (*Березанский р-н.* – А. П.). Действуя к югу от Николаева, форсировать Южный Буг в районе г. Николаева и нанести вспомогательный удар в общем направлении Николаев, Тилигуло-Березанка, Коблево, Одесса, попутно овладевая крепостью Очаков.

В этом же плане оговаривалось: «Управление 28-й армии с пятью наиболее малочисленными дивизиями после взятия Николаева предположено вывести в резерв Ставки в Кривой Рог... Сроки операции. Выход на р. Ю. Буг войск фронта – к исходу 20.03.44 г. Подготовка форсирования 21 и 22.03.44 г. Форсирование реки в ночь с 22 на 23.03.44 г. с выходом на рубеж 5–8 км к западу от реки...» (ЦАМО, ф. 243, оп. 2912, д. 122, л. 2–7).

Можно предположить, что на составление вышеуказанного плана повлияла докладная, направленная И. В. Сталину, ответственным за координацию действий 3-го и 4-го Украинских фронтов маршалом А. М. Василевским. Ещё 6 февраля он предложил Верховному Главнокомандующему: «*Армию Гречкина расформировать, тем более что сам Гречкин как командарм исключительно слаб.*» (ЦАМО, ф. 48, оп. 1795, д. 414, л. 514).

План оперативных действий штаба фронта был утверждён ставкой ВГК и разослан всем, кого он касался. 21 марта от командующего Черноморским флотом пришёл приказ дислоцировать Одесскую военно-морскую базу в Херсоне, с продвижением войск перевести её в Николаев, затем в Очаков и в Одессу.

Согласно «*Отчёту о боевых действиях 384-го отдельного батальона морской пехоты...*» от 8.04.1944 г. (№ 0086), 22 марта в 19.45 без артподготовки при поддержке только миномётной роты батальон в составе трёх стрелковых рот, усиленных пулемётами и противотанковыми ружьями, начал наступление на Широкую Балку. По плану наступление должно быть развёрнуто на всём Николаевском участке фронта. На правом фланге батальона должен был наступать 1-й гвардейский Укрепрайон. Слева никого.

...Стремительным броском и сильным натиском, преодолевая упорное сопротивление штрафников-немцев и изменников родины, в 21.05 подразделения выбили противника из 2-х линий траншей, достигли южной окраины села Широкая Балка, где противник ввёл в дело контратакующие части. В 21.15 произошла рукопашная схватка и пошли в ход гранаты. Противник начал отходить. В ходе наступления по донесениям и личным наблюдениям установлено, что никакие части соседей не наступали, а переходили с одного места к другому по фронту. Несмотря на явное удаление светящихся ракет на левом фланге и информацию соседа, никто из армейских частей не понял или не хотел понять, что противник отходит, и вместо поддержки своих оставался на месте и содействия развитию военного успеха не оказал.

Морские пехотинцы вырвались далеко вперёд и 23 марта первый раз освободили Широкую Балку. Чтобы не допустить окружения подразделений (а это примерно человек пятьсот), был введён резерв – усиленная рота автоматчиков и активизированная взводная разведка. Оказавшиеся без поддержки краснофлотцы вышли из боя через левый фланг, т.к. правый фланг противника был основательно насыщен огневыми точками и хорошо укреплен. «*Всё говорит о том, – говорилось в отчёте, – что сосед, несмотря на отсутствие сопротивления противника, наступления не предпринимал. В противном случае г. Николаев был бы взят раньше и сохранены бы были общественные и производственные сооружения...*».

Картину боя 22 марта его участник, командир отделения 384-го батальона В. И. Дитяткин, добавляет следующими подробностями: «...к 7-ми часам утра 22 марта мы выбили части вновь сформированной гитлеровцами 6-й немецкой армии из села (*Богоявленска.* – А. П.). Преследуя отступающего противника, нам не удалось ворваться в село Широкая Балка, в этот же день в 19 ч. 45 мин. три стрелковые роты батальона, усиленные пулемётными отделениями и ружьями ПТР, начали наступление на село. Вместе с батальоном должен был подняться правый сосед, так как под давлением

морских пехотинцев, атакующих со стороны станции Водопой, противник на левом фланге своей обороны начал отвод частей... Несмотря на явное удаление боя в сторону Широкой Балки, сосед справа наступление моряков не поддержал».

Чтобы не допустить неблагоприятной оперативной ситуации, Котанов вынужден был ввести в бой резерв: усиленную роту автоматчиков и взвод разведки под общим командованием ст. лейтенанта К. Ф. Ольшанского. Резерв сопровождал житель с. Богоявленск, который сообщил, что видел и запомнил место, где немцы ставили мины, и знает проход через минное поле. Проводник выглядел не старше 25 лет, среднего роста, худощавый. Одет в тёмные брюки, заправленные в сапоги, в фуфайку армейского образца. Фамилии проводника никто не знал.

В этом ожесточённом бою, который перешёл в рукопашную схватку, получил пулевое ранение Константин Ольшанский. Дитяткин с Владимиром Очаленко сделали ему перевязку, он просил никому не говорить о ранении. В этом же бою парторг роты Буторин закрыл своим телом от автоматной очереди Ольшанского, а старшина Сученко повторил подвиг А. Матросова (Героя Советского Союза), бросившись уже раненым на вражеский пулемёт, и сохранил таким образом жизнь многим своим боевым друзьям. Здесь же погиб проводник, который подорвался на mine. После боя говорили, что это был рыбак из Богоявленска. Скорее всего, это и был Андрей Андреев.

Такие действия (точнее, бездействия) подразделений и командования 1-го Укреплённого района не остались незамеченными. Естественно, были сделаны соответствующие выводы, которые командование скрыло. Об этом можно судить по ответу из Центрального военно-морского архива харьковской организации «Альтруист» относительно «Журнала боевых действий 384-го Отдельного батальона морской пехоты» (исх. № 284 от 4 сентября 1999 г.): «Повторной проверкой... установлено, что документ под названием «Журнал боевых действий 384-го Отдельного батальона морской пехоты» в архиве не значится».

2 апреля 1944 г. на имя заместителя начальника политуправления ЧФ генерал-майора береговой службы Савелова поступила докладная записка пропагандиста Очаковской военно-морской базы капитан-лейтенанта Медведева, который исследовал действия 384-го батальона морской пехоты в период с 23 марта по 28 марта 1944 года. В тот же день 23 марта батальон был снят с фронтовых позиций и перенацелен – направлен в с. Богоявленск для подготовки к десантной операции в тыл противника.

Последовали новые боевые распоряжения командующего 28-й армии генерал-лейтенанта А. А. Гречкина:

«К 20.00 24.03.44 г. высадить десант в составе 150 человек 384 батальона морской пехоты ЧФ в районе Маяка северо-западнее Широкой Балки с задачей: прикрывшись с севера в направлении Николаева, во взаимодействии с частями 1 гв. УРа, 295 стр. див. 49 гв. стр. див. овладеть Широкой Балкой, развивая дальнейшее наступление вдоль восточного берега Южного Буга на г. Николаев. 23.03.44 г. № 0105/оп.»

Срочно разрабатывается план действий десантного отряда по взаимодействию с 1-м Укрепрайном и 295-й стрелковой дивизией. Для поддержки десантников был выделен один полк из состава дивизии. Вот детали этого плана:

1. Десантный отряд моряков высаживается в районе отдельного домика (0,8 км севернее Широкой Балки) с задачей перерезать железнодорожное полотно, овладеть будкой, использовать строение ж/д будки и насыпь полотна и частью сил закрепиться, обеспечив оборону с севера и с востока; основными силами – развивать наступление на северную окраину Широкой Балки.

2. Состав отряда 140 чел., вооружение: пулемётов – 9; противотанковых ружей – 6; миномётов 50 мм – 4; остальное – винтовки, автоматы, рации.

4. Плавсредства: рыбацких лодок – 7, отремонтированные в Богоявленске, они поднимают 35 чел.; 13 лодок рыбацких, 7 лодок ДСЛ (десантная складная лодка. – А. П.), 2 малых парома (поднимают 105 чел.). Последние следуют из Александровки.

5. Отход отряда от пристани Богоявленск 24.00 24.03.1944 г.

6. В это же время все части переходят в наступление.

7. Действия отряда в назначенном районе обеспечивает артиллерия 1-го гв. УРа и 295-й стрелковой дивизии по вызову артогня.

На основании боевого распоряжения командир 384-го отдельного батальона морской пехоты майор Ф. Е. Котанов издаёт приказ № 004/оп от 24 марта, в котором конкретно определяет задачи десантного отряда под командованием старшего лейтенанта К. Ольшанского.

«В ночь с 24.03 на 25.03.44 года высадиться десантом севернее Широкой Балки и внезапным броском на берег выйти к железнодорожной линии. В дальнейшем наступать на перекрёсток дорог у «Н». Захватить коммуникации, заняв круговую оборону. Соединиться с частями Красной Армии и совместно, наступая вдоль берега Юж. Буга, выйти в порт г. Николаева. Время посадки на плавсредства 23.00. Время высадки 3.00 25.03.44». (11. ЦВМА, ф. 2182, оп. 017525, д. 7, стр. 64, 65).

Задача командармом была определена чётко: высадиться за линией фронта северо-западнее Широкой Балки, ударом с тыла помочь овладеть Широкой Балкой и уж потом совместно с частями наступать на Николаев.

В госархиве Николаевской области хранится «Справка-акт о патриотическом движении рыбаков в марте 1944 г. с. Октябрьское Николаевской области». В ней на языке оригинала говорится о том, что уже на следующий день после освобождения с. Октябрьское, рано утром 23 марта, офицер Советской Армии в чине майора приказал председателю рыбколхоза Федоровскому С. А. собрать рыбаков и привести их на берег реки к дому Васильченко. К указанному времени пришли 63 рыбака. Одновременно на берег реки прибыли военные лодки и военное командование общевойсковых частей Советской Армии. Затем майор приказал отобрать 15 человек – проводников десанта, тех, кто хорошо знает реку (мели, глубины). На лодки и понтоны погрузились Федоровский С. П., Шевченко А. З., Коба П. Я., Васильев П. П., Стеценко И. Я. Был дан приказ двигаться от берега. Но этот первый десант вскоре возвратился, его направили в посёлок Радсад.

Затем майор Котанов приказал председателю рыбсовхоза пересмотреть все лодки, баркасы и качественно их отремонтировать. Целую ночь и день шла напряжённая работа. Днём 25 марта Федоровский выделил 8 человек для участия в десанте на Николаев. Морпехи спустили баркасы на воду, но их сразу обнаружат немцы.

В 9–10 часов вечера на берег к дому рыбака Л. К. Васильченко пришли моряки-десантники, 67 человек, вместе со старшим лейтенантом Ольшанским. Десантники начали грузить оружие, боеприпасы. Вместе с ними в лодки сели и 6 рыбаков-проводников. Получается, в поход отправлялись 73 человека на 7 ненадёжных плавсредствах! По показаниям оставшихся в живых двух проводников И. Е. Пруцкого и П. К. Стеценко, десант дошёл до Сиверского маяка (Сиверсов маяк) и там пять рыбаков высадили.

Эту версию событий марта 1944 года через восемнадцать лет подтвердили своими подписями «члены экспертной комиссии Парафило, Ковнер, Касьяновский...» и ещё 18 человек.

Рассмотрев этот документ, бюро Николаевского обкома Компартии Украины приняло постановление (август, 1962): *«Признать патриотичными действия рыбаков Жовтневого района. Внести их в списки активных участников борьбы против немецко-фашистских захватчиков».*

Итак, из документальных источников следует: накануне местным рыбакам была поставлена задача – готовить лодки для десанта. На берег реки вместе с плавсредствами прибыли и командиры общевойсковых частей. Вместе с десантом в составе 67 человек до Сиверсова маяка в лодках следовали и шесть рыбаков... Следовательно, 73 человека. Позже пятерых высадили.

В тыл врага

Из докладной записки № 0349 штаба 28-й армии складывалась такая обстановка: *«24.3 после трёхдневных упорных боёв перед передним краем второго оборонительного рубежа 28-я армия провала оборону противника... на всём фронте и к 6.00 – 25.3 вышла к третьему оборонительному рубежу...».* За третий рубеж, севернее Широкой Балки, и готовился положить свои головы десант К. Ольшанского.

По данным «Отчёта о боевых действиях 384-го батальона морской пехоты с 12 марта по 28 марта 1944 г.», хранившегося в Гатчинском Центральном военно-морском архиве, *«23 марта 1944 г. батальон снят с фронтовых позиций 28-й армии и направлен в с. Богоявленск для подготовки к высадке десантом в г. Николаев».*

Далее из этого же «Отчёта»: *«...24 марта в 21.00 отряд десантников в количестве 100 человек под командованием старшего лейтенанта тов. Ольшанского вышел к причалу Богоявленск на посадку. Благодаря беспечности и неорганизованности плавсредств не было. Вместо лодок предложили идти на квадратных понтонах, которые совершенно не были приспособлены к форсированию. ... Десант в эту ночь не был выброшен...».* (ЦВМА, ф. 2182, оп. 017526, д. 7, л. 54–55).

Понтоны «совершенно не управлялись», и «армейская прислуга не могла их вести». Один из них перевернулся. Десантник, старшина 1-й статьи Василий Ильич Дитяткин, оказался в воде, получил серьёзную травму ноги и был отстранён от участия в десанте. В санчасть он не пошёл. Передав командование штурмовой группой Кириллу Бочковичу, остался в батальоне, но из-за распухшей ноги передвигался с помощью самодельной палки.

Но к 5.00 утра 25 марта 8-й и 9-й гвардейские пулемётно-артиллерийские батальоны майора С. А. Маричева и старшего лейтенанта М. Н. Серогодского 1-го гв. Укрепрайона и полк от 295-й стрелковой дивизии Героя Советского Союза полковника А. П. Дорофеева, прорвав третий рубеж, второй раз освободили Широкую Балку. Линия фронта придвинулась к г. Николаеву, и обстановка изменилась.

25 марта срочно вызванному на совещание старшему лейтенанту К. Ф. Ольшанскому в 10 часов утра в штабе 384-го батальона было вручено новое изменённое боевое распоряжение № 013: *«Во исполнение устного распоряжения командарма 28 приказываю: Командиру 384 обмп сформировать десантную группу в составе 100 человек и в ночь на 26.3.44 высадить в районе южная окраина г. Николаев с задачей: действием из тыла нарушить коммуникацию и управление в стане противника, чем обеспечить успешное продвижение частей, наступающих с фронта».*

Ознакомившись с новым документом, К. Ф. Ольшанский выразил сомнение, поскольку 24 марта морякам предложили преодолеть водное пространство на металлических понтонах, не предназначенных для десантирования. Следовало бы немедленно доложить о ситуации командиру военно-морской базы. На что майор Ф. Е. Котанов резко отчеканил:

– Командовать батальоном приказано мне... Батальон передан в подчинение командующего 28-й армии. Приказы не обсуждаются, а выполняются...

Замполит С. В. Аряшев предложил позвонить в политотдел базы, чтобы оказали помощь катерами, снабдили полтора десятком надувных лодок, и взял трубку телефона. Но Котанов остановил его:

– Не надо. Гречкин обвинит нас в умышленной потере времени. Десант надо высадить срочно. Войска ждут удара с тыла.

Вручая последнее распоряжение, майор Ф. Е. Котанов объявил К. Ф. Ольшанскому, что вызвал его не только для ознакомления с новым приказом, но и для того, чтобы сообщить: по указанию командарма-28 к 100 морякам-десантникам придаются ещё 10 сапёров и 2 радиста штаба армии с рацией. Их тоже необходимо разместить в лодках вместе с десантниками. После этого срочно дорабатывается новый приказ. Изменению подлежало общее количество десантников и место выброски десанта. Согласно распоряжению коменданта 1-го Ура, требовалось разместить на плавсредствах 100 человек моряков и 12 армейцев. А на семи лодках с вооружением, боеприпасами и продзапасом с трудом помещались около 70.

И рождается ещё один «Организационный приказ № 001 от 25 марта 1944 года» по взятию г. Николаева: *«...сформировать десантный отряд в количестве 67 человек...».* Выходит, комбат и штаб, готовя это распоряжение, уже знали: пойдут 55 моряков и 12 армейцев, вместо 100 моряков!

В. И. Дитяткин, присутствовавший при отправке, считает, что приказ составили задним числом, после отправки десанта, когда подсчитали, сколько людей поместилось в лодках. Перед отправкой в тыл врага прошла обычная формальность: моряки сдавали в штаб личные документы, знаки различия, награды, письма и пр.

Ранее планировалось действие десанта севернее Широкой Балки во взаимодействии с 1-м гв. Укрепрайоном, 295-й и 49-й стрелковыми дивизиями. В новом боевом распоряжении № 013 ставилась задача «высадиться в районе южной окраины г. Николаев...». Относительно взаимодействия с армейскими подразделениями в новом районе в приказе указаний не было.

Вечером 25 марта, уже перед самой отправкой десанта, К. Ф. Ольшанский от комбата узнаёт ещё об одном, третьем, изменении задачи: после высадки десанта в порту Николаева следовало сразу же сообщить свои координаты и реакцию противника. На что К. Ф. Ольшанский удивлённо заметил:

– Но в боевое задание десанта не входит высадка в порту, мы должны действовать в районе южной окраины Николаева.

Не упоминается «высадка в порту Николаев» и в «Организационном приказе № 001 от 25 марта 1944 г.» за подписями Котанова Ф. Е. и Самарина А. М. На основании этих приказов строилось взаимодействие десанта и оказания артиллерийской помощи севернее Ш. Балки. Значит, боевое распоряжение командующего 28-й армии генерала А. А. Гречкина высадить десант «...в районе южной окраины г. Николаева» – оставалось в силе!

Тут комбату на помощь поспешил начштаба батальона А. Самарин, который заметил, что в спешке не успел ознакомиться с приказом К. Ф. Ольшанского.

– Так, может, вы сами и объясните участникам десанта новые вводные, – произнёс К. Ф. Ольшанский. – Приказ командарма не отменён, следовательно, боевое задание осталось в силе.

– Зачем же устраивать митинг, когда почти все десантники уже в лодках, – произнёс комбат. – Будете двигаться по этому же маршруту, только немного дальше. А там объясните, что боевое задание было изменено в последний момент. Ваша цель – нарушить боевое управление противника.

Забегая вперёд, скажу, что письменный приказ командарма-28 о высадке в морском порту г. Николаева десанта до сих пор не найден. Оперативная обстановка при освобождении города от оккупантов менялась стремительно.

Мемуаристы вспоминают: перед посадкой в лодки К. Ф. Ольшанский, повернувшись к С. В. Аряшеву, которому доверял, торопливо сказал: «Я не успел написать жене письмо. Пусть разыщет сына...». Предчувствие ему подсказывало: в сложившейся ситуации предсказать успех операции трудно. Не прощаясь, он направился к лодке.

Между тем командарм-28 позаботился о помощи. 25.03 в 18.00 в штаб 2-го мехкорпуса 28-й армии и его соединениям пришёл приказ: «В 20.00 из Богоявленска на южную окраину Николаева выбрасывается десант 384-го обмп... Командирам 2-го гв. мехкорпуса, 49-й и 295-й стр. дивизий принять все меры для связи с ним». (МО СССР, ф. 382, оп. 8465, д. 114, л. 228).

Помимо Ф. Котанова, А. Самарина и самого К. Ольшанского, при отправке десанта присутствовали замполит С. В. Аряшев, командир второго эшелона лейтенант Л. И. Михайловский, командир отделения В. И. Дитяткин, парторг батальона. Они и были свидетелями состоявшихся разговоров и событий.

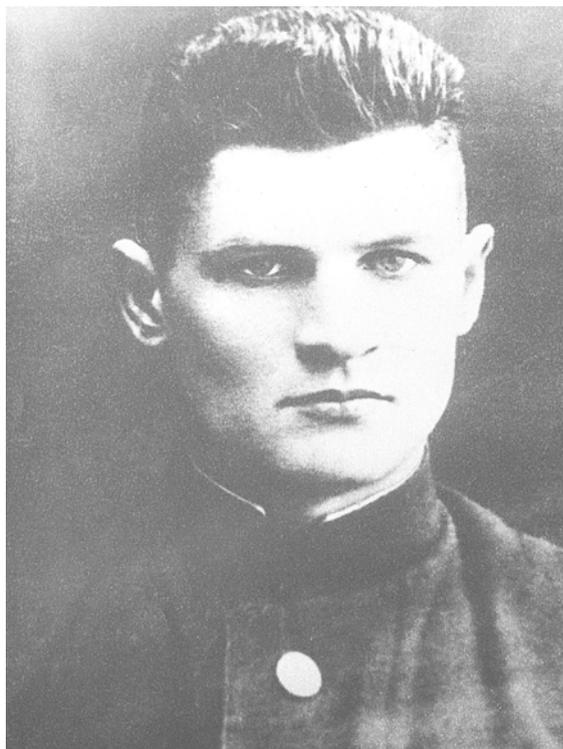
Вот как описывает отправку десанта командир отделения 384-го батальона старшина 1-й статьи В. И. Дитяткин (письмо М. И. Божаткину 9.02.76 г. в редакцию газеты «Красная Звезда»): «Я находился в тот вечер на причале, ибо впервые не участвовал со своими боевыми друзьями в операции, и видел, с каким трудом размещались ребята на полуразвалившихся байдах. Часть моряков в десант так и не попали. Были сняты с последней лодки два армейских гребца, станковый пулемёт был заменён ручным, вместо трёх противотанковых ружей смогли взять только два. Когда было доложено, что на шлюпках находится 67 бойцов вместе с гребцами, последовала команда «отчалить». На вёслах сидели армейцы – по два человека на пяти лодках и по одному на двух маленьких байдах. ... На причале во время отплытия помимо комбата находились:

1. Начальник штаба батальона – капитан Самарин;
2. Зам. командира батальона по политчасти – майор Аряшев;
3. Командир 1-й стрелковой роты, он же командир второго эшелона, – лейтенант Михайловский;
4. Парторг батальона (фамилию запомнил).

Так начался дерзкий рейд в тыл противника, который потом назовут – «Десантом в бессмертие». (ГАНУ, ф. 10, оп. 1, д. 105, л. 84–91).

Как видно из свидетельства, с моряками отправились и армейцы. Не было никаких митингов, объятий, речей и клятв, которые встречаются в газетных очерках. Десант отправлялся скрытно.

Ещё один участник отправки десанта, командир взвода понтонёров 44-го отдельного понтонно-мостового батальона младший лейтенант Михаил Добрин, пишет, что прибыв накануне вечером, он с К. Ф. Ольшанским согласовали все детали: «В назначенное время 25 марта весь отряд с сапёрами прибыл к месту сбора. Быстро заняли лодки, загрузив их самым необходимым. На первой двухве-

Старший лейтенант
Константин Фёдорович Ольшанский

сельной шёл К. Ф. Ольшанский с проводником, на второй М. К. Добрин. Как только отошли подальше от берега, сильные волны стали захлёстывать низкосидящие в воде лодки. Первой была залита головная. Пришлось пристать к берегу». К. Ф. Ольшанский приказал оставить на берегу гребцов-понтонёров, тринадцать человек. В числе их был и М. К. Добрин.

Сколько же десантников сражались в николаевском порту?

Неприятности у отчаливших десантников появились сразу после отплытия. В 21.00 радист К. Ф. Ольшанского, нарушая радиомаскировку, передал открытым текстом майору Ф. Котанову первую радиogramму: «Идти невозможно, заливают лодки». И через пять минут – вторую: «Идти невозможно, тонем». Тут же получил ответ комбата Ф. Котанова: «Выгрести воду, идти по указанному маршруту». Связь прервалась до половины второго ночи. Между тем события развивались более трагично, чем отражены были в скурых радиосообщениях.

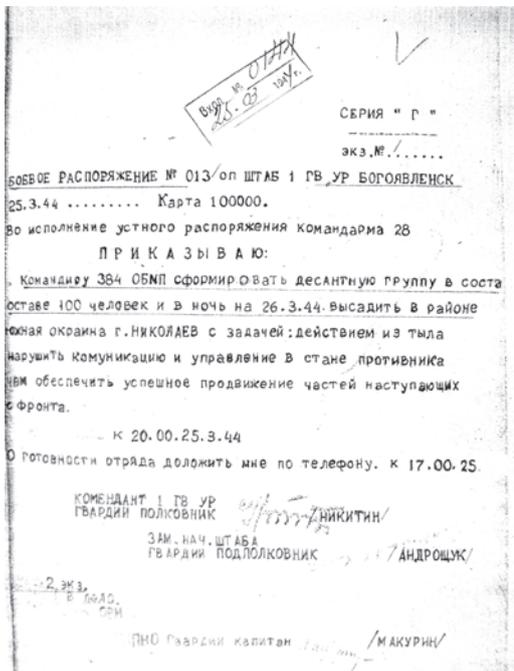
Согласно единственному, исполненному в двух экземплярах, документу № 0086, «Отчёту о боевых действиях 384-го батальона морской пехоты с 12 марта по 28 марта 1944 г.», подписанному Ф. Котановым и А. Самариным, стало известно: «...в ночь с 25 на 26 марта на подручных средствах – рыбацких лодках, которые были представлены армией, отряд старшего лейтенанта тов. Ольшанского в количестве 67 человек вышел по курсу на г. Николаев. В двух километрах от Богоявленска одна лодка разломилась, личный состав спасся, а две стали интенсивно наполняться водой. Отряд вернулся к берегу и, переформировавшись и сняв армейскую прислугу, вновь взял курс на г. Николаев в район элеватора». (ЦВМА. ф. 2182, оп. 017526, д. 7, л. 54–55).

Перед тем как продолжить путь, К. Ф. Ольшанский сообщил оставшимся десантникам об изменившейся боевой задаче и причине удлинения маршрута, а в заключение сделал чёткий вывод:

– Конечно, положение сложное, с таким заданием, как у нас, следует знакомить заблаговременно и исполнителей, и тех, кто обеспечивает поддержку десанта. Если кто-то считает, что мы не выполним приказ, пока не поздно, мы ещё на своей территории, разрешаю по берегу возвратиться на базу.

Долгие годы исследователи обсуждают ключевой вопрос: количество десантников группы К. Ольшанского. На этот счёт существует множество документов, где называются конкретные имена. 25.07.1985 г. главное управление кадров Министерства обороны СССР разъяснило: «...Изучением архивных документов и полученных объяснений от бывших авторитетных лиц 28-й армии установлено, что капитан А. Б. Монастырских, старшие сержанты В. С. Самойлов, П. Г. Русин и ефрейтор Д. М. Чекунов действительно входили в состав Николаевского морского десанта.

Конкретные их подвиги при выполнении боевой задачи десантом ни в одном объяснении очевидцев не раскрыты... Командиры частей, в составе которых проходили службу указанные члены десанта, командование 28-й армии и командир 384-го отдельного батальона морской пехоты

Ф. Е. Котанов в своё время не ставили вопрос о награждении Б. А. Монастырских В. С. Самойлова, П. Г. Русина, Д. М. Чекунова...».

А вот ещё один документ:

«Московский институт военной истории СССР. № 467. 25 марта 1987 г. ... В поиске и уточнении фамилий неизвестных десантников принимали участие представители Главного политического управления СА и ВМФ, Главного управления кадров МО СССР и Институт военной истории МО СССР.

На основании архивных документов и подтверждений свидетелей можно считать, что названные выше товарищи входили в состав отряда и участвовали в сопровождении десанта. Однако документов, которые бы подтверждали их непосредственное участие в боевых действиях и о том, что они разделили трагическую судьбу этого десанта, в Центральном архиве Министерства обороны СССР и Центральном архиве Военно-Морского Флота не обнаружено... Начальник отдела профессор Ю. Перечнев. 25 марта 1985 г.».

Ещё одна запись Центрального военно-морского архива от 4 сентября 1999 г. (исх. № 284): «...В ночь с 25 на 26 марта на подручных средствах – рыбацких лодках, которые представлены были армией, отряд старшего лейтенанта тов. Ольшанского в количестве 67 человек вышел по курсу на г. Николаев. В двух километрах от Богоявленска одна лодка разломилась, личный отряд спасся, а две стали интенсивно наполняться водой. Отряд вернулся к берегу и, перестроившись и сняв армейскую прислугу с лодок, вновь взял курс на г. Николаев, в район элеватора. Других документов, в которых упоминалось бы что-либо о дальнейшей судьбе высаженных 25 марта 1944 г. на берег в двух километрах от Богоявленска сапёров и связистов 28-й армии, в Гатчинском ЦВМА нет».

Участник мартовских событий (о нём шла речь выше), Василий Ильич Дитяткин, запомнил рассказ главстаршины Семистрока. Последний видел вышедших из воды людей. Ночью 25 марта 1944 г. он услышал плывущих к берегу людей и поспешил к ним. Пять лодок уходили к середине реки. Большинство оставшихся бойцов были армейцами. Их провели в одну из хат, где они обогрелись, а на рассвете их увёл сержант в сторону Балабаново.

В. И. Дитяткин отыскал подтверждение сообщения Семистрока, о чём и написал в своём письме: «В ночь с 25 на 26 марта на подручных средствах – рыбацких лодках, которые были предоставлены армией, отряд старшего лейтенанта Ольшанского в количестве 67 человек вышел по курсу на город Николаев. В двух километрах от Богоявленска одна лодка развалилась, личный состав спасён, две другие стали быстро наполняться водой. Отряд вынужден был повернуть к берегу, перестроившись, снять армейскую прислугу с лодок и вновь взять курс на Николаев – в район элеватора».

Приблизительно то же сообщил и Кирилл Васильевич Бочкович, участник николаевского десанта, Герой Советского Союза. Погиб в Жебриянах 24.08.44 г.

Сам В. И. Дитяткин свидетельствовал: «Все 12 человек (после «купания»), пригнавшие лодки к причалу, в ту же ночь вернулись в свою часть. Вот почему никто из армейских офицеров не проявил беспокойства, когда мы на месте боя целые сутки отрывали наших ребят из-под развалин, а из армейцев на месте боя никто не появился. Вот почему ни одной души, ни одного армейского представителя не было, когда хоронили погибших в десанте. Во время беспримерного и отчаянного боя в Николаевском порту было пятьдесят пять моряков».

В «Боевом донесении командир Очаковской ВМБ № 072/ОП от 30.03.44 г. указано ложное место высадки десанта «юго-восточная окраина Николаева» и ложное количество «67 человек». И ни словом не упоминаются армейцы...».

В письме в Николаевский обком КПУ от 9 февраля 1976 г. В. И. Дитяткин взволнованно доказывал: «На месте боя, когда под руинами искали наших боевых товарищей, мы находили моряков, одетых в ватные фуфайки, обгоревшие, истлевшие или почти совсем спаленные, когда их в огне сбрасывали с себя; трупы были повсюду, от чердака до подвала, от сарайчика и до свинарника. И я плюну в глаза тому, кто мне скажет, что находил хотя бы один обгоревший лоскуток солдатской шинели...».

...Ни одного незнакомого трупа. Ни одного живого среди живых. Так каких же сапёров ищут до сегодняшнего дня? И, поверьте мне, среди убитых мы не встречали солдат или неопознанных офицеров. Вот ещё что было для нас странным, никто из армейцев на месте боя не искал своих погибших товарищей. Не было армейцев и на похоронах...

Значит, 12 человек, снятых с лодок в 2-х км от Богоявленска, благополучно возвратились в свою часть и о них никто не проявлял беспокойства».

В «Акте расследования героических действий отряда десантников под командованием старшего лейтенанта Ольшанского Константина Фёдоровича» комиссия в составе майора тов. Аряшева, зам.

командира по политчасти 384-го батальона, гвардии майора Никулина, начальника связи 1-го гв. Укрепрайона, гвардии майора Токарева, инструктора политотдела 1-го гв. УРа, гвардии майора Носова, секретаря парткома политотдела 1-го гв. УРа, капитан-лейтенанта Вдовенко, уполномоченного «СМЕРШ» при 1-м гв. УРе, старшего лейтенанта медицинской службы Капкаевой, врача 1-го гв. УРа от 28 марта 1944 г., также ни одним словом не упоминаются сапёры, связисты, сражавшиеся в порту. А ведь в составе комиссии из шести человек пятеро были начальниками и сослуживцами этих армейцев из 1-го гвардейского Укрепрайона.

В Боевом донесении командиру Очаковской Военно-морской базы, контр-адмиралу Вдовиченко за № 072/оп от 30.03.44 г, подписанном майором Ф. Котановым и инженер-капитаном А. Самариным, тоже ни разу не упоминаются армейцы. Зато трижды: «моряки-герои», «герои-моряки» и «моряки-десантники».

Все участники и свидетели говорят одно: десант из Богоявленска в ночь с 25 на 26 марта 1944 г. вышел на Николаев в составе 55 моряков, 12 армейцев. Но в результате перегруза и прогнанных плавсредств (разломившейся лодки, затоплении ещё двух) десант подошёл к берегу и высадил армейцев с лодок. Нет свидетельств, никем не подтверждено, что они присоединились к морякам и принимали участие в разминировании территории порта и в боях. Выходит, у элеватора высадились только одни моряки 384-го Особого батальона морской пехоты в количестве 55 (пятидесяти пяти) человек.

Здесь и ответ на вопрос: почему никто из армейцев 1-го Укрепленного района не присутствовал на похоронах десантников, не включил в «Акт расследования...» действия армейцев. Этот ответ военные историки ищут и продолжают искать уже почти три четверти века!

Между тем в архивах Военно-Морского флота хранится ряд документов, подтверждающих, что 12 человек армейцев были выделены из состава 1-го гв. УРа. Первичным из них является список группы десанта под командованием К. Ф. Ольшанского. В этом списке пофамильно указаны 55 моряков – участников десанта. Здесь же имеется примечание следующего содержания: «*В список не включены 12 красноармейцев 1-го гв. Укрепрайона 3-го Украинского фронта. Примечание подписал начальник штаба 384 ОБМП инженер-капитан А. Самарин*». (ЦВМА, оп. 1, ф. 2092, д. 247, л. 188).

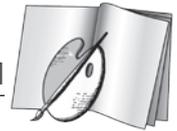
Кстати, на этот счет есть указание и в справке замполита 384-го батальона подполковника С. В. Аряшева секретарю Николаевского обкома КП Украины тов. Васильеву В. А. от 26 ноября 1975 г. Однако время было упущено. 27 марта 1974 г. в Николаеве уже был открыт новый мемориал героям морякам-десантникам. Вопрос о количестве десантников, об армейцах 1-го Укрепрайона, проводниках, сопровождавших моряков, был закрыт.

21 апреля 1945 г. газета «Известия» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1945 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза офицерскому, старшинскому и рядовому составу Военно-Морского Флота». Правительство высоко оценило подвиг морской пехоты, десантников под командованием К. Ф. Ольшанского. Именно они положили начало Одесской фронтовой наступательной операции войск 3-го Украинского фронта.

Звания Героев Советского Союза были удостоены 67 человек. К 55 десантникам К. Ф. Ольшанского, сражавшихся в Николаевском морском порту, причислены ещё 12 боевых моряков: четыре морских пехотинца из 2-го Украинского фронта, все из 305-го батальона, – Ларикиев Е. Г., Мочалин Н. Г., Мурадов Б. Б. и Сысоев М. А.; три лётчика – Благодаров К. В., Казаков М. Н., Усачёв Ф. А. и подводник Травкин И. В. – с Балтики; по одному моряку с Дунайской флотилии, Балтийского и Северного флотов – соответственно, Агафонов Г. М., Жуков Н. А. и Иванников А. И.

Благодарные потомки должны знать правду о коллективном подвиге моряков при освобождении г. Николаева. Из 384-го отдельного батальона звание Героя Советского Союза, кроме десантников-ольшанцев, получил и командир батальона майор Ф. Е. Котанов. А ведь достойны этого звания и другие морпехи, совершившие подвиг и отдавшие свои жизни. Заслонивший К. Ф. Ольшанского от автоматной очереди своим телом парторг роты сержант А. Ф. Буторин удостоен ордена Отечественной войны 1-й степени (посмертно). Бросившийся на пулемёт врага и закрывший его своим телом старшина Сученко. Его имя остаётся неизвестным...

Пилипчук Алексей Алексеевич. Военный историк, член Национального союза журналистов Украины, автор более 150 статей в газетно-журнальной периодике, коллективных сборниках и альманахах.

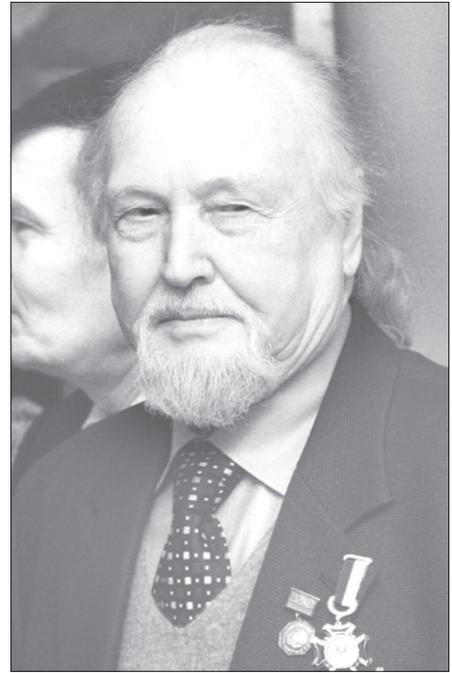
Наталья САПАК

МЫСЛИТЬ И ТВОРИТЬ

Начало нового 2015 года в Николаевском филиале Киевского национального университета культуры и искусств ознаменовано замечательным юбилеем – 80-летием заслуженного художника Украины, доцента кафедры дизайна Юрия Андреевича Макушина.

Имя талантливого скульптора, как и имена его жены Инны Викторовны и сына Виктора Юрьевича, известны не только в Николаеве, но и в Украине. О каждом из них много сказано и написано, а открытие монумента или мемориальной доски, авторами которых они являются, всегда становится большим событием в культурной жизни города, области. Но сколько бы ни говорили и ни писали о художниках с большой буквы, каковыми являются Макушины, всегда есть потребность ещё и ещё раз обратиться к творчеству этой замечательной семьи. В последние десятилетия Юрий Андреевич и Инна Викторовна трудятся также на педагогической ниве, передавая свои знания, мастерство, любовь к творчеству студентам художественных специальностей.

Юрий Андреевич пришёл преподавать в Николаевский филиал КНУКиИ почти двадцать лет тому. За плечами скульптора было уже много творческих работ, участие в международных конкурсах, выставках, симпозиумах. Его путь в искусстве нельзя назвать гладким. Макушин, как говорят, не был баловнем судьбы. Скорее наоборот. Всё, к чему он стремился и чего достиг, – результат упорного труда. Его характер проявился уже в юности, когда после переезда из Сибири в Николаев он подростком пошёл работать на строительный комбинат, а потом был в числе первых уехавших на целину в Казахстан. Дальше была служба в армии, возвращение в Николаев и работа на заводе. И всегда рядом с ним были неизменные спутники – бумага и карандаш. Любовь к искусству проявилась у Юрия рано. Во многом она развилась под влиянием его старшей сестры, искусствоведа Зинаиды Андреевны, и её мужа, художника Романа Яковлевича Вайнштока. Макушин и его жена много читали, знакомились с творчеством выдающихся художников прошлого, увлекались поэзией, музыкой, театром. Юрий Андреевич изучал труды известных философов. Накопленные знания и практические навыки в рисунке, живописи позволили им поступить в Ленинградское художественное училище им. В. Серова, а по окончании его – на скульптурное отделение Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина Академии художеств СССР. За плечами Макушина был уже немалый жизненный и творческий опыт. Он был старшим на курсе. Преподаватели, и прежде всего руководитель мастерской, известный советский скульптор М. К. Аникушин, выделяли его среди студентов, привлекали

Макушин Юрий Андреевич. Заслуженный художник Украины, скульптор-монументалист. Окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина (1971). Член Национального союза художников. Горожанин года (2002). Доцент, автор учебных пособий: «Рисунок и время» (2004), «Рисунок в пространстве и времени» (2002, 2008). Основные художественные произведения: монумент «Стальной солдат», памятник А. С. Пушкину, «Маугли» и др. Преподаёт дисциплины: «Монументальные декоративные средства в дизайне среды», «Рисунок».

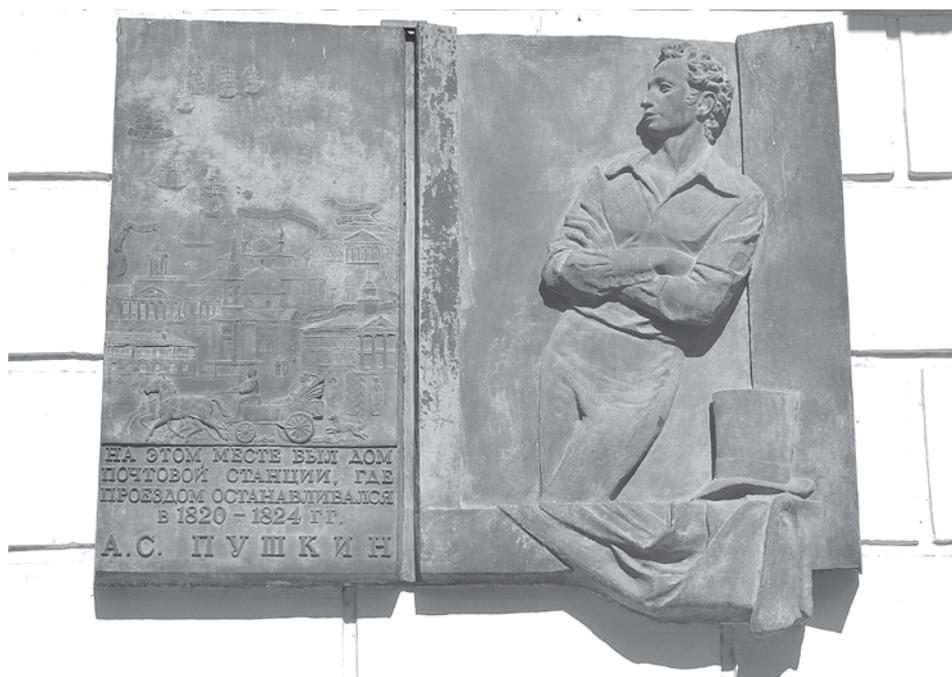

к выполнению творческих работ. Академия художеств – старейшее учебное заведение страны – сохранила традиции универсальной профессиональной подготовки художников. Поэтому по окончании вуза скульптор в равной степени мог работать в круглой скульптуре и в рельефе, в монументальной и станковой пластике, успешно экспериментировать в малых формах. Его увлекали портрет и жанровые композиции. Когда в 1971 году после окончания Академии Макушин вернулся в Николаев, он смело вошёл в художественную среду. И уже через три года ему был поручен ответственный заказ – создание монумента на кургане Славы под Новой Одессой.

Работа над скульптурой кургана Славы потребовала от автора (все монументальные произведения и многие станковые работы созданы в соавторстве с И. Макушиной) мобилизации и творческих, и физических сил. В сжатые сроки, всего за три месяца, был найден образ героя, созданы варианты фигуры, найдено композиционное решение, масштаб, материал. Много приходилось делать впервые. И прежде всего, осваивать технологию создания монументальной скульптуры (высота 11 м) из листовой стали на каркасе. В образе солдата, идущего в атаку, его призывном жесте правой руки художник аккумулировал эмоциональную и физическую силу солдат, стоявших насмерть за своё отечество. За долгую творческую жизнь Макушин создал немало памятников воинам-освободителям. Но этот монумент, открытый к 30-летию Победы, является вершиной не только его творчества, но и уникальным памятником украинского монументального искусства советской эпохи. В 1975 году Юрий Андреевич был принят в Союз художников, а через несколько лет удостоен звания заслуженного художника Украины.

Патетика образа «Стального солдата» нашла продолжение в памятнике Ленинскому комсомолу (пр. Октябрьский) и памятнике работникам милиции (пр. Ленина и ул. Садовая). Но художник не повторяется. Он находит новое композиционное решение, где поза, жест подчинены сути образа героев. Он работает в бронзе – классическом материале монументальной скульптуры. Здесь ярко проступает свойственная скульптору выразительная пластика формы. Макушин удивительно чувствует городскую среду. Поэтому его произведения органичны как среди новостроек, так и среди архитектуры старого города.

Несомненной удачей стала скульптурная композиция «Прометей» у завода «Кристалл» на пересечении улиц Декабристов и Чигрина. Она стоит несколько обособленно в ряду героических образов, созданных скульптором. Прометей, герой античного мифа, подаривший людям огонь, ассоциируется с вечным стремлением человечества к освоению нового. Это стремление подчёркнуто широкой поступью героя, держащего огонь в вытянутой вперёд руке. Выразительные пропорции фигуры, моделировка формы, проработка черт в духе архаической греческой скульптуры вызывают в воображении героические образы античности. В то же время фигура убедительна в современной среде.

Мемориальная доска А. С. Пушкину (1987).

Этому во многом способствует материал. Макушин использует уже апробированную технологию сварки листовой стали. Фактурная выразительность стальной фигуры, композиционно поддержанная языками пламени из того же материала, чётко выступает на фоне простых геометризованных форм здания завода.

В 1988 году у моста через реку Ингул при въезде в Николаев был установлен памятник А. С. Пушкину. Эта работа стала важной вехой творчества мастера в создании лирического образа. Макушин не меняет ставшую характерной обобщённо-пластическую манеру проработки формы, но использует новые для него выразительные приёмы. Необходимость максимально приблизить фигуру к зрителю, вызванная небольшим участком зелёной зоны, предназначенным для памятника, приводит скульптора к нетрадиционному композиционному решению, а соответственно, и особой трактовке образа поэта. Пушкин изображён сидящим на прибрежном камне и всматривающимся вдаль. В образе поэта нашли органичное единство грани его личности: гражданственность и пафос, лиризм и мечтательность. Для усиления эмоциональной выразительности мастер использует приём «непостоянства» позы поэта, а дополняет это состояние жест руки, развевающиеся волосы и шейный платок. В скульптурной Пушкиниане есть немало выдающихся произведений. К ним относится и памятник А. С. Пушкину в Санкт-Петербурге работы учителя Макушина – М. К. Аникушина. Юрий Андреевич нашёл свой неповторимый образ, который органично вписался в историческое место города на улице, носящей имя поэта.

Пушкинская тема нашла продолжение в творчестве мастера. Скульптор создал несколько памятных досок. Наибольший интерес вызывает рельеф на доме на углу улиц Советской и Шевченко. Бронзовая доска представляет страницу раскрытой книги. На одной половине поколенная фигура стоящего в мечтательной позе поэта, а на другой – панорама старого Николаева с надписью «На этом месте был дом почтовой станции, где проездом останавливался в 1820–1824 гг. А. С. Пушкин».

В каждом создаваемом образе скульптора привлекает индивидуальность, психологическая глубина, масштабность личности. Он смело берётся за создание исторических портретов. Изучает архивные материалы, воспоминания современников. Его скульптурные портреты убедительны в своём временном бытовании. Это портреты военного врача, основателя отечественной эпидемиологии Д. С. Самойловича; мецената, основателя художественного музея им. В. В. Верещагина князя Н. А. Гедройца; основателя города Николаева князя Г. А. Потёмкина; поэта и художника Т. Г. Шевченко; писателя В. М. Гаршина. Ряд скульптурных портретов и мемориальных досок посвящены ярким личностям XX столетия: Герою Советского Союза Н. А. Гребенюку, директору судостроительного завода Ю. И. Макарову, украинскому актёру и режиссёру П. К. Саксаганскому.

Монумент «Стальной солдат» в Новой Одессе (в соавторстве с Инной Макушиной, 1975).

Следует особо выделить и станковые портреты-бюсты современников. Это в основном деятели культуры, медицины. Макушин работает над портретами горожан, близких ему по духу, хорошо знакомых, друзей. Таким работам присуща особая теплота, одухотворённость. Нередко он отождествляет портретируемого с образами античного прошлого. В них нет места внешним эффектам, но есть внутреннее благородство в высоком смысле слова. Портреты художника О. К. Приходько, мэра В. Д. Чайки, журналистов Б. Л. Арова, Ю. Н. Агеева, директора краеведческого музея Л. Д. Хлопинской, поэта Д. Д. Креминя, заведующего областной больницей, хирурга В. А. Видяпина и многие другие – прекрасная скульптурная галерея достойных граждан Николаева.

В последние десятилетия Юрий Андреевич всё больше работает в живописи, причём в пейзаже – жанре, далёком от скульптуры. Владея кистью так же, как и резцом, он остаётся верен себе в плане восприятия и передачи монументально-обобщённого образа окружающего мира. На небольших по размеру холстах художник создаёт свою картину природы, где есть широкие дали, величественные горы, морской простор. Природные формы он подчёркивает широкой цветовой плоскостью, слегка играя на оттенках одного тона.

Параллельно с творчеством вот уже много лет Макушин занимается преподавательской и научной деятельностью. Его первыми студентами были будущие художники декоративно-прикладного искусства Николаевского филиала КНУКиИ. На кафедре дизайна художник с года её основания. В настоящее время по разработанной им методике Макушин учит рисунку дизайнеров среды, студентов графического дизайна и дизайна одежды. Используя накопленный опыт, опираясь на академические принципы подготовки, он разработал программу дисциплины, предложив ускоренную методику обучения. Свой опыт преподавания рисунка фигуры с гипсов и живой природы Макушин обобщил в книге «Рисунок и час». Художник пишет: «Рисунок – не только искусство, но и наука, которая учит мыслить формой, понимать конструктивную основу, изображать структурную пластику предметов, фигур на плоскости». В связи с небольшим объёмом часов на занятиях у скульптора студенты начинают рисовать гипсовую фигуру уже со второго семестра 1 курса, со 2 курса осваивают рисунок обнажённой модели, а на 3-м – рисуют фигуру в одежде. Юрий Андреевич требует постоянной самостоятельной работы на натуре. Студенты работают над набросками на улице, дома, в зоопарке, на природе.

Важной составляющей обучения является рисование по памяти. Макушин пишет: «Каждый художник познаёт мир, мыслит и творит с помощью рисунка. Научить художника свободно рисовать «от себя» и по памяти – задача большой сложности, а научить студента необходимо с самого начала. Рисунок по памяти необходимо проводить после каждой длительной постановки. Правильные и правдивые рисунки по памяти – итог долгой, нескончаемой тренировки зрительной памяти художника...»

Подвижность в методике преподавания была продемонстрирована художником и в обучении основам скульптуры. В течение одного года студенты перешли от небольших фигурок животных к натурному портрету в реальную величину.

Практический опыт, эксперимент Макушин обобщил не только в книге по методике рисунка. Он автор ряда научных, научно-методических статей, в которых поднимает вопросы истории, теории, практики художественного образования. Только в последние годы в изданиях ВАК опубликованы его статьи: «Деякі питання професійної мистецької освіти та її змісту в Україні», «Програма «Малюнок» як одна з частин культурології», «3 методики роботи над рисунком людської фігури». Его интересуют философские аспекты искусства: «Філософські теорії про мистецтво і світогляд митців», «Культурологические и психологические аспекты методики работы над рисунком».

Юрий Андреевич Макушин – яркая творческая личность, беззаветно преданный своему делу, интеллигентный, душевный человек, надёжный товарищ. Он ведущий педагог кафедры дизайна. Общение с этой неординарной личностью наполняет и обогащает студентов, молодых педагогов, служит образцом для подражания. Скульптор и педагог, он олицетворяет все лучшие качества художника – Творца с большой буквы.

Сапак Наталья Викторовна. Кандидат искусствоведения, доцент кафедры дизайна НФ КНУКиИ. Автор более 25 научных публикаций по истории и теории искусства. Преподаёт дисциплины: «История изобразительного искусства», «История декоративно-прикладного искусства», «Искусствознание».

«ПОСТАВЬТЕ РАБОЧЕГО И КОЛХОЗНИЦУ. КАК В МОСКВЕ»

Мы встретились с Юрием Андреевичем Макушиным в здании Николаевского филиала Киевского Национального университета культуры и искусств. Пока шёл монтаж юбилейной выставки, у заслуженного художника Украины нашлось немного свободного времени.

– Юрий Андреевич, в чём, на ваш взгляд, заключается главное отличие бытия художника?

– Ответ может быть разный, но главное можно заключить в формулу «жизнь – творчество». Некоторые художники говорят, что творчество – это страдание. Некоторые – что муки. Слава Богу, меня не коснулось ни то, ни другое. Но всегда была неудовлетворённость. Хочется что-то выразить неуловимое. Что-то прекрасное, которое витает. А по поводу страданий скажу так: на мой взгляд, страдания присущи богам. Сын Бога, Прометей, прикован был к скале за то, что подарил огонь людям. Вот он страдал за великое. Страдал Христос, страдал Данте, написавший «Божественную комедию». Страдали Галилео Галилей и Джордано Бруно, потому что видели глупость геоцентрической системы Аристотеля, которой люди поклонялись две тысячи лет: Земля – центр, и вокруг вращается мир. А небесная сфера – это купол, к которому приклеили звёзды. И за эту глупость сжигали на кострах. Страдал Микеланджело – его заставили стоять на коленях с верёвкой на шее и ждать, пока Папа его простит. Страдал Лев Николаевич Толстой, который хотел переделать мир. Страдал Солженицын.

Я себя отношу к цеху творческих людей. Страдание свойственно титанам. А я – просто художник. Неудовлетворённость рождается оттого, что мог сделать, но не сделал. Порой испытываешь муки творчества, когда не удаётся композиция. Но, вообще-то, я везучий. Мне повезло. Всё есть: мастерская, квартира, жена, сын, внук, внучка. Были заказы, которые я выполнял. Это важно, ведь

Юрий Макушин в кругу семьи

Советский Союз? Я это к тому говорю, что вот бывают такие «примхи» заказчика (на украинском это красиво звучит). Нужно попытаться переубедить его и что-то оставить своё. Свою композицию, то, что отличает тебя от других художников. Хотя это очень сложно. На протяжении тысячелетий существует скульптура. Человек нисколько не изменился: у него две руки, две ноги и одна голова. Исходя из этого надо делать миллионы разных композиций. В этом главная задача и трудность.

– **А насколько важны для воплощения замысла размеры скульптуры?**

– Очень важны. Есть разные виды. Станковая, малых форм, декоративная и монументальная. Монументальная – это, прежде всего, размер. Человеку трудно победить природу, потому люди и делают огромные скульптуры. Христос в Бразилии тридцатиметровый, у нас в Киеве стоит женщина с мечом (её ласково называют Лаврентьевна, потому что возле Лавры стоит) – пятьдесят метров. Наша скульптура с Инной (заслуженный художник Украины И. Макушина) под Новой Одессой – одиннадцатиметровый «Солдат». Он всё равно игрушечный, потому что рядом поля, простор, небо. Он не кажется таким большим, как если бы стоял между домами. И, конечно, большую роль играет материал. Вот нержавеющая сталь, она чем хороша? В металле, как в зеркале, отражается мир, становясь нереальным. Когда пасмурная погода, наш солдат чугунный, тёмный, суровый. Когда встаёт солнце, он малиновый, как знамя, как огонь. Он разный каждый час. В нём отражается голубое небо, в нём плывут облака. Он стал частью природы.

– **Есть модное слово «перфекционист». Человек, который не выпустит работу из рук, пока не достигнет идеального, на его взгляд, результата.**

– Я не отношусь к этой категории людей. Нет предела совершенству. У меня был преподаватель в академии Михаил Аркадьевич Керзин, скульптор, друг Ильи Репина. В личном архиве есть фотография: сидят Репин, Суриков, столпы своего времени, а Керзин стоит сзади. Высокий красавец с усиками, похож скорее на джазмена, который играет на трубе. Когда я учился, ему было почти девяносто лет. Он преподавал, и о нём ходили легенды. Он требовал от студентов дотошного скрупулёзного изучения тонкой формы на теле человека. Чтобы выявить все прожилки и прочие

скульптура связана с большими расходами. Речь идёт о сотнях тысяч, иногда миллионах. Эти деньги очень трудно найти всегда, каким бы богатым ни было государство. На скульптуру никогда не хватает денег. А если и хватит, то обязательно будет навет, что половину украл...

– **Отпилил, если про камень говорить?**

– Фидий делал Зевса из слоновой кости и золота. Был донос, что много украл, и художника отправили под следствие. Скульптор связан тем, что ему трудно самостоятельно воплотить свою мечту. Сложнее, чем другим художникам. Если заказчик выступает в роли плательщика, то он требует «со своей колокольни» то, что хотел бы видеть. Был такой директор завода «Кристалл». Мы установили фигуру Прометея из нержавеющей стали перед зданием завода. После этого директор вызывает нас с Инной и говорит: «У меня есть три тонны листового титана. И я хочу, чтобы вы... поставили мне рабочего и колхозницу. Как в Москве».

– **И...**

– Нет! Чтобы меня осмеяли на весь

детализировки. И вот легенда. У него была мастерская, в ней он лепил мифического фавна, весёлого и доброго бога, покровителя пастухов и рыбаков. И привёл козла в мастерскую для достоверности. Пытался добиться совершенства. Но потом разломал работу, потому что понял – не достигнет идеала никогда. А мастерская за это время вся пропиталась запахом козла... И главное – сроки всегда поджимают. Заказы все бывают «на вчера».

– **В какой момент приходит понимание, что работа удалась, заказ готов?**

– Есть внутреннее чувство. Когда я себе говорю: «Вот оно, получилось».

– **Сознательное?**

– Бессознательное. Раздвоение личности (*смеётся*). Я читал Овидия, его «Метаморфозы», стихи, написанные в изгнании. Он упоминает наш здешний холод. И у меня сразу появилась идея. Овидий хотел вернуться в ласковый свой тёплый дом и просил у Августа разрешения. Но ему не позволили, и он на северном Причерноморье скончался. И когда я это читал, то представил, как он здесь в стужу выходит на улицу. Из какой-то хаты... вокруг зверьё, примитивный образ жизни – скотина живёт вместе с человеком под одной крышей. Кутается в какую-то хламиду. Я сразу сделал такую композицию. Бывает такое, что выстрелит сразу. А бывает, что никак. Лепишь, а оно «отваливается». Не то. Вот это и называется: муки творчества. Главное – идея. За неё хорошо платят. На Западе (*смеётся*). У нас нет.

– **В Николаеве много памятников или мало?**

– Мало. В Будапеште полно скульптуры. В Швеции – парки скульптур, в Литве на берегу простой сосновый лес и в нём масса композиций. У нас очень мало. Почему я приехал после академии в Николаев, хотя меня звали вернуться на родину в Томск? Чтобы попытаться как-то облагородить этот рабочий город. Частично мне это удалось. Я хотел бы помянуть добрым словом покойного мэра города Владимира Дмитриевича Чайку. Он был «заражён» идеей облагородить город, сделать островки искусства, обустроить дикие кусочки земли. Витя (*сын – Виктор Макушин*) сделал бюст Черновола. В центре города существовал захламлённый уголок, теперь там памятник, фонтан, скамейки. Благодаря Чайке появилась и «невеста» у загса. Бюст Потёмкину. Булавицкий (николаевский скульптор) воздвиг Ангела на проспекте Мира, святого Николая. Чайка был умница, он занимался флотскими казармами, скверами. Но всё равно монументальных исторических знаков в городе не хватает. Мест для их размещения много. Во времена Ющенко была идея поставить скульптурный памятник Мазепе. При повороте с проспекта Ленина возле райисполкома.

– **Скульптура – это идеология?**

– Идея и идеология. Почему по всей земле изображают распятия Христа? Идеология. Была идеология социалистическая, потому и Ленин был у нас везде. Нет империи без скульптуры. Империя порождает величественные площади, огромные здания и монументальные образы. Империя утверждает свою идеологию в пространстве – архитектуре и статуях. Масштабная скульптура была во время нацистов в Германии и во время Дуче в Италии. Я видел в Италии отреставрированный стадион, где на входах мраморные великолепные статуи. Тысячи скульптур. Когда я их увидел, у меня руки опустились и не поднимались творить полгода. Гитлер хотел на восточных рубежах своей империи поставить скульптуры. И они были изготовлены. Чисто арийские образы. Перекликались с советскими темами. Потому что империя есть империя. Скульптура, как сказал один из скульпторов, муза молчаливая, но очень страстная.

– **Какие монументальные образы, на ваш взгляд, сейчас нужны в нашем городе?**

– У нас почти ничего не появляется, к сожалению. На Садовой поставлен скульптурный знак памяти «Небесной сотни». И всё. Когда меняется власть, очень быстро всё забывается, и никто не думает о том, как украсить город. Много чего надо. Я всегда поддерживал Валерия Карнауха (николаевский издатель, общественный деятель), который предлагал выбрать достойное место для памятника Потёмкину. Ведь история нашего края неотделима от его имени, его созидательных трудов. На протяжении двухсот лет князь был неугоден современникам. Он хотел, чтобы его похоронили в Николаеве, в своём детище. У нас же почему-то отдали приоритет Фалееву, его помощнику. Но надо помнить всех, благодаря кому мы живём в этом прекрасном городе.

Беседовал Юрий Любаров

Александра ФИЛОНЕНКО

«ВІДКРИТА НІЧ» В НИКОЛАЕВЕ

Нам сказали, що українського кіно немає. Ми не повірили і зробили кінофестиваль «Відкрита Ніч».

Михайло Ілленко

Кинофестиваль «ВІДКРИТА НІЧ» был придуман и создан известным украинским кинорежиссёром Михаилом Ильенко с целью популяризации национального киноискусства. Он проводится каждый год, начиная с 1997 г., и включает в себя как конкурсную, так и внеконкурсную программы. Первый фестиваль состоялся в Киеве на Андреевском спуске, с годами к нему присоединились и площадки по всей Украине, а с 2015 г. – по всему миру, на которых синхронно с Киевом идёт фестивальная программа. «ВІДКРИТА НІЧ» является исключительно

национальным фестивалем короткометражных фильмов. Жанровых ограничений не существует, в фестивале могут принимать участие как игровые, так и неигровые фильмы, но стандартными номинациями являются: документальное кино, игровое кино и анимация, ежегодно дополняясь актуальными номинациями (как то: социальная реклама, ТВ-репортаж и т.п.).

До 2015 года фестиваль был чуть ли не самым краткосрочным в мире: он длился всего лишь одну короткую летнюю ночь (с 21.00 до 4.00), но в 2015 г. в Киеве он расширился до двух дней кинематографических встреч, мастер-классов и показов зарубежных фильмов и одной конкурсной ночи, однако в других городах – это всё так же одна ночь. Традиционно он проходит в ночь с последней субботы на последнее воскресенье июня под открытым небом. Именно желание проводить фестиваль на открытом воздухе и является первым из объяснений его названия, второе же – вход на фестивальныи показ бесплатный и свободный для всех желающих. На протяжении ночи зрители смотрят на большом экране более сорока короткометражных (а также фрагментов полнометражных) фильмов и роликов. Спецификой фестиваля является то, что, параллельно с профессиональным жюри в Киеве, зрители также выбирают своего победителя – в номинации «Приз зрительских симпатий», для чего всем пришедшим на показ раздаются анкеты для голосования, которые организаторам необходимо обработать, проведя подсчёт голосов, непосредственно по окончании трансляции фестивальныи программы. Объявление победителей как зрительского мнения, так и голосования жюри – с первыми лучами солнца. То есть основа концепции фестиваля – единство места, действия и времени.

С 2012 года, по инициативе киноклуба «RealityShiftCinema» и молодёжной организации «Альтер-Спорт», фестиваль проводится и в Николаеве. Предложила делать фестиваль в нашем городе одна из кураторов киноклуба Варвара Станкова, которая была лично знакома с киевскими организаторами. Но и без личного знакомства процедура появления этого фестиваля в любом населённом пункте достаточно проста – связаться с организаторами в Киеве, сообщив о своём желании и возможности делать фестиваль, после чего последние обеспечивают инициаторов всеми необходимыми рекламными материалами (флаерами, афишами и т.п.) и передают кинопрограмму. Однако у инициаторов на местах возникает ряд задач, которые необходимо решать самостоятельно – найти место и техническое обеспечение для проведения фестиваля, организовать информационную кампанию в СМИ, собрать людей на показ и сделать так, чтобы они были счастливы/довольны. В Николаеве эти задачи приходилось решать, в основном, самостоятельно, но не без поддержки некоторых городских

структур (в частности, Отдела семьи и молодёжи Департамента образования, науки и молодёжи) и отдельных лиц из истеблишмента.

Первый показ фестивальной программы в 2012 году чуть было не провалился. Дело в том, что, следуя формату и духу фестиваля, мы решили проводить фестиваль на открытом воздухе, а именно – на большой лестнице, ведущей на Нижний БАМ, чтобы было не хуже, чем показы в Одессе на Потёмкинской лестнице. Идея пришла в голову одному из тогдашних кураторов киноклуба Максиму Голубу, а получить официальное согласие на её реализацию взял на себя Роланд Байрозян, который, в силу долговременного сотрудничества с городскими властями в рамках своей молодёжной организации «Альтер-Спорт», знал, с кем нужно согласовывать подобную затею. Роланду удалось получить не только разрешение на проведение мероприятия, но и необходимую сумму для покупки ткани на самодельный экран 4х6 метров. Однако в день показа 6 июля 2012 года (организаторы решили устроить фестиваль непосредственно в ночь на Ивана Купалу) во второй половине дня началась серия гроз, которые, несмотря на все наши упования, продолжались и ночью. Поэтому за два часа до старта фестиваля, в режиме настоящего форс-мажора, пришлось обзванивать всех, чьи телефоны у нас были, писать посты в социальных сетях (и в этом смысле нам очень помог Богдан Головченко, который тогда выступил координатором этого безумия в группе фестиваля «Вконтакте») о переносе мероприятия в... йога-клуб «Садхана». Этот клуб является постоянной базой киноклуба «RealityShiftCinema» – здесь с 2011 года каждую субботу с сентября по июнь проходят стандартные клубные кинопоказы. И поскольку мы, честно говоря, не были готовы к такому коварному поведению июльской погоды, лучшего варианта, чем просить руководство йога-клуба позволить нам (и нескольким сотням в целом не известных нам людей) провести целую ночь в их помещении, мы не придумали.

Но наши усилия себя оправдали – люди не только сориентировались в форс-мажорных обстоятельствах, но и пришли в таком количестве, что чайхана йога-клуба, где обычно проводятся кинопоказы, переполнилась – люди сидели не только на диванах и стульях, но и прямо на полу на йоговских ковриках, которые руководство йога-клуба любезно нам предоставило. Когда стало понятно, что коврики уже некуда стелить, а желающие всё прибывают, мы связались с директором йога-клуба Анной Колесниковой и она великодушно разрешила нам использовать для показа ещё одно помещение – зал для занятий йогой, в котором было необходимое звуковое оборудование, а ещё один проектор нам оперативно предоставили наши друзья из Social Dance Club. Так и вышло, «с миру по нитке», николаевцам – кинофестиваль.

В тех условиях полного кино-хаоса точный учёт пришедших на фестиваль был, конечно же, невозможен. И всё же, по нашим грубым подсчётам и исходя их количества переданных нам заполненных анкет, можно сказать: в ту ночь в «Садхане» побывало от 300 до 400 кинозрителей. Не все из них досидели до конца показа, который, из-за задержки с запуском и прочими сложностями, продлился до шести утра, не все заполняли анкеты, но все участвовали в создании той незабываемой атмосферы какого-то душевного «цыганского» кино-табора. Можно с уверенностью сказать: этот первый наш форс-мажорный кинофестиваль был одним из самых ярких и волшебных кинособытий, нами организованных. И, помимо этого, подтвердил нашу веру в то, что николаевцы (причём всех возрастов, ибо на показе было несколько самых настоящих бабушек весь-

подготовка к нему велась достаточно спешно. Мы же, наученные капризами погоды в 2012 году, решили всё же перенести мероприятие под крышу – в концерт-холл «Юность», хотя вследствие того, что за использование помещения всю ночь предполагалась арендная плата, пришлось ввести небольшую плату за вход. Сложно сказать с уверенностью, какой фактор был ключевым – местоположение в районе ЮТЗ или плата за вход, но на весь огромный 700-местный зал в 2014 году набралось едва ли двести человек.

Что же касается программы фестиваля 2014 года, то, в отличие от «программы – 2012», в которой преобладали работы студентов Киевского национального университета театра, кино и телевидения им. Ивана Карпенко-Карого, в этот раз уровень короткометражек был заметно выше, да и тематика намного драматичнее – в связи с текущими событиями в стране. Появились и новые номинации – ТВ-репортаж и социальная реклама, также, в основном, связанные с происходящим в Украине. Было много документальных роликов студии «BABYLON 13», посвящённых событиям на Майдане (не всегда адекватного качества или с достаточно вразумительным мэсседжем), а некоторые

короткометражные игровые фильмы 2012 года почему-то опять попали уже в программу 2014. Тем не менее, несмотря на некоторую несбалансированность программы, она производила впечатление более весомого кино- и ТВ-продукта, чем программа 2012 года, и многие зрители высказывали нам как организаторам устную и письменную благодарность.

Учтя опыт 2014 года, в текущем году мы решили всё же найти бесплатную площадку, но в любом случае под крышей (и не зря!). В этот раз неоценимую услугу нам и кинематографу Украины оказала директор НГДК «Молодёжный»

Юлия Захарова, которая без арендной платы согласилась дать нам «на растерзание» на целую ночь 500-местный зал этого Дома культуры и даже пригласила соответствующих людей организовать ночное кафе для тех, кто не запасся бутербродами и чаем/кофе на всю ночь. Но соорудить экран, добывать звук, нанимать охрану и прочее кино клубу и «Альтер-Спорту» приходилось вновь самостоятельно, изыскивая для этого ресурсы фактически из ниоткуда.

Так вот, решение проводить мероприятие под крышей себя полностью оправдало – весь день 27 июня и всю ночь на 28-е шёл проливной дождь. Мы стойчески настроились на то, что публики в такую погоду, и опять в район ЮТЗ, придёт мало. Но были приятно удивлены, когда поток посетителей всё не иссякал примерно до полуночи и, в конечном итоге, достиг почти трёхсот человек – в резиновых сапогах, дождевиках, с зонтами, но люди добрались до средоточия отечественного киноискусства в Николаеве в ту ночь. Также приятно было видеть, что изрядную часть зрителей состави-

ма преклонных лет – остается только догадываться, как они узнали о самом фестивале и его переносе!) крайне нуждаются в культурном продукте, а украинское кино всё же интересно отечественному потребителю. Поэтому мы решили проводить этот фестиваль в Николаеве каждый год.

Но в 2013 году кинофестиваль не состоялся в Киеве – по не совсем ясным для нас причинам, соответственно, не проводили мы его и в Николаеве. В 2014 году, несмотря на трагические события в стране, киевские организаторы всё же решили проводить кинофестиваль, хотя

ли завсегдатаи киноклуба, а значит, пять лет клубных показов не прошли даром и в городе понемногу складывается сообщество киноманов. Самым замечательным фактом было то, что преобладающее большинство зрителей досидело до конца фестивального показа, то есть до 4-х утра, а половина ещё и осталась ждать результатов голосования киевского жюри и наших подсчётов.

Как и в минувшие годы, в 2015-м николаевский выбор лучшего фильма не совпал со всеукраинским. В Николаеве победила замечательная двуязычная романтическая комедия о молодом человеке, который что-

то шептал каждой своей новой девушке на ухо, на что та называла его «конченным» (таково и название самого фильма режиссёра Маргариты Кузьминой, получившего, наравне с «Останнім відвідувачем» Александра Шкрабака, главный приз в конкурсе игрового кино по результатам голосования жюри) и самоустраивались из его жизни до тех пор, пока одна всё-таки согласилась на предложение, и произошло чудо – она научилась летать! По Украине же зрители выбрали фильм «Вікно» Виктора Насипаного – сентиментальную историю о двух больных людях, один из которых, находясь в гораздо худшем положении, дарит надежду второму. Таким образом Николаев, как и в прошлом году, когда победила короткометражка «18+», доказал свою приверженность историям о любви, предпочитая их каким-либо иным историям. Все остальные фильмы, попавшие в десятку лидеров в николаевском народном голосовании, также говорили о том, что наши люди не только знают толк в кино (были выбраны в основном игровые короткометражки и анимация, отличавшиеся как качественной работой оператора, так и интересными или интригующими сюжетами, удачными визуальными находками),

но и выбирают жизнеутверждающий взгляд на реальность. И ещё из приятного и важного для Николаева – главный приз конкурса в номинации «Моя незалежність» получила видеопозция «Звідки ти, чорна валко, пташино зграє?» нашей талантливой землячки Анжелы Богаченко, окончившей вышеупомянутый кинематографический университет и живущей ныне в Киеве.

Покидая зал, люди говорили нам много приятных слов, благодарили и просили обязательно организовывать фестиваль и в будущем. Поэтому, несмотря на превратности погоды и другие проблемы, киноклуб «RealityShiftCinema» и молодёжная организация «Альтер-Спорт» обещают продолжать начатую традицию – ежегодно проводить фестиваль «ВІДКРИТА НІЧ» в Николаеве. Мы надеемся, что зрительская поддержка

поможет нашему кинематографу развиваться до международного уровня и с каждым годом на фестиваль будет приходить всё больше любителей кино.

Филоненко Александра Геннадиевна. Родилась 4 апреля 1977 года в Николаеве. Искусствовед, филолог. Аспирант Института филологии ЧДУ имени Петра Могилы, специальность «Теория литературы». Куратор галереи «На Спасской, 45». Преподаватель истории мировой культуры, литературной эстетики и английского языка Николаевского колледжа прессы и телевидения. Член редколлегии «Галерея» (журнала Ассоциации арт-галерей Украины). Руководитель киноклуба «RealityShiftCinema».

Президент фестивалю
Михаил Ильенко и победительница в номинации
«Моя незалежність» Анжела Богаченко.

К 70-летию Ивана Булавицкого

Екатерина НАТОЧА

ВЛАСТВУЮЩИЙ НАД СТИХИЕЙ

Они ещё не птицы, хотя отчаянно машут неоперившимися крыльями. Они уже не люди, хотя их беспомощные тела напоминают о том, что ещё недавно были среди нас, у них были свои имена, их жизнь внезапно прервалась. Люди-птицы устремляются в небеса на фоне бурлящих волн или грозных туч...

Эта скульптурная композиция «Тем, кто имел крылья», пока ещё малой формы, уже семь лет стоит в мастерской художника, заслуженного деятеля искусств Украины Ивана Булавицкого. Летящие бронзовые человечки вызывают щемящее чувство тоски и невозвратности. Говорят, что души погибших переселяются в птиц. Но как удалось скульптору запечатлеть миг перевоплощения? Возможно, эта композиция когда-нибудь займёт достойное место в нашем городе как отклик на сегодняшние трагические события в Украине или же другие исторические события. Хотя однозначно её трактовать нельзя. Каждый остановится, глядя на памятник, будет переживать своё, наболевшее. Пока что такого памятника нет. А есть скульптура малой формы, образ, созданный художником, выстраданный, осмысленный.

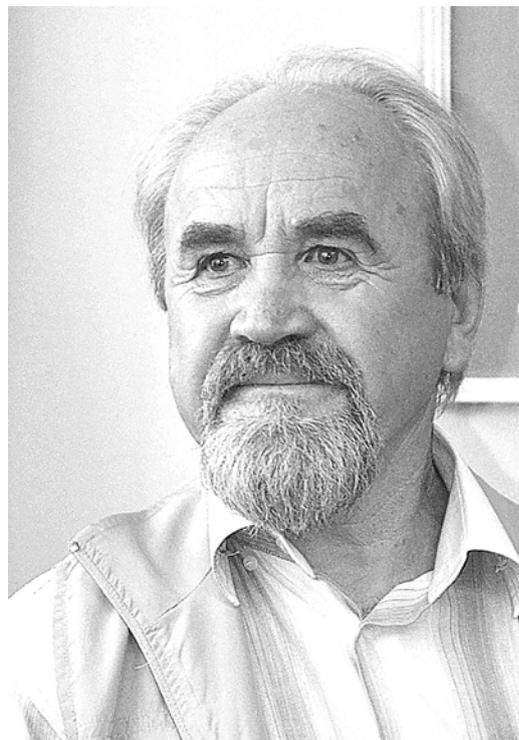
«Тем, кто имел крылья»

Иван Булавицкий – художник думающий, образно мыслящий, не сиюминутный, а постоянно ищущий. Его мастерская – это огромный мир, воплощённый в набросках, живописи, графике, скульптуре малой формы. Какие-то задумки уже вошли в нашу жизнь, нашли своё место на улицах и площадях нашего города или же в других городах и странах. Такие, как памятник Святому Николаю Чудотворцу, установленный в Каштановом сквере Николаева (подобный памятник установлен в Вилково), скульптура «Скорбный ангел Чернобыля» (Николаев), «Скифская мадонна» (Трускавец), Памятная стела Булату Окуджаве (Вилково), «Мой печальный ангел» (Денвер, США), «Из прошлого в настоящее» (Батурин), «Рождение крыльев» (Сиэтл, США), «Каменная памятка с Большой степи» (Каре, Франция) и др.

Ивана Булавицкого нельзя назвать «чистым» скульптором. Диапазон его творчества широк. Николаевцам давно известны его чеканка («Крылатый металл» – ДК «Металлург» в Корабельном районе) или керамическое панно («Комета Галлея» – Южноукраинск). Именно Иван Булавицкий стал автором флага и герба Николаевской области и флага г. Николаева, хотя конкурс проводился анонимно, в нём принимали участие многие. Но за эскизы Булавицкого проголосовали все члены жюри, так как художник наиболее удачно сумел воплотить в них и историческое прошлое нашего края, и сегодняшние реалии. Живопись, графика Булавицкого экспонировались на многих выставках разного уровня, он участник международных скульптурных симпозиумов в Украине, Франции, США.

Если художник перестаёт думать, изучать мир и искать, а всю жизнь пишет одну и ту же картину на разных полотнах, то он перестаёт быть художником. Булавицкому это не грозит.

– Мне интересно попробовать себя в разных техниках, работать с разным материалом, – говорит Иван Яковлевич. – Когда-то, заканчивая службу в рядах пограничных войск в Закавказье, я успешно сдал экзамены и поступил в Тбилисскую академию искусств на факультет декоративно-прикладного искусства, выдержав огромный конкурс. Тогда я был счастлив, что мне повезло, из солдатской шинели – прямо в студенты. Но вскоре понял, что этого мало, и при первой же возможности перевёлся на графический факультет. Но учёба в академии – это только старт. Дальше учила сама жизнь. Главное, я осознал, что твоё искусство должно быть необходимо людям, а не только тебе самому. Иначе – зачем делать то, что никому не нужно? Когда приехал в Николаев, то сразу подумал: почему здесь нет памятника покровителю города – Святому Николаю? Эта идея всё больше захватывала меня. Прежде чем она воплотилась в камне и в нашем городе торжественно был открыт памятник, прошло много времени – поисков, сомнений, переживаний. Этой идеей прониклись

Иван Булавицкий

николаевцы, поддержали, собрали деньги. Большую роль в воплощении этой идеи в жизнь сыграли мэры города Владимир Чайка и Валерий Карнаух – книгоиздатель, меценат, истинный патриот Николаева. Без них, наверное, событие, очень важное для Николаева, могло бы не состояться. К сожалению, обоих уже нет с нами. Может быть, они там, среди улетающих в небеса. Теперь, когда я прохожу мимо Каштанового сквера и вижу, что возле Святого Николая играют дети, собираются студенты и люди старшего поколения, проводятся городские праздники, я радуюсь, что затраченные усилия не были напрасными. А однажды я сделал скульптуру «Лунный левко», которая установлена в Кременчуге. Ещё не закончил работу, смотрю, а по моему «левку» верхом катаются дети. У меня отлегло от души – значит, понравилось.

– А скульптура «Утомлённая амфора»? Она ведь стала неотъемлемой частью историко-археологического заповедника «Ольвия». В одной скульптуре узнаются очертания древнегреческой амфоры и уставшей от трудового дня женщины. Кто она, утомлённая женщина-амфора?

– Это было в начале 90-х. Тогда скульптор Василий Федорук организовал международный симпозиум скульпторов в Ольвии. В результате получился парк скульптур, как дополнение к находкам древностей археологов. Я впервые принимал участие и впервые работал в камне (до этого лепил из глины, пластилина, занимался чеканкой). И именно тогда я почувствовал камень как материал и сделал для себя открытие: это же так интересно. Камень – как живое существо. С ним надо обращаться бережно и с уважением. Только тогда можно достичь задуманного. Объяснить, кто такая женщина-амфора, трудно. Это абстрактный образ. Может, амфора, пробираясь через тысячелетия к нам, превратилась в женщину, устала, прилегла отдохнуть. Впрочем, это неважно. Каждый должен увидеть что-то своё. Важно, что у меня с этого момента началась новая страница в творчестве. Мне нравится работать в камне, соединять гранит, мрамор, стекло, дерево, металл...

– Памятник Святому Николаю, памятная стела Булату Окуджаве, мраморные головы из композиции «З Холодного Яру», «Голова шамана. Памяти Джимми Хендрикса», «Олека. Памяти Олексы Довбуша», «Иконописец» – это вполне реалистичные образы, конкретные люди или мифологические герои. А такие скульптуры, как «Мой печальный ангел», «Окрылённая», «Белая мечта моего детства», «Мостик из прошлого», «На Ингуле», «Лунная ночь в Колорадо», «Рождение Афродиты» – это скорее философские раздумья. Что вам ближе – реалистическое искусство или авангард?

– Каждое направление в искусстве, будь то реализм или абстракционизм, требует осмысления, а не чистого копирования. Каждый образ должен пройти через тебя, обрасти знаниями, эмоциями

Иван Булавицкий за работой

– и только потом он воплощается в материале. Иначе это будет конструирование, а не творчество. В каждый образ я вкладываю своё видение и частичку самого себя.

– Вашими учителями вы называете своих педагогов академии искусств Т. Кубанейшвили, В. Кашелову, С. Кабуладзе, Д. Надию, которые учили азам в искусстве, академическим вещам, а абстрактное мышление – это дело наживное?

– Не совсем так. Первые уроки абстракционизма я получил, представь себе, в детстве. Вот у меня в мастерской на стене висит экспозиция-триптих «Связь поколений» – это своего рода генеалогическое древо. Здесь собраны старые фотографии моих родных и близких людей, которые я разместил на старом гобелене с набивными цветами, сделанном руками моей мамы очень давно. Ковёр, который висел у меня над кроватью чуть ли не с младенчества, уже выцвел, в некоторых местах потёрся, но своей прелести не утратил. Если присмотреться

ближе, то там изображены вроде бесформенные яркие пятна на чёрном фоне. А издали видятся цветы, так узнаваемые с детства. А ещё я помню, как наши сельские мастера, складывая каменные заборы, украшали их каменными цветами – лилиями, тюльпанами, розами, петушками. Цветы были схематичны, но так красивы и понятны. Вот первые уроки абстрактного искусства.

– А в середине экспозиции – фотография мальчишки. Его лицо открыто, доверчиво и готово на любые подвиги?

– Так и было. В детстве меня всегда тянуло на отчаянные поступки. Мы, дети послевоенного времени, часто были предоставлены сами себе. Иногда находили неразорвавшиеся снаряды, которые притягивали нас, как магнит. Сами придумывали себе игры и, конечно же, состязались в силе, выдержке, упорстве. Друзья называли меня Булавой...

– Булава – символ власти, мужества?

– Да нет! Скорее, от фамилии Булавицкий.

– И всё же мальчишки, сами того не подозревая, вкладывали в это слово свой смысл и запрограммировали будущее. Власть над стихией, камнем, металлом – это уже было потом. А в детстве? Кто единственный из всей компании мальчишек переплыл Дунай?

– Не Дунай, а один из рукавов Дуная. Правда, широкий и опасный. Течение там было сумасшедшее, сил не хватало, я задыхался. Все мои друзья вернулись, но я плыл. Туда, а потом – обратно. Я должен был выбираться из этой ситуации сам, не на кого было надеяться. Отступить я тоже не привык. Ещё мы цеплялись за уходящий поезд и соревновались, кто прокатится дольше всех и спрыгнет на полном ходу. Каждому хотелось быть самым-самым. А однажды я уцепился за грузовую платформу, перевозившую огромные бочки с винзавода, чтобы с «понтом» прокатиться у всех на виду, но не удержался на перекладине и свалился вниз. Даже сейчас мурашки по коже. Уж не знаю, как не раздавила меня эта громадина платформы, какая сила меня уберегла. Может, мой ангел-хранитель? Но то, что я был любознательным и любопытным, – это правда. И в дальнейшем мне хотелось самому добиться чего-то в жизни.

Иван Булавицкий родился в Одесской области в семье железнодорожников. Служил в погранвойсках в Закавказье. Окончил академию искусств в Тбилиси. Никогда ни на кого не надеялся и не ждал «манны с неба». Всего добивался только сам – огромным трудом и упорством. Он не пошёл по стопам родителей, выбрал свой путь. А по-настоящему состоялся как художник именно в Николаеве, куда приехал в начале 70-х годов. Этот южный украинский город принял его и оценил. Здесь началась серьёзная выставочная деятельность художника. Здесь Иван Булавицкий стал членом Союза художников, много лет возглавлял Николаевскую областную организацию творческого союза, получил звание «Заслуженный деятель искусств Украины». В 2005 году И. Я. Булавицкий стал лауреатом общегородской программы «Человек года» – «Горожанин года» в номинации «Искусство».

В 2006-м – награждён орденом Равноапостольного Князя Владимира и грамотой Митрополита Киевского и Всея Украины Владимира. Работы И. Булавицкого хранятся в украинских музеях, частных коллекциях в Украине и за рубежом. Иван Яковлевич имеет своих учеников, он доцент кафедры дизайна НУК им. адмирала Макарова.

Часто Булавицкого называют николаевским художником. Наверное, правильное было бы сказать так: украинский художник, живущий в Николаеве. Акценты другие и масштабы шире. И всё же он наш, николаевский, потому что прирос к этому городу всей душой. Здесь постепенно разрастается его маленькая и крепкая семья. Жена Валентина (друг и надёжный тыл), с которой когда-то приехали в этот город и остались здесь по обоюдному желанию. Сын Яков, рождённый в Николаеве, – тоже уже известный художник. Теперь появилась маленькая внучка Варвара – чудо из чудес. Без преувеличения – полгорода друзей и знакомых, потому что Иван Булавицкий всегда и ко всем с открытой душой. С этим городом связано многое – и победы, и разочарования.

Из окон мастерской художника видны проспект Ленина – вечная гудящая автомобильная клоака, и Европейский сквер – сверкающий по ночам огнями, с чистенькими лужайками, сделанный «по образцу» – гордость города. Но так ли это с точки зрения художника?

– Я – николаевский. И мне не безразлично, в каком направлении развивается наш город, – говорит Иван Яковлевич. – И всегда обидно, когда улицы и скверы наполняются дешёвым китайским ширпотребом – скульптурами львов под бронзу или всяких ангелочков. А ведь в нашем городе живёт много замечательных художников, которые могли бы украсить Николаев со вкусом. Хотелось бы видеть его ярким, красивым, индивидуальным.

А между тем, мастерская художника и скульптора – это и есть целый город, только в миниатюре. Всё здесь создавалось с мыслью о родном городе, для Николаева и николаевцев. И не только памятник Святому Николаю или скульптура «Скорбный ангел Чернобыля». А эксклюзивные статуэтки – специально для награждения победителей программы «Человек года», телевизионного фестиваля «Калинові острови», всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния» – всё это работы Ивана Булавицкого. А ещё – увековечение памяти знаменитых земляков: барельеф на могиле известного поэта Эмиля Январёва, памятник книгоиздателю Валерию Карнауху, макеты герба и флагов и др. Но ещё больше сделано впрок, с опережением времени. И эскиз скульптурной композиции о голубях Николаевской породы, скульптуры «На Ингуле» или «Воспоминания о паруснике «Орион», выполненные из дерева, бронзы, стекла. И макет фонтана «Наши родники», и набросок тушью «Подорож Святого Миколая». И скульптурная композиция «Тем, кто имел крылья». Таких работ больше, ждущих своего часа. Возможно, такое время настанет. И город скажет: это – наше.

Недавно в херсонском издательстве «Наддніпряночка» вышел альбом-ретроспекция работ Ивана Булавицкого. Получилось – к юбилейному дню рождения. Сюда вошли графика, скульптура, живопись – лишь малая часть из того, что сделал николаевский живописец, график, скульптор.

Наточа Екатерина Ивановна. Член Национального союза журналистов Украины, работает в николаевской прессе с 1975 года, ныне – корреспондент газеты «Вечерний Николаев». Удостоена звания «Горожанин года» в номинации «Средства массовой информации» (2008).

«Скорбящий ангел Чернобыля» (2007).

Александр КУПРИН

В КЛЕТКЕ ЗВЕРЯ

У меня был в Гатчине один настоящий друг – содержатель панорамы и зверинца, со входом в тридцать коп. для взрослых и пятнадцать коп. для детей и солдат.

Зверинец, правда, состоял из одного только боа-констриктора, скользкого, ленивого, холодного, объевшегося животного, страдавшего вечным запором. Его выползень до сих пор хранится у меня на стене в виде чешуйчатого прозрачного чехла, полутора сажень длины. Многие мне этот змеиный укротитель рассказывал во время перерывов между представлениями, а также в пивной поздним вечером, по окончании панорамы, и у меня дома, и среди игры на бильярде.

Он мне говорил о том, как у Гагенбека в Гамбурге дрессируют тюленей, львов, слонов и дикобразов. О том, что любая мышь слушается тонкого звука, произведённого втягиванием воздуха между сжатыми губами: этот звук издают крысиные жоаки, как сигнал к вниманию. О том, что любого слона можно навеки задобрить, давая ему понемножку, в продолжение недели, жевательного английского табаку, который продаётся в прессованном виде. Этого лакомого угощения слон никогда не забудет, и узнает вас хоть через пять лет, и затрубит вам навстречу.

И вот однажды мы разговорились с ним о закулисных цирковых драмах. «...Да, да, да, – сказал он задумчиво. – Мне тоже приходилось читать рассказы из цирковой жизни. Всё это неправда. Самый любимый мотив у писателей – это непременно месть покинутой женщины: подпиливается проволока, тушится не вовремя электричество, лошади дают отраву и так далее...»

Конечно, неправда. У нас, у цирковых людей, совсем нет профессиональной зависти. Понимаете? Ежеминутный страх разбиться, искалечиться, быть укушенным или даже растерзанным – понимаете? – этот страх парализует всякую ревность. Если я тебе не помогу – ты мне тоже не поможешь... А наши женщины, вопреки вашей беллетристике, очень целомудренны и прекрасные матери и жёны. Да ведь и то сказать... Ежедневная тренировка... Вечером работа в манеже, постоянное напряжение мускулов, потение, цирковые сквозняки, профессиональные ревматизмы... какой же тут темперамент? Ещё у клоунов, именно у шпрех-клоунов – потому что они похожи немного на актеров, – есть что-то вроде ревности, зависти и мести. У борцов – конечно. Но мы их презираем. Разве это искусство? Понимаете? Но бывают случаи... Бывают, бывают... Благодарю вас. За ваше здоровье! Бывает так, что человек сидит в каких-нибудь три-четыре минуты. Всего хорошего!

У меня был один случай. Я работал с медведем. А у меня был около него человек Яшка. Очень способный малый, и если бы не пьяница, то из него вышел бы прекрасный дрессировщик. Он знал, что я его рассчитаю к концу сезона. Меня в конюшне предупреждали, что он готовит мне какую-то пакость, но я не обращал внимания. Своих зверей я всегда сам кормил.

Можете себе представить, что этот подлец сделал? Перед самым моим бенефисом, в самый вечер, он кинул Михал Потапычу в клетку только что зарезанного, ещё трепыхавшегося голубя со связанными ногами.

Как и всегда, вывожу я моего Мишку. И можете себе представить? Глаза совсем багровые, капризничает, не хочет делать ни одного номера. Кровь попробовал. А публика?

Вы знаете, что такое эта публика? Во время самого рискованного номера она начинает аплодировать, а когда показываешь им какой-нибудь пустяк, они шикают и затаивают дыхание. Я ничего не мог поделать с Михал Потапычем, и мне начали свистать. Вполне естественно, что я разнервничался. Он стоит на задних ногах, ревет и – знаете, как это у медведей? – всё старается дать мне пощёчину, то левой, то правой лапой. А это значит – череп набок. Зрители думают, что всё это так и надо. Но вот в партере закричал какой-то ребёнок. Дети – вы понимаете – они те же зверята. Они чувствуют душой – не разумом. И вот начался переполох...

Конечно, медведь никому бы не принёс никакого вреда: ну, примял бы кого-нибудь, оцарапал... настоящей жертвой мог бы быть только я. Но я в это мгновение понял, что сейчас, сию минуту произойдёт толкотня, давка, стихийное умопомешательство.

Я не знаю ни одного животного, которое бы так глупо, бестолково и беспощадно вело себя в толпе, как человек. Ей-богу, лошади – и те куда умнее, на что уж глупые животные!

Всё это я взвесил в одну секунду. Оглядываюсь назад – нет ни моих людей, ни шталмейстеров. Что мне было делать? Я начинаю его бить изо всех сил хлыстом по морде. Я вообще никогда не бью зверей, а Михал Потапыча даже никогда и не трогал: он был зверь очень умный, рассудительный и злопамятный, с большим чувством собственного достоинства. Правда, потом пришлось его пристрелить.

Он стоит на задних лапах и дерётся. А я его хлещу. В это время у меня мысль: заманить его с манежа в коридор, и притом так, чтобы публика не перепугалась. И вот я плечусь задом, бью зверя, а он на меня, и – чувствую – свирепеет с каждой секундой. В конюшне он на меня бросился и начал мять. Не помню, как его стащили – я был в обмороке, но, слава богу, увёл с манежа.

Таких случаев у нас бывает много. Потеря равновесия, не вовремя вывихнувшаяся рука, неудачный каскад, неожиданный каприз животных. Случается нам во время прямого и обратного сальто-мортале неудачно опереться на ноги, и – вот! – все в цирке слышат точно выстрел из детского пистолета. Это у человека лопнула ахиллесова пята, и человек навеки урод, калека, бремя для семьи; или же он будет скитаться по пивным и за пять копеек жрать рюмки и блюдечки и глотать горящую паклю. Но всё это у нас не в счёт. Понимаете?

Но вот когда я испытал настоящий ужас... и совершенно случайно, по пустякам.

Сейчас расскажу...

Был бенефис моего друга Антонио, музыкального клоуна. В тот день мы очень много пили. В этот сезон работала в цирке Зенида с её львами. Вечер был необыкновенно удачный: смешной и весёлый, и весь точно импровизация. Потом, когда публика уже разошлась, мы сидели с Антонио в моей уборной и пили какой-то очень жестокий коньяк по его рекомендации. Огни в цирке были уже потушены.

И вот, – как это ни смешно вам покажется, – выйдя из уборной, мы заблудились в коридоре. Отворяем одну дверь – уборная, отворяем другую – контора цирка, третья – опять чья-то уборная. Темно, бредём почти ощупью, очень весело настроены и, повторяю, оба пьяны.

Смеёмся. Наконец я ощупываю какую-то дверную ручку. Вваливаемся. Инстинкт мне подсказывает, что здесь пахнет сырым мясом и звериным помётом. Ощупываю кругом – решётка. Почему-то нам приходит дурацкая мысль: сесть на пол.

Садимся, и вот я вижу в расстоянии двух-трёх дюймов от себя пару зелёных горящих глаз. Потом я слышу чьи-то мягкие, бархатные, но тревожные шаги и биение могучего хвоста о железо решётки. Когда мы освоились с темнотой, то, вероятно, одновременно поняли, что залезли в клетку к зверям Зениды. Они нас не трогали. Давно известно, что у пьяных, у лунатиков и у детей есть какой-то особенный бережливый бог. Но мы отрезвились в одну секунду и, признаюсь, выползли из клетки на четвереньках, задом. Антонио как-то инстинктивно захлопнул дверь. Но он на другой день даже не мог об этом и вспомнить.

Никогда в жизни я не забуду этих мягких, вкрадчивых шагов, этого сдержанного звериного дыхания, этого отвратительного запаха сырого перегнившего мяса из невидимых пастей, этих фосфорических глаз, мелькавших в темноте то здесь, то там... Но чувства испуга ни я, ни Антонио не испытали в эту минуту. Только на другой день вечером, когда я вспомнил наше приключение, то один, лёжа в кровати, задрожал и вспотел от ужаса. Понимаете?

Александр Иванович Куприн, 1912 г.

ДОБРАЯ ОСЕНЬ

Осень 1919 года была очень хороша на севере России. Особенно глубоко и сладко-грустно чувствовалась её прохладная прелесть в скромной тишине патриархальной Гатчины. Здесь каждая улица обсажена двумя рядами старых густых берёз, а длинная тенистая Багавутовская улица, пролегающая через весь посад, даже четырьмя.

Весною вся Гатчина нежно зеленеет первыми блестящими листочками сквозных берёз и пахнет терпким весёлым смолистым духом. Осенью же она одета в пышные царственные уборы лимонных, янтарных, золотых и багряных красок, а увядающая листва белостволых берёз благоухает, как крепкое старое драгоценное вино.

Урожай был обилен в этом году по всей России. (Чудесен он был и в 20-м году. Мне непостижимо, как это не хватило остатков хлеба на 21-й год – год ужасного голода). Я собственноручно снял с моего огорода 36 пудов картофеля в огромных бело-розовых клубнях, вырыл много ядрёной петровской репы, египетской круглой свёклы, остро и дико пахнувшего сельдерея, репчатого лука, красной толстой упругой грачёвской моркови и крупного белого ребристого чеснока – этого верного противочинготного средства. Оставались неубранными лишь слабенькие запоздалые корешки моркови, которые я не трогал, дожидаясь, пока они нальются и потолстеют.

Весь мой огород был размером в 250 квадратных сажень, но по совести могу сказать, что потрудился я над ним весьма усердно, даже, пожалуй, сверх сил.

Зимой ходил с салазками и совочком – подбирал навоз. Мало толку было в этом жалком сухом навозе, – его даже воробьи не клевали. Помню, однажды, когда я этим занимался, проходила мимо зловредная старушенция. Остановилась, поглядела и зашипела на меня: «Попили нашей кровушки. Будя». (Экий идиотский лозунг выбросила революция). Собирал я очень тщательно зимою золу и пепел из печек. Достал всякими правдами и неправдами несколько горстей суперфосфата и сушёной бычьей крови. Пережигал под плитой всякие косточки и толок их в порошок. Лазил на городскую колокольню и набирал там мешок голубинового помёта (сами-то голуби давно покинули наш посад вместе с воронами, галками и мышами, не находя в нём для себя пропитания).

Тогда все, кто могли, занимались огородным хозяйством, а те, кто не могли, воровали овощи у соседей.

Труднее всего было приготовить землю под гряды. Мне помог милый Фома Хамилейнен из Пижмы. Он мне вспахал и взборонил землю. Я за это подарил ему довольно новую фрачную пару (что мог сделать мой честный, добрый чухонец с этой дурацкой одеждой?) и собственноручно выкопал для него из грунта 12 шестилетних яблонь. Я их купил три года тому назад в питомнике Регеля Кесельринга. Сам посадил с любовью и ухаживал за ними с нежностью. Раньше, щадя их детский возраст, я им не давал цвести, обрывал цветения, но в этом году думал разрешить им первую роскошь и радость материнства, оставив по две-три яблочных завязи на каждой. Очень жалко было расставаться с яблоньками, но трезвый будничный картофель действительно требовал для себя широкого места.

И ведь, как на грех, на соблазн, выдалась такая тёплая, такая чудесная осень! На оставшихся у меня по границе огорода шести яблоньках-десятилетках, поздних сортов, плоды никогда ещё не дозревали: их мы срывали перед морозами, закутывали в бумагу и прятали в шкаф до Рождества.

Теперь же на всех шести налились и поспели такие полные, крепкие, нарядные, безупречные яблоки, что хоть прямо на выставку.

А цветов в этом году мне так и не довелось посадить. Побывал раннею весною в двадцати присутственных местах Гатчины и Петрограда на предмет получения разрешения на отпуск мне семян из социализированного магазина, потратил уйму денег, времени и нервов на проезды и хлопоты, ничего не смог добиться и с озлоблением плюнул.

Простите, что я так долго остановился на этом скучном предмете и отрываюсь от него с трудом. Мне совсем не жалко погибшей для меня безвозвратно в России собственности: дома, земли, обстановки, мебели, ковров, пианино, библиотеки, картин, уюта и прочих мелочей. Ещё в ту пору я понял тщету и малое значение вещей сравнительно с великой ценностью простого ржаного хлеба. Без малейшего чувства сожаления следил я за тем, как исчезали в руках мешочников зеркала, меха,

портьеры, одеяла, диваны, шкафы, часы и прочая рухлядь. Деньги тогда даже не стоили той скверной бумаги, на которой они печатались.

Но, по правде говоря, я бы очень хотел, чтобы в будущей спокойной и здоровой России был воздвигнут скромный общественный монумент не кому иному, как «мешочнику». В пору пайковых жмыхов и пайковой клюквы это он, мешочник, провозил через громадные расстояния пищевые продукты, вися на вагонных площадках, оседлав буфера или распластавшись на крыше теплушки; всегда под угрозой ограбления или расстрела. Конечно, не ему, а времени было суждено поправить хоть немного экономический кризис. Но кто же из великомучеников того времени не знает из горького опыта, как дорог и решителен для умирающей жизни был тогда месяц, неделя, день, порою даже час подтопки организма временной сытностью, отдыха. Я мог бы назвать много драгоценных для нашей родины людей, чьё нынешнее существование обязано тяжкой предприимчивой жадности мешочника. Памятник ему!

Повторяю, мне не жаль собственности. Но мой малый огородишко, мои яблони, мой крошечный благоуханный цветник, моя клубника «Виктория» и парниковые дыни-кенталупы «Женни Линд» – вспоминаю о них, и в сердце у меня острая горечь.

Здесь была прелесть чистого, простого чудесного творчества. Какая радость устлать лучинную коробку липовым листом, уложить на дно правильными рядами большие ягоды клубники, опять перестлать листьями, опять уложить ряд и весь этот пышный тёмно-красный душистый дар земли отослать в подарок соседу! Какая невинная радость – точно материнская.

Так, впрочем, бывало раньше. К середине 19-го года мы все, обыватели, незаметно впадали в тихое равнодушие, в усталую сонливость. Умирали не от голода, а от постоянного недоедания. Смотришь, бывало, в трамвае примостился в уголке утлый преждевременный старичок и тихо заснул с покорной улыбкой на иссохших губах. Станция. Время выходить. Подходит к нему кондукторша, а он мёртв. Так мы и засыпали на полпути у стен домов, на скамеечках в скверах.

Как я проклинал тогда этот корнеплод, этот чёртов клубень – картофель. Бывало, нароешь его целое ведро и отнесёшь для просушки на чердак. А потом сидишь на крыльце, ловишь разинутым ртом воздух, как рыба на берегу, глаза косят, и всё идёт кругом от скверного головокружения, а под подбородком вздувается огромная гуля: нервы никуда не годятся.

Пропало удовольствие еды. Стало всё равно, что есть: лишь бы не царапало язык и не втыкалось занозами в нёбо и дёсны. Всеобщее ослабление организмов дошло до того, что люди произвольно переставали владеть своими физическими отправлениями. Всякая сопротивляемость, гордость, смех и улыбка – совсем исчезли. В 18-м году ещё держались малые ячейки, спаянные дружбой, доверием, взаимной поддержкой и заботой, но теперь и они распались.

Днём гатчинские улицы бывали совершенно пусты: точно всеобщий мор пронёсся по городу. А ночи были страшны. Лежишь без сна. Тишина и темнота, как в могиле. И вдруг одиночный выстрел. Кто стрелял? Не солдат ли, соскучившись на посту, поставил прицел и пальнул в далёкое, еле освещённое окошко? Или раздадутся подряд пять отдалённых глухих залпов, а затем минутка молчания – и снова пять уже одиночных, слабых выстрелов. Кого расстреляли?

Так отходили мы в предсмертную летаргию. Победоносное наступление Северо-Западной армии было подобно для нас разряду электрической машины. Оно гальванизировало человеческие полутрупы в Петербурге, во всех его пригородах и дачных посёлках. Пробудившиеся сердца загорелись сладкими надеждами и радостными упованиями. Тела окрепли, и души вновь обрели энергию и упругость. Я до сих пор не устаю спрашивать об этом петербуржцев того времени. Все они, все без исключения, говорят о том восторге, с которым они ждали наступления белых на столицу. Не было дома, где бы не молились за освободителей и где бы не держали в запасе кирпичи, кипятки и керосин на головы поработителям. А если говорят противное, то говорят сознательную, святую партийную ложь.

Глава из повести «Купол Св. Исаакия Далматского». 1928

Евгений МИРОШНИЧЕНКО

ЮЖНЫЕ РАССКАЗЫ АЛЕКСАНДРА КУПРИНА

«Звали её Ю-ю. Не в честь какого-нибудь китайского мандарина Ю-ю..., а просто так. Увидев её впервые маленьким котёнком, молодой человек трёх лет вытаращил глаза от удивления, вытянул губы трубочкой и произнёс: «Ю-ю». Точно свистнул. И пошло – Ю-ю...»

Это фрагмент рассказа Александра Куприна «Ю-ю». Повествование вполне можно считать автобиографическим, ибо Куприн обожал животных, в его доме в разное время обитали птицы, куры, гуси, кошки, собаки разных пород, козы, лошади, обезьянка Марья Ивановна. Он населил ими и свои литературные произведения, достаточно вспомнить дворового Барбоса и комнатную Жульку, персонажей рассказов «Белый пудель», «Собачье сердце», «Медведи», «Слоновья прогулка».

Сколько их, четвероногих, живут с нами в качестве члена семьи!? Теперь и магазины особой еды для домашних животных имеются, и специальная одежда для самых маленьких и беззащитных, и поводки, кормушки, поилки особой конструкции, игрушки и лекарства, и светящиеся маячки на ошейник, чтобы не потерялись во время вечерних выгулов. А выставки и конкурсы красоты, кинематографические «Собачий Оскар» и «Золотой ошейник»!

Но много ли мы знаем о любимых питомцах? А вот он, писатель Александр Иванович Куприн, знал всё. И о том, как умны и чистоплотны свиньи, осёл – не упрям и ленив, а послушен и трудолюбив, у каждой собаки свой характер и душа. Гуси, оказывается, умные птицы, они реже всего попадают под автомобиль и способны по походке узнать хозяина среди ночи.

О Ю-ю Куприн сочинил вдохновенный рассказ. Ю-ю мяукала, как пела, с непостижимой лёгкостью сама открывала кухонную дверь, благодарно отзывалась на ласку. Пушистое существо, кошка сибирско-бухарской породы с глазами-хризолитами, по-семейному устраивалась рядом и своим «мур-мур» помогала писателю сочинять, находить послушные фразы. Ю-ю преданно дежурила у большого Коли, своим беспокойным поведением сообщала о телефонном звонке, обладала хорошим слухом и памятью – узнавала всех обитателей дома и мальчуганов-обидчиков. Кстати, кошки каким-то невероятным образом улавливают звуки высокой частоты, свист, при воспитании своих четвероногих друзей этим пользуется популярный цирковой артист Юрий Куклачёв, создавший уникальный театр кошек.

В тридцати произведениях А. И. Куприна встречается образ лошади. Она – венец естественной красоты, терпения и добра. Достаточно вспомнить хотя бы рысака Изумруда из одноимённого рассказа. Во время заезда Изумруд внимательно слушает команды, искренне тянется к людям, даже принимает еду из рук своего убийцы, хотя интуитивно «чувствует к нему непонятный ужас», и, в конце концов, становится жертвой человеческих интриг и коварства. Только выразить мысль словом не умеют животные.

Известны воспоминания друга Куприна, литературного критика и журналиста Фёдора Батюшкова. Однажды Александр Иванович обнаружил забравшуюся в овёс лошадь. Писатель за чёлку привёл её в дом, потом сел верхом и заставил подняться по ступенькам крыльца в свою комнату, где привязал около кровати. «Я хочу знать, когда и как лошадь спит, – говорил Куприн, – хочу с ней побыть».

Важно знать и литературно-психологические открытия писателя. Он был убеждён в тесной связи отдельного человека с «душою животных, растений и всего видимого мира» («Душа мира»), серьёзно полагал, что животные «гораздо быстрее и тоньше понимают людей», нежели люди животных («Ю-ю»). Именно они могут помочь нам уберечься от нашествия цивилизации, сохранить веру, быть духовно богаче и чище. Не потому ли в произведениях Куприна рядом с человеческими персонажами очень часто присутствуют животные, гуманное отношение к ним – критерий нравственности героя. К счастью, люди это осознают. Недавно в романе весьма популярного у молодёжи автора прочитал

слова: «Боже, помоги мне быть таким, каким считает меня моя собака» (Я. Вишневский, «Одиночество в Сети»).

Страстную эмоциональную привязанность к лошадям, этим удивительным творениям природы, среди русских писателей нового времени вместе с Куприным делит лишь Исаак Бабель. Он тоже был большим ценителем конного дела, посещал скачки, хорошо знал родословные рысаков и угадывал на бегах чуть ли не по девятнадцать заездов. Об этом я прочитал у Елены Погорельской, опубликовавшей письма из личного архива Бабеля. В 2012 г. она любезно подарила сборник «Письма к другу» Николаевской областной библиотеке.

Свою знаменитую книгу рассказов о гражданской войне Бабель назвал «Конармия», чем вызвал раздражение командарма, будущего советского маршала С. М. Будённого, ибо главными героями в новеллах Бабеля выступают не только красные казаки,

но и их кони. В «Истории одной лошади» начдив забрал у конармейца Хлебникова прекрасного белого жеребца, дав ему взамен вороную кобылёнку. Оскорблённый несправедливостью, Хлебников пишет заявление о выходе из Коммунистической партии большевиков. В финале новеллы приведены многозначные слова авторского признания, которые часто цитируются в бабелевских исследованиях: «Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони».

Проза Куприна чрезвычайно многообразна и насыщена приметами всего того, что достойно внимания литератора большого таланта. Помимо подлинно классических произведений о великой любви («Суламифь», «Олеся»), социально значащих тем («Поединок», «Листригоны»), философских размышлений о загадочности бытия («Жидкое солнце»), писатель стремился к познанию жизни во всех её мелочах и обыденности. Он искал своих героев среди студентов, актёров, лично был знаком с клоунами, дрессировщиками, пожарными, кавалеристами. Его интересовали цельные характеры, неожиданные, даже анекдотические, человеческие истории, окрашенные юмором или фатальным смыслом.

Северянин по происхождению (родился в г. Наровчат Пензенской губернии), Куприн сразу влюбился в Одессу, в Николаевский бульвар и Дерибасовскую, в крутой черноморский берег и солёную волну, чудесную копчёную кефаль с прохладным шабским вином. Он сразу оценил всю красоту юга, яркую лазурь неба и необычные запахи – сирени, резеды и левкоя, которые почему-то ему напоминали нюхательный табак, капусту и навоз гатчинского огорода. Дивился писатель и речи одеситов, их «тудаю», «сюдою», «я за тобой соскучилась».

Он познал в Одессе и совершенно новые запахи. «Однажды утром неопытный северянин идёт по улице и вдруг останавливается, изумлённый диковинным, незнакомым, никогда не слыханным ароматом, – читаем в рассказе 1911 года «Белая акация». – Какая-то щекочущая радость заключена в этом пряном благоухании, заставляющем раздуться ноздри и губы улыбаться. Так пахнет белая акация». Это только маленький абзац прозаической миниатюры о цветущей акации, далее автор передаст впечатление следующего дня, расскажет о новом терпком и сладком запахе висячих гроздьев белых цветов, через день он почувствует уже в них вкус конфет и душистого мыла.

«Нет нигде спасения от этого одуряющего цветка, и весь город на несколько недель охвачен повальным безумием, одержим какой-то чудовищной эпидемией любовной горячки... Но свежему, приезжему человеку, особенно северянину, весенние цветы белой акации сулят преждевременную гибель».

Таких проникновенных слов об Одессе никто не написал. Город у моря дарил незабываемые впечатления и встречи. 13 сентября 1909 года по просьбе редактора «Одесских новостей» Куприн с

Александр Куприн с дочерью Ксюшей верхом на коне

пилотом С. И. Уточкиным совершил полет на аэростате, другой раз испытывал в море водолазный костюм. Почти всё лето 1910 года Куприн провёл на Большом Фонтане, где близко сошёлся с соседом по даче Иваном Буниным. Здесь удивительно легко рождались вдохновенные строки. Между тем в его письмах с юга можно встретить сетования на безденежье. Профессиональный литературный труд в России редко давал устойчивый достаток. 20 апреля Александр Иванович сообщил Ф. Батюшкову: «... вместо того, чтобы писать «Яму», я пишу мелочи... На что мне жить?.. Поневоле пишу, что попало и где попало».

Сегодня в пору издавать «Одесские рассказы» А. Куприна. Здесь были написаны «В трамвае», «По-семейному», «Анафема», «Гранатовый браслет», «Они будут», «Леночка», «Искушение», главы романа «Яма», очерки из цикла «Листригоны», статья об одесском художнике П. Нилусе, содержащие автобиографические эпизоды. Здесь писатель познакомился с удивительным персонажем, скрипачом из подвального трактира и королём публики Сашкой. У входа в заведение красовалось горельефное изображение другого короля – покровителя пивного дела («Гамбринус»). Сашка был любимцем «портовых и морских людей»: грузчиков, кочегаров, матросов разных национальностей, рыбаков и лодочников, которые после тяжёлого и рискованного труда самозабвенно предавались разгулу. Сашка улаживал всех, мог в мгновение подобрать и исполнить любую песню. Но он оказался ещё и самобытной личностью: ни произвол полицейских, ни месть черносотенцев, ни война и японский плен не смогли его сломать. Сашка неизменно возвращается к своей публике и остаётся верным своему искусству. В знак благодарности Куприну одесситы сохранили название заведения, современный пивной ресторан «Гамбринус» находится в десятке шагов от Дерibasовской.

26 августа Александру Ивановичу исполнилось 40 лет, он уже широко известный автор, знаком с А. Чеховым, М. Горьким. В семейном кругу Л. Н. Толстого произведения Куприна читали вслух, хозяин Ясной Поляны весьма лестно отзывался о художественных достоинствах его прозы, находил «прекрасным» язык «Гамбринуса».

Писатель много путешествует по Украине, подолгу живёт в Севастополе, активно печатается в

Объявление в «Николаевской газете» от 6 августа 1910 г.

в Николаев и была устроена Фёдоровым, ибо он часто приезжал в город на Буге, выступал здесь вместе с И. А. Буниным. О студенческом вечере 8 августа известно мало, хотя справедливости ради следует упомянуть провинциальный курьёз. В газетном объявлении были искажены инициалы А. И. Куприна. Возможно, в город приезжал некто другой? Предположение это не находит подтверждения, о встрече А. И. Куприна с учащейся молодежью в Николаеве сообщила петербургская газета «Студенческая жизнь» (№ 3117).

11 августа в другой николаевской – «Трудовой газете» (№ 405) был напечатан рассказ Куприна «В клетке зверя», это была первая публикация произведения. Газетный вариант несколько отличался от книжных редакций, он носил название «В клетке» и содержал небольшие расхождения в тексте и авторском вступлении.

Можно сказать, что местная публикация рассказа имела резонанс. Уже через два дня в «Николаевской газете» появилось «вольное подражание» – третья часть газетной колонки была заня-

газетах, охотно даёт интервью, выступает с чтением своих рассказов на встречах с читателями. 6 августа 1910 года в пятничном номере «Николаевской газеты» (№ 1373) появилось объявление о предстоящем через два дня студенческом вечере с участием Куприна. Рядом с ним стояло имя хорошего приятеля Александра Ивановича, одесского поэта и драматурга А. М. Фёдорова (1868–1949). Вполне вероятно, что поездка

та ироничным пересказом миниатюры Куприна. «Что ни говори, – резюмировал фельетонист, – а современные рассказы куда реальнее старых – классических!» Далее следовала близкая к купринскому тексту история двух подвыпивших цирковых артистов, угодивших в клетку к зверям. Автор колонки, подписавшийся псевдонимом Бард, явно не понял ни купринского своеобразия изображения цирковой жизни, ни его стилистических приёмов, ни опыта исследования состояния человеческой психологии. Рассказ «В клетке зверя» писатель неизменно включал в собрание своих сочинений.

Жизнь и судьба А. И. Куприна складывались непросто: из Одессы он мчался к умирающей матери в Москву, стремился в Псков, Ригу, Петербург – там находились его издатели, ждали его рукописей. 17 сентября 1909 г. обвенчался с 27-летней жительницей Житомира Е. М. Гейнрих. Весной 1912 года впервые вместе с семьёй побывал за границей: в Ницце в пользу библиотеки им. А. И. Герцена прочитал лекцию о Пушкине, посетил Марсель, Венецию, Геную, Ливорно, Корсику, вернулся в Россию через Вену и Варшаву. В сентябре этого же года в приложении к журналу «Нива» вышло Полное собрание сочинений А. Куприна в 8-ми томах. 9-й том с окончанием «Ямы» появился в 1915 г.

Отставной поручик А. Куприн с репутацией сомнительного в политическом отношении писателя был призван в армию, началась I Мировая война. Служба, однако, оказалась короткой, весной следующего года по состоянию здоровья он демобилизуется и возвращается в свой гатчинский дом на постоянное место жительства. Ему пришлось некоторое время редактировать эсеровскую газету «Свободная Россия», по рекомендации М. Горького с программой издания газеты для крестьян он был принят в Кремле В. И. Лениным, но надежды на сотрудничество с новой властью не оправдались.

В июне 1918 года Куприн опубликовал очерк «Михаил Александрович» в защиту брата царя Великого князя, долгие годы жившего в Гатчине со своей женой. Последовал арест и допрос в ревтрибунале. Ему был задан вопрос: признаёт ли он советскую власть? «Признаю, – ответил писатель, – как же можно её не признавать. А вот если вы меня спросите, уважаю ли я её, то это другое дело». Ответ явно не понравился следователю, дело едва не закончилось расстрелом. Через несколько месяцев Гатчина была занята войсками генерала Юденича, начались массовые бои с Красной Армией. Затем последовал беспорядочный отход разбитой Северо-Западной армии, за ней потянулись обозы с беженцами. Среди них был и Александр Куприн, отправившийся на поиски своей жены и дочери.

В конце октября 1919 года через Финляндию он покинул Россию. 4 июля 1920 года семья Куприных поселилась в Париже. Так началась эмиграция, растянувшаяся на долгие восемнадцать лет.

Мы мало знаем о жизни, творчестве писателя за рубежом. Его трогательную повесть «Колесо времени» (1929), написанную от лица русского эмигранта, ностальгически переживающего историю своей любви к таинственной и прекрасной женщине; повесть «Купол св. Исаакия Далматского» (1928), автобиографический роман «Юнкера» (1933) – центральное произведение эмигрантского периода. Всё это золотое наследие русской литературы.

В 1999 году издательство «Согласие» (М.) выпустило большой том публицистики, позднего творчества А. Куприна, – рассказов, воспоминаний о своём детстве, современниках, литературных портретов, очерков, включая фельетоны и некрологи. Сборник называется «Голос оттуда». Опытный читатель, понимающий толк в литературе, с уверенностью подтвердит: нет, не утратил писатель общественный темперамент, не потерял статус мастера русской словесности. Конечно, неустроенный эмигрантский быт и нравы, годы европейской чужбины, обострённые нуждой и прогрессирующими болезнями, отравляли жизнь, он не смог смириться с отсутствием российского читателя, знакомых сюжетов, той лёгкости пера, что давало родное отечество. Решение Александра Ивановича вернуться в СССР было глубоко выстраданным. Единственное, о чём он готов был просить советского посла: позволить увезти из Парижа любимую кошечку. Как в одноимённом рассказе – её звали Ю-ю.

В роковом 1937-м писатель вместе с женой получил разрешение советского правительства на возвращение. 31 мая в Москве на перроне вокзала его встречала группа литераторов во главе с А. А. Фадеевым, – ни одного из присутствовавших Куприн не узнал. Творческий путь мастера был завершён. Как утверждают его биографы и исследователи, не существует «ни одной строки, написанной Куприным по возвращении в Россию», хотя в газетах появились тексты с его подписью. 25 августа 1938 года Александр Иванович скончался.

26 августа 2015-го исполнилось 145 лет со дня рождения А. И. Куприна, талантливейшего представителя литературы русского реализма XX века.

Сергей ПИСКУРЁВ,
Елена ПОНОМАРЁВА

ДОКТОР ПЕТРОВ Судьба в стихах

Вместо предисловия. Поверх барьеров

В разгар советской «перестройки» Международный планетный центр, базирующийся в США, утвердил название группы малых планет, открытых сотрудниками Крымской астрофизической обсерватории. Планеты, обращающиеся между орбитами Марса и Юпитера, получили имена Михаила Булгакова и Бориса Пастернака. Таким образом, два непризнанных гения российской словесности XX века, замордованные тоталитарным режимом, тесно связанные с Украиной (первый – рождением, второй – творческой тематикой), получили галактическую «прописку» и космическую «реабилитацию».

К сожалению, у нашего человека, даже образованного, который, казалось бы, обязан отвечать за «связь времён», короткая память. Современникам мнится, что и «Мастер и Маргарита», и «Доктор Живаго» всегда были доступны, всегда обитали на книжных «развалах», на телеканалах и в школьных программах. Нет, такого не было.

Берём в руки пожелтевший от времени и верноподданничества номер «Литературной газеты», органа Правления Союза писателей СССР, от 25 октября 1958 года. Номер от корки до корки посвящён политической травле Бориса Пастернака, толику творческого подвига которого составляет хотя бы то, что поэт «научил» Шекспира и Гёте говорить на русском языке.

Александр Николаевич Петров

Прочитываем некоторые «перлы» из подзабытого, но совсем недавно главного советского жанра под названием «донос»: «Шведская академия словесности и языкознания присудила Нобелевскую премию по литературе за 1958 год поэту-декаденту Б. Пастернаку за его, как говорится в постановлении, «значительный вклад как в современную лирику, так и в область великих традиций русских прозаиков». Это скандальное, пропитанное ложью и лицемерием решение встречено восторженным рёвом реакционной буржуазной прессы. Печать капиталистических монополий и не пытается скрыть, что выходка шведских консерваторов от «словесности» вызвана одним фактом – изданием в ряде капиталистических стран романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», ибо все другие его произведения почти неизвестны на Западе.

Присуждение награды за художественно убогое, злобное, исполненное ненависти к социализму произведение – это враждебный политический акт, направленный против Советского государства. Не «изысканная» заумная лирика Б. Пастернака, не глубоко чуждые этому писателю действительно великие традиции русских прозаиков вдохновили инициаторов этого акта. Буржуазные «знатоки» и «ценители»

литературы выступили в данном случае как орудие международной реакции. Их решение направлено на разжигание «холодной войны» против СССР, против советского строя, против идей всепобеждающего социализма...»

Кажется, довольно... Вспомнили родной язык советских дискуссий? Под сим непотребством подписи официальных «классиков» момента – А. Твардовского, А. Дементьева, Б. Лавренёва, В. Овечкина, К. Федина, М. Алексеева, В. Косолапова, Г. Маркова, В. Солоухина... Впрочем, некоторые наиболее талантливые и совестливые из этого ряда в скором будущем поплатятся за собственное малодушие, собственный конформизм. Но главная расплата – то, что спустя более полувека этих «классиков» мало кто читает и мало кто помнит. Бог им судья!

Но что мог сделать престарелый, затравленный поэт? Чем мог ответить из своей «перделкинской осады»? Как настоящий поэт – очередным поэтическим шедевром под названием «Нобелевская премия» и собственной физической смертью:

*Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.*

Смеем надеяться, чуткий читатель поймёт, зачем «житие» тихого николаевского доктора и поэта А. Н. Петрова авторы предваряют столь пространной преамбулой о его более громких современниках. Несмотря на все превратности судьбы, доктор Петров до самого гроба верил, что «силу подлости и злобы одолеет дух добра». Такою стойкостью могла обладать поистине недюжинная личность. А как иначе! Ведь николаевский доктор был из «сословия» старых российских интеллигентов, из той духовной породы, что не встречается нигде, кроме как на нашей почве.

Из этой породы вышли Чеховы и Циолковские, Вернадские и Бердяевы, известные учёные и военные, литераторы и религиозные мыслители... Но больше было безвестных земских врачей и сельских учителей, скромных провинциальных подвижников. То были альтруисты и мечтатели, труженики и умницы. К сожалению, породу эту полностью выкорчевал, уничтожил «век-волкодав» – XX-й.

Перед судом истории, перед лицом космоса, если хотите, люди пастернаковского, булгаковского масштаба могут «постоять» за себя сами. В случае с нашим «маленьким большим человеком» Петровым нужны «адвокаты» – исследователи и популяризаторы.

Есть ли коллизия трагичнее – всю жизнь писать стихи, писать много, преданно, исступлённо и никогда не публиковаться! Только письменному столу, единственному, доверять все перипетии непростой, полной горечи и разочарований судьбы добровольного «внутреннего эмигранта»!.. Все удары, все уродства, все кровавые излишества ушедшего века видел, испытал доктор Петров. Выстоял. До конца дней врачевал людские недуги. А ныне образчиком последнего николаевского интеллигента возвращается к нам. Возвращается живым современником.

А было так. В 70-е годы прошлого века научные сотрудники Николаевского областного краеведческого музея проводили плановую экспедицию по Николаеву, в ходе которой по адресу улица Потёмкинская (в то время Плехановская), 184 были обнаружены артефакты, что представляли интерес для вновь создаваемого музея судостроения и флота.

Тогда были собраны фотографии, документы, личные вещи некоего доктора Александра Николаевича Петрова. Сотрудников музея в первую очередь заинтересовала личность Петрова как рядового совслужащего завода «Ремсуд». Другие аспекты его деятельности и творчества остались вне их внимания. Времена на дворе стояли далеко не либеральные. А скорее всего внук Петро-

А. Н. Петров в каюте «Опасного». 1910 г.

*А. Н. Петров, участник полёта на аэроплане авиатора
Абрамовича с 4-мя пассажирами. 1912 г.*

получены из Санкт-Петербургского военно-медицинского музея Министерства обороны России два документа – послужной список доктора А. Н. Петрова и биография, написанная его дочерью К. А. Дульц. Биография являлась сопроводительной запиской к наградам, которые Кира Александровна передала ленинградскому музею в 1958 году.

Историография об А. Н. Петрове практически отсутствует. В 1962 г. в Москве была издана коллективная монография Л. Д. Белькинда, А. Н. Мокеева и А. Е. Тверитинова «Евгений Павлович Тверитинов», которая важна для понимания личности Александра Николаевича Петрова также. Е. П. Тверитинов был тестем судового лекаря А. Н. Петрова. Личные и служебные связи первого с выдающимися людьми своего времени – учёными, изобретателями, флотоводцами С. О. Макаровым, Н. А. Аркасом, К. М. Тикоцким, А. А. Поповым, П. Н. Яблочковым, которые упоминаются в московской монографии, безусловно, повлияли на формирование интересов зятя.

Любопытен интерес судового лекаря к минному делу, проблеме электрического освещения в морском деле и т.д. Думается, что во флотские газеты «Кронштадтский вестник» и «Котлин» А. Н. Петров посылал не только стихи, но и статьи по вопросам медицины (возможно, были затронуты и другие проблемы). Показательно, что служил судовым лекарем на кораблях дивизии траления мин заграждения в Балтийском море. Свой первый орден Святого Станислава III степени с мечами он получил за действия 14 августа 1914 г. «во время траления мин под огнём неприятеля вместе с командой».

В ходе биографических разысканий образ николаевского «затворника» Петрова, согбенного под бременем жизни, постепенно становился моложе, мужественнее, светлее. Казалось, отступало не время – само небытие.

Санкт-петербург. Женитьба. Е. П. Тверитинов. Служба судового лекаря. Литературные мечтания

Документальные сведения о докторе Петрове скудны. Мы будем опираться на материалы фондов Санкт-Петербургского военно-медицинского музея Министерства обороны России, частных архивов Л. П. Дульц и А. А. Петровой, а также на устные рассказы николаевского искусствоведа

ва, Вадим Константинович Дульц (именно с ним общались работники музея), не решился в то время рассказать о деятельности деда до революции и особенно о стихах, которые тот писал на протяжении жизни. Многие были с явным антисоветским звучанием и никак не вписывались в официозные рамки «социалистического реализма».

В силу конкретности целей музейщики по уже знакомому адресу повторно не обратились. За них это сделали другие. И первым – частный коллекционер А. С. Криницкий, который общался с Анной Алексеевной Петровой (вдовой сына доктора Петрова, Николая Александровича) и Лидией Порфирьевной Дульц (вдовой Вадима Константиновича). Помимо мебели и предметов быта, которые коллекционер приобрёл у двух женщин, его заинтересовал архив Петрова, где были обнаружены рукописные тексты стихов. А. Криницкий снял копии и принёс их в краеведческий музей. Так начался кропотливый поиск.

Чтобы осветить весь жизненный путь А. Н. Петрова, понадобились материалы о его деятельности на родине, в Санкт-Петербурге, до 1918 г. С этой целью был сделан запрос и

Л. Е. Тверитиновой, прямого потомка рода Тверитиновых.

Александр Николаевич Петров родился 14 апреля 1880 г. (по старому стилю) в Петербурге, крещён 21 апреля 1880 г. в церкви Святой Великомученицы Екатерины в Екатерингофе. Отец его Николай Нефёдович Петров – мещанин Тверской губернии. Работал на резиновой мануфактуре на Обводном канале в Санкт-Петербурге. Был рабочим, затем мастером. Мать – Евдокия Степанова.

Памяти родителей А. Н. Петров посвятил стихи. Два стихотворения, написанные в 1919 – 20 годах, могут рассказать нам о том душевном состоянии, о той социально-нравственной катастрофе, которую переживал автор. С 1919 г. А. Н. Петров – житель Николаева. Но, оторванный от привычной северной почвы, от флотской высокоинтеллектуальной среды, невольный свидетель ужасов гражданской войны на юге Украины, профессиональный доктор и зрелый человек Петров взывает о моральной поддержке к покойным родителям. 18 февраля 1919 г. умер его отец. Видно, в тот роковой период искать духовной опоры среди живых у доктора было не у кого. Из его строк можно сделать заключение о глубокой религиозности семейства Петровых, православных идеалах родителей:

*Ты собрался в путь-дорогу,
Исходи земную ширь,
И вела дорога к Богу
Через ближний монастырь.
– Ухожу от вас на время.
Жаль мне мать и вас, детей...
В путь возьму я жизни бремя –
Узел с ношею моей.
Всё, что долгими годами
Накопилось на земле,*

*Порождённое трудами
В дни скорбей, в грехах и зле.
Понесу я эту ношу;
Если будет тяжела,
Там, у церкви её сброшу,
Чтоб душа воспрять могла.
С юных лет в исканьях Бога,
Средь людских забот и дел,
Жить подвижнически-строго
Чистым сердцем ты умел.*

(Памяти незабвенного отца моего)

В биографии отца дочь Кира Александровна писала, что тот с трудом определился в гимназию, окончил же её с золотой медалью. Согласно послужному списку, в 1908 г. он окончил Военно-медицинскую академию. 28 января 1904 г. студент медицинской академии Александр Петров в г. Ораниенбаум обвенчался с Ольгой Евгеньевной Тверитиновой, выпускницей Санкт-Петербургского Елисаветинского института в звании домашней наставницы. На новое родство необходимо обратить особое внимание, так как отец Ольги, Евгений Павлович, и его окружение оказали большое влияние на А. Н. Петрова.

Е. П. Тверитинов родился 19 (31) мая 1850 г. Выпускник морского училища (1871), был откомандирован в 5-й флотский экипаж Кронштадта. В 1876 г. оканчивает курс гидрографического отделения Морской академии в Санкт-Петербурге. В 1876–1877 годах является слушателем минного офицерского класса, по окончании получает звание минного офицера II разряда и назначается на фрегат «Севастополь», входивший в состав 4-го флотского экипажа, а также начинает читать слушателям минного офицерского класса курс по оборонительным минам и электрическому освещению.

НИВА 1915 № 43, 794

Мина, выловленная нашими моряками.

*Тестя А. Н. Петрова – Евгений Павлович
Тверитинов, генерал-майор в отставке.
Кронштадт, 1917 г.*

Находясь в распоряжении «отца» российского броненосного флота А. А. Попова, Е. П. Тверитинов совершает плавание на пароходах «Веста» и «Владимир», приспособленных для военных действий, затем на пароходе «Великий князь Константин», оборудованном капитан-лейтенантом С. О. Макаровым для «действия минами при помощи пороховых катеров». Командирами минных катеров были офицеры И. Зацарённый, В. Рождественский, О. Шешинский. Дружеские отношения связывали Тверитинова со Степаном Осиповичем Макаровым.

Закончив плавание на пароходе «Константин», Е. П. Тверитинов был направлен в распоряжение Главного командира Черноморского флота и портов адмирала Николая Андреевича Аркаса. Адмирал Аркас назначает Тверитинова минным офицером парохода «Пендераклия», который направляется в порты Бургас и Сан-Стефано для заграждения сфероконическими минами Константинопольского пролива.

Во время нахождения в Сан-Стефано умирает друг и сослуживец Тверитинова, лейтенант Владимир Петрович Муравьёв (сын П. И. Муравьёва, заместителя морского министра, адмирала). У покойного остались жена и трое малолетних детей. В 1879 г. Тверитинов женился на Ольге

Францевне Муравьёвой (урождённой Кизер).

После посещения Всемирной и Парижской международной электрической выставок Тверитинов, возвратившись в Кронштадт, занимается внедрением электрического освещения на флоте. В 1887 г. он назначается на должность заведующего по учебной части минным офицерским классом и школой и в течение 14 лет руководит всем учебным процессом подготовки минёров на флоте. С 1901 по 1905 годы был главным минёром Кронштадтского порта, находился в непосредственном подчинении главного командира порта вице-адмирала С. О. Макарова.

В 1904 г. Тверитинов овдовел и в том же году женился на своей падчерице Марине Владимировне Муравьёвой. Скончался 16 мая 1920 г., похоронен на Кронштадтском военном кладбище. Столь подробная биография тестя А. Н. Петрова необходима, чтобы показать, в какую семью, в какое общество вошёл вчерашний мещанский сын, став зятем Евгения Павловича Тверитинова и Ольги Францевны Кизер-Муравьёвой-Тверитиновой.

Становится понятным, почему, прослужив пару месяцев в пехотном резервном полку, 9 февраля 1909 г. А. Н. Петров был переведён на флот, а 20 февраля циркуляром штаба Кронштадтского порта прикомандирован к Николаевскому морскому госпиталю в Кронштадте для исполнения ординаторских обязанностей. Но на берегу не сиделось. Сказывалась кровь деда Нефёда, боцмана Балтийского флота, о котором внук писал впоследствии:

*Не потому ль я с морем в дружбе,
Всегда любил раздолье вод,
Что сорок лет провёл на службе
Отец отца – мой дед Нефёд!
То жизнь была иного рода,
И дед свершил за этот срок
Три кругосветных перехода
Под парусами на восток!
На службе дед сражался стойко,
Отец мне часто говорил,
Что даже адмирал Завойко
Служаку боцмана любил.*

На выбор судов для службы А. Н. Петрова, конечно, влияло мнение тестя Е. П. Тверитинова. На одной записи в послужном списке А. П. Петрова необходимо остановиться подробнее: «С 6 мая по 4 октября 1913 г. служил на линейном корабле «Андрей Первозванный» под командою капитана I-го ранга Зелёного 2-м младшим судовым врачом во внутреннем и заграничном плавании».

Заграничное плавание – это путь из Кронштадта в Англию. Впечатления от похода были отражены в поэме «Последний поход за границу царского военного флота из Балтики в 1913 г.». Поэма писалась с 1914 по 1918 гг. Революция сделала неактуальным описание подвигов царского флота. Поэма «Последний поход...» легла «на полку», «под спуд», по выражению самого автора. О былом вспомнилось, когда советские крейсера «Свердлов» и «Суворов» в 1955 г. прошли тем же путём. «Поэма была задумана во время походов периода 1914–18 годов, а осуществилась уже в 20-х годах, с тех пор поэма лежала без движения, пока адмирал А. Г. Головкин не повёл корабли в Англию теми же путями, которыми прошёл и я в 1913 г. на линкоре «Андрей Первозванный». Это всколыхнуло в памяти моей службу...», – вспоминал А. Н. Петров.

Он написал письмо командующему Балтийским флотом адмиралу А. Г. Головкину, в котором упомянул о поэме. Вести переписку с автором было поручено начальнику секретариата, командующему 4 Военно-морским флотом капитану 3 ранга Дерюгину. Тот сообщил Петрову, что адмирал Головкин «с большим интересом прочитал письмо, попросил переслать поэму для ознакомления». Петров переписку поэмы поручил дочери, так как, писал он, «у меня мало свободного времени для кропотливой работы. Поэма занимает больше 100 страниц (120-130). Многие черты старого быта из морской жизни вызывают живой интерес к моей поэме, лежавшей под спудом долгие годы». «Для верности» поэме предшествовало посвящение – «...Командующему Балтийским флотом адмиралу А. Г. Головкину в знак памятного похода в Англию крейсеров «Свердлов» и «Суворов» в 1955 г. Автор».

Головкин обещания не сдержал. Поэма не была напечатана и, к сожалению, не сохранилась. Среди рукописей А. Н. Петрова лишь несколько строф предположительно можно считать набросками к поэме:

*Сегодня море будто злится –
«Андрея» просто не возьмёшь, –
На десять градусов кренится,
А в гору будто бы идёшь!
Как будто здесь все силы ада
Хотят сломить атакой форт,
Но тяжёлая громада
Чуть-чуть склонилась на борт.
Морская жизнь – моя отрада.
Скитаться в море мне не лень...
Вот скандинавская громада
Сближалась с нами целый день.
И всё казалось – близко, близко...
Вот скоро вырастет стена.
К хребту склонились тучки низко,
Кругом покой и тишина.*

С 10 октября 1913 по 1 января 1917 гг. в послужном списке А. Н. Петрова значатся учебное судно «Пётр Великий», транспорт «Грозный», канонерская лодка «Бобр», тральщик № 22. И, наконец, последний корабль – посыльное судно «Усть-Нарва», на котором Петров прослужил флагманским врачом Штаба начальника дивизии траления с 1 февраля 1917 г. по 16 апреля 18-го. Карьера судового лекаря Балтийского флота шла к закату. 13 октября 1915 г. приказом командующего флотом Балтийского моря «за храбрость и мужество, проявленные при выполнении операции, сопряжённой с явной опасностью для жизни и имеющей большое значение», он награждён орденом Святой Анны III степени с мечами и бантом. 26 июля 1916 г. «за самоотвержение, мужество, а также за усиленные труды в обстановке военного времени» награждён орденом Святого Станислава II степени с мечами.

А. Н. Петров также имел светло-бронзовую медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых, нагрудный знак 100-летнего юбилея Императорской Военно-медицинской академии, светло-бронзовую медаль в память 200-летнего юбилея Гангутской победы.

Николаев. На новом месте. Семья и судьбы детей. Поиски правды

Революционные события 1917 г. означали крах Александра Николаевича Петрова как судового врача Императорского флота. Среди рукописей есть целая серия произведений, которые ясно показывают отношение семьи Петровых-Тверитиновых к развернувшимся событиям. Характерно стихотворение «В дни анархии», датированное достаточно красноречиво – 31 октября 1917 г.

*Отчизна-мать, страшна твоя судьба.
Напрасно ты от гнева хмуришь брови.
От палача, вчерашнего раба,
Ты изойдёшь в потоках братской крови.
Ещё не раз пойдёт на брата брат,
Обезумев в войне междоусобной.*

*И будет хуже, – хуже во сто крат, –
Чем в эти дни. От силы тёмной, злобной.
Костёр вражды на много лет зажжён.
В его огне – и смерть, и разрушенье.
Под плач детей и оскорблённых жён
К тебе придут позор и униженье.*

Теме революции посвящены стихотворения «Хам» (1917), «Моя душа опять полна исканий...» (1918), «Куда они идут? Они не знают сами...» (1919), «Мы опять погрузились во мрак...» (1920), «Я хожу среди горящих зданий...» (1920). Тревога, отчаяние тех дней отображены в стихотворениях, которые посвящены родным и рассказывают, казалось бы, о личном:

*Семья Петровых в Мариехамне
(ныне Финляндия). 1912 г.*

*Мы с тобой никому не нужны.
Мы нужны только смерти одной.
Повстречаться мы с нею должны
На распутье в долине земной.
Там, где люди живут в нищете,
Где обман и насилье царит,
Где шакалы снуют в темноте,
Где мой ближний злодеем убит.
И чем зорче гляжу я вокруг,
Тем мои осторожней шаги.
Я не знаю, кто брат мне и друг,
Если нас окружают враги.*

В 1917 г. в небытие ушло государство, которое за тот смутный год потеряло всё – трёхсотлетнюю царскую династию, регулярную «золотопогонную» армию и доблестный флот, государственное православие и не менее важное – частную жизнь, уютный, налаженный, абажурно-кружевной мир так называемых городских обывателей, к коим причисляли себя учителя, юристы, врачи. Обыватели не сразу поняли, что весь этот безлад надолго. Спасение семьи, профессии, привычного уклада жизни, своих принципов и добропорядочности, наконец, виделось в попытке убежать, от-

сидеться, переждать. Кто-то уезжал за границу, другие не имели такой возможности или просто не хотели покидать родину.

Смутно припоминая летние поездки к морю, к минеральным источникам, в маленькие южные городки, где вишни и кизил растут прямо на улицах, тысячи жителей столиц устремились в эти уголки, как им казалось, уцелевшей прежней жизни. Так поступил и петербуржец, доктор медицины, бывший надворный советник А. Н. Петров. У него не было родственников и даже знакомых на юге.

Семейная легенда гласит, что о Николаеве он слышал от С. О. Макарова, с которым члены семьи Тверитиновых-Петровых были связаны не только служебными, но и дружескими отношениями. Интересно, но Николаевский военный губернатор Карл Михайлович Тикоцкий в 1876 г. был слушателем минного офицерского класса; с 1885 г. неоднократно привлекался в комиссию для «проэкзаменования» флотских офицеров, слушавших курс по минному делу, в 1889 г. назначен заведующим офицерским классом и школой, в 1893 г. – помощником главного инженера минного

дела, в 1897 г. – членом комиссии для производства экзаменов офицерам минного класса под председательством контр-адмирала Зелёного.

В 1889–1900 годах К. М. Тикоцкий служил в Николаеве сначала капитаном над Николаевским портом, потом военным губернатором. В 1902 г. он назначается начальником учебно-минного отряда Балтийского флота. Таким образом, можно сделать вывод, что о Николаеве Е. П. Тверитинову, а соответственно и Петрову, мог рассказывать К. М. Тикоцкий.

В архиве А. С. Криницкого хранится фотография протоиерея о. Иоанна Кронштадтского с надписью «Евгению Павловичу и Ольге Францевне Тверитиновым на долгую память. Протоиерей Иоанн Сергиев, 21 ф. 1904 г.». Известный церковный деятель также был связан с Николаевом. Отец Иоанн был почётным членом Николаевского отделения Русского общества охранения народного здравия. В 1892 г. в Николаеве построен новый причтовый дом, отреставрированы некоторые иконы и позолочены иконостас, два жертвенника Свято-Никольской Греческой церкви на деньги, которые пожертвовал член попечительского совета о. Иоанн Кронштадтский.

Выше мы указывали на знакомство доктора Петрова с Н. А. Аркасом. Прихватив самые дорогие и нужные вещи (награды, книги, фотографии, медицинские инструменты), семья доктора в апреле 1918 г. переехала в Николаев, где приобрела небольшой домик в не очень престижном районе на Слободке, по тихой улице Одесской № 70 (сейчас Потёмкинская, 148). Официальная версия причины переезда – «ввиду болезни дочери, у которой был несросшийся перелом костей голени правой ноги». К. А. Петрова-Дульц указывает, что отец в Николаеве работал в амбулатории в холерном городке, расположенном на территории ремонтного и судостроительного завода.

В Николаевском краеведческом музее хранятся документы 1919 года, свидетельствующие, что врач Петров служил на заводе «Ремсуд», который изготавливал заказы Военно-морского комиссариата, и в связи с этим освобождался от мобилизации. В 1922 г. составлялись списки медицинского персонала и доктор медицины Петров получил временное удостоверение в том, что он зарегистрирован при Николаевском Губздраве. В 1923 г. его квалифицировали как инвалида II группы с диагнозом «туберкулёз лёгких 2 стадии и миокардит». В 1924 г. А. Н. Петров уходит с завода и начинает заниматься частной практикой.

Многие николаевцы старшего поколения припоминают дом на Одесской, дверь со скромной старорежимной, с «ятами», табличкой, куда стучались с надеждой на помощь и спасение. Иногда к дому подъезжали автомобили – доктор пользовал городскую чиновную «верхушку». За это «бывшего» не трогали партийно-советские власти. Донимали лишь налоговики. Для контроля над доходами Петрова ему было приказано своих пациентов отсылать только в аптеку на углу Плехановской, напротив парка имени товарища Петровского.

В фондах музея есть регистрационная тетрадь за 1956 г., в которой осуществлялись записи приёма. На страницах документа мы находим много известных фамилий – А. Н. Леонтовича (сына бывшего николаевского головы и основателя зоопарка), А. А. Еланской (вдовы протоиерея П. П. Еланского, священнослужителя, преподавателя Закона Божьего, автора исторических монографий), а также многих других.

Александр Николаевич был счастлив только в кругу близких. С женой его связывали крепкие семейные, дружеские отношения. Среди стихов доктора Петрова можно выделить цикл любовной лирики. Стихи могли быть и весёлые, искромётные, лукавые, и грустные, в зависимости от настроения автора. Но был единственный день в году, когда стихотворение появлялось в обязательном порядке и было полно нежности и любви – это день рождения жены.

Ока в Гельсингфорсе. 1916 г.

Апрель 1920 г. Николаев

*Ты – перила моста. На тебя опираюсь,
Проходя над стремниной чрез бурный поток.
И всё дальше иду, и всё дальше взбираюсь –
До последней вершины мой путь недалёк.
В достижение высот испытанья суровы.
Тяжело восходящим уйти от земли.*

В день шестнадцатилетия Кире (родилась 14 апреля 1905 г.) отец подарил кольцо с рубином и стихотворение:

*В твоём кольце горят рубины.
Тебе теперь шестнадцать лет!
Года бегут, как к морю льдины,
Всё дальше наших дней рассвет.*

Муж Кире умер в 1930 г., оставив её с сыном Вадимом, которого молодая женщина любила без памяти. Апофеозом материнской любви явился её неординарный по всем меркам поступок. Немецкие власти в годы оккупации, как многих других юных николаевцев, забрали Вадима в трудовые лагеря в Германию. Кира Александровна настояла на том, чтобы её отправили на чужбину вместе с сыном. Вспоминали её «крутой» характер. В частном архиве Л. П. Дульц сохранился склеенный из нескольких кусочков фотопортрет Е. П. Тверитинова с двумя надписями. Первая принадлежала Ольге Евгеньевне – «Отец мой генерал-майор в отставке, редактор-издатель газеты «Котлин» – Евгений Павлович Тверитинов. Умер 16-го мая 1920 года в Кронштадте. 2-х недель не дожил до 70 лет. Береги карточку дедушки, Кируся. Мама. 31.12.25 г. Николаев». Рядом приписка А. Н. Петрова: «Разорвала эту карточку психопатка, мерзавка, дочь моя Кира. 10.05.1953». Не такие уж гладкие и благостные отношения были в семье. Но страстность – тоже чувство из сильных, которые, несомненно, связывали членов этой семьи. 16 мая 1921 г. семью постигло большое горе – умерла младшая дочка Танечка:

*Ещё живу, живу покуда грёзами,
Но больше всех лелею я одну.
Люблю тебя, как сад, покрытый розами,
Как друга верного и верную жену!
Я не ищу переживаний новых,
Когда моя душа иное говорит.
Всё прошлое моё до этих дней суровых,
Вся жизнь моя тебе принадлежит!*

(Ненаглядной Окочке... 1 января 1944)

В его наследии есть стихотворение, авторство которого вызывает сомнение. Оно называется «Ты – перила моста». Эпиграф – цитата из модной тогда книги Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра»: «Я – перила моста на стремительном потоке: держись за меня, кто может держаться! Но костылём не стану я».

Стихотворение датировано 12 марта 1919 г. и, можно предположить, обращено к жене. Оно написано в страшные дни междоусобной войны в Николаеве, в дни, когда «поругана любовь и осквернён Твой храм... Ты видишь, Господи, скорбящих душ смятенье...» Перепуганные и разобщённые интеллигенты (по-большевистски – враждебный «класс») физическое и моральное спасение искали в семье, среди родных любимых и любящих лиц:

*Слышу рёв за собой ненасытной «коровы»,
Беспокойной и пёстрой коровы вдали.
Ты – перила моста. На тебя опираюсь.
Костылём ты не можешь служить для калек.
Я всё дальше иду. И всё выше взбираюсь,
Где в грядущем появится «сверхчеловек»!*

*Как прежде нам с улыбкой ленной
Весна глядит в твоё лицо,
И юность кажется прекрасной,
Как это первое кольцо.*

Не осилить горя, в сердце скорбь и драма.
Золотое счастье упустили руки...
Как она страдала, выносила муки:
«Мама, моя мама! Мама моя, мама!»

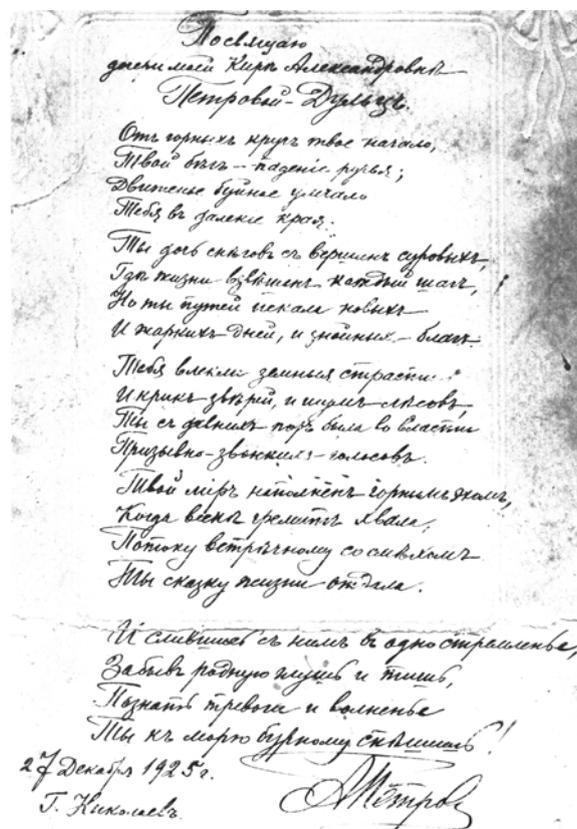
Умершей дочери посвящено большое количество стихотворений: «Докторёнок» (1921), «У твоей могилки бабочки летают...» (1921), «Твоей судьбы последняя страница...» (1921), «Спи, моя девочка, сном непробудным...» (1923), «Солнечная девочка» (1925). Господь не оставил в горе безутешных родителей – через месяцы родился долгожданный мальчик, которого назвали в честь деда – Николай, Николенька, Ника. Но никто не мог даже представить себе, какая страшная судьба уготована их единственному сыну! Ещё неродившемуся Николеньке отец посвятил пророческие строки:

Страшишь болот, где прозябают гады.
Страшишь лесов, где бродит лютой зверь.
Где враг следит за каждым из засады,
И зову птиц полуночных не верь.
Умей встречать и радости и горе.
Идёт борьба за жизнь на сей Земле.
Свети тому, кто ищет берег в море,
Будь маяком, стоящим на скале.

Летом 1941 г. сын, студент Московского университета, отдыхал на каникулах у родителей в Николаеве. Как только была объявлена война, Николай попытался пробиться в столицу, где состоял на военном учёте:

А. Н. Петров, Ока, Ника, Кира и её муж Константин Владимирович Дульц. 1 мая 1926 г.

Стихотворное посвящение дочери Кире.
27 декабря 1925 г.

Он пытался помочь сыну. Писал во все инстанции, доказывая, что Николаю пришлось служить немцам под угрозой физического уничтожения, что не запачкан он ни убийством, ни участием в экзекуциях. Эти прошения остались без удовлетворения. В то время и рождаются «Поиски правды» (1947), вопль истерзанной, страждущей покоя души, вполне самоубийственная «баллада», получи она огласку...

Он замучил, казнил миллионы людей,
Миллионы на каторгу гибнуть отправил.
А Свободу и Правду великий злодей
Под тюремным замком обезглавил.
Я видал над несчастной отчизной моей
Череп, разможжённые пулей «нагана».
Сотни тысяч погибло в подвалах людей
От руки палачей по указке тирана.
И с тех пор как в Кремле воцарился злодей,
Удушитель добра и свободы,
На искания Правды, надежды людей,
Мной растрачены долгие годы.
Я искал её всюду, везде и всегда
По родимой земле, по «советскому» свету.

То я видел её, то терял без следа,
То мерещилось что-то поэту.
Я скитался и видел брехню и обман,
Я пытался народное горе измерить.
Но страну застилал необъятный туман.
Трудно жить на земле, если не во что верить.
Всё «отлично» у нас по трезвону газет.
Все довольны, «вождя» величают.
Только рабства такого не видывал свет.
Как народу живётся – писаки не знают.
Но я верю в одно, что народ-богатырь
Осознает неправду и подлость обмана,
Развернётся во всю исполинскую ширь
И растопчет вождей и тиранов!

Петровым повезло. Они таки дождалась Николая из ГУЛАГа. Смертельно больного.

Вместо послесловия. Стихи без судьбы

Судовой лекарь Петров сочинял стихи с детства. Сам автор о своём творчестве говорил так: «Я по натуре моряк. Стихов у меня сотни, но я неудачник в литературных делах и никуда выдвинуться не смог, так как скромность сдерживала меня. Зато покровительница моей жизни – медицина дала мне большие успехи...» Из признания следует, что своё звание доктора медицины, полученное в 1913 г., свою профессиональную деятельность он ценил выше литературной. Но неудачником в литературе считал себя не потому, что рассматривал свои произведения недостойными, а из-за того, что они не издавались.

Красавица
(Последние строки стиха К. А. Петрова -
дочери)

Красавица! Ты унеси всех на свете,
Ты всех люби, дороже для меня.
Перед тобой не буду я в ответе,
Не извиню тебе до смерти я!

Не надо мне красавиц изреданных,
Ни их богатств, ни славы, ни доброт.
Ты вся во мне и в моих же сокровищах,
Где ты живешь – страна моих отцов!

Ты вся одна касаясь благовонных,
В восточных шлейфах ты дождиком уветишь.
Не мало нас в одну твою восточную,
Таких, как ты, красавиц не найдешь!

И ты одним восхода ты поэтесса...
Шлет тебе на тебя поток слез своих.
На всех полях, в степях и пустынных местах
Блуждают ты все в парках зеленых!

А к осени вся в кружевных узорах,
Из пестрой пряди соткан твой народ.
В твоих лесах, во всех твоих проточках
Все тот же твой любимый виденье взражд!

Этой дружиной ты в шубку шаговую,
И не страшны тебе ни вьюги, ни мороз.
Виде-слимией любвию тебя такую
И узнаешь с того в царство твоё...

Любовь моя к тебе непобедима,
Тобой живу, к тебе привязан я.
От всех слогов и бедствий будь хранима,
И только твой, ты – родина моя!

Александр Петров
11 февраля 1942

Стихотворение А. Н. Петрова, посвящённое дочери Кире. 11 февраля 1944 г.

Его тесть Тверитинов 1 февраля 1896 г. основал в Кронштадте газету «Котлин». Это была ежедневная морская городская газета, «взявшая на себя обязанность осведомлять своих сограждан обо всём происходящем в жизни государства, и особенно на флоте и в городе». К участию в газете привлекались крупные специалисты по морскому делу, кораблестроению, медицине, педагогике и другим отраслям науки и техники. В «Котлине» помещались рассказы, стихотворения, давалось много исторических справок и популярных научных статей.

Родственники Петрова свидетельствуют, что он много печатался в этой газете. В редакции же и познакомился с будущим тестем, был приглашён в семью и вскоре стал женихом, а затем мужем Оленьки Тверитиновой.

Впоследствии автор пытался откеститься от своих ранних, «котлинских», произведений. Сохранился черновик письма Всесоюзному старосте М. И. Калинину от 2 июля 1944 г. Перед изложением главной просьбы Александр Николаевич даёт коротенькую биографическую справку и добавляет: «Пишу стихи с детства, не печатаюсь нигде». В этом же письме Петров упоминает поэму «О разгроме японских самураев» в журнале «Красноармеец» (№ 6, 1939 г.), которую напечатали в «искажённом и урезанном виде», из-за чего она потеряла «всю остроту, юмор и сатиру, направленную против японских захватчиков, разбитых у озера Хасан».

Автор поэмы просит М. И. Калинина содействовать изданию басни-поэмы «О домовитом мужике Кузьме и бандите Адольфе», написанной в годы оккупации: «10 апреля первыми поездами из Николаева я отправил своё произведение в журнал «Красноармеец» в Москву, выставив ряд условий, чтобы поэма-басня эта не подвергалась урезыванию, перестановке строк, введению редакционных поправок и т.п. Ответа из журнала не последовало».

Раболепный тон письма, не свойственный интеллигенту Петрову, необходимо процитировать: «Прошу Вас, глубокоуважаемый Михаил Иванович, принять мою басню-поэму как творческий дар нашему мудрому и непоколебимому Правительству во главе с полководцем Красной Армии и вождем народов Союза – Иосифом Виссарионовичем Сталиным, нашей монолитной большевистской Партии и доблестной непобедимой Красной Армии...»:

*Борьба за жизнь и честный труд
Людей всех к равенству ведут.
Мы одолеем все мученья
При свете Марксова ученья!*

«Домовитого Кузьму...» измученный доктор пытался издать для покрытия «грехов» сына. Возможно, была надежда такими прошениями что-либо изменить в его судьбе. Увы!

А. Н. Петров умер 26 июля 1957 г. Похоронен в Николаевском старом некрополе. Как уже говорилось, в 1921 г. умерла его дочь Татьяна, а в 1930 г. – зять Константин Дульц. 3 февраля 1958 г. умерла жена Ольга Евгеньевна. Все они похоронены рядом, на одном участке земли, купленном доктором в 1927 году. Об этом свидетельствуют три справки. Две из них от 27.10.1927 г. и 14.11.1927 г. с записями о том, что контора Русского кладбища («контора міських кладовищ миколаївського християнського гробовища») продала «гражданину Петрову за 20 руб. участок 8 к. ар. земли во II участке». Третья справка свидетельствует, что место это № 428.

В рукописи О. Е. Петровой, напоминающей дневниковую запись (или черновик письма), сказано: «23 февраля 1930 года в 10 ч. утра, на службе, скоропостижно скончался от разрыва сердца муж Кирочки – Константин Владимирович Дульц. Ему товарищи устроили гражданские похороны... Похоронили его рядом с нашей Танечкой. Летом 1934-го года Сашуня купил хорошую чугунную решётку и поставил её на хорошем фундаменте, отгородив 3 места: Танечкино, Костино и одно свободное, купленное (для склепа) для меня и Саши...»

19 ноября 1954 г. был составлен договор с трестом похоронных предприятий о строительстве склепа-могилы в 15 кв. м из камня-ракушечника. На старых фотографиях видно, что на известняковом постаменте стоял чугунный крест. Время безжалостно даже к местам последнего упокоения человека, там, где должна царить вечность. Деятельность вандалов и природные стихии почти уничтожили место захоронения доктора и членов его семьи.

В мае 2006 г. учащиеся юридического лица по просьбе музейных работников нашли места родовых захоронений. О том, что это те самые могилы, свидетельствует сохранившееся надгробие

О. Е. Петровой. Для сохранения семейной могилы необходимы срочные реставрационные работы. Угроза исчезновения места упокоения многострадального доктора Петрова, последнего николаевского интеллигента, остаётся реальной.

Поэтическое наследие А. Н. Петрова по объёму довольно обширно. Сохранилось оно в списках последующих переписчиков и интерпретаторов. При подготовке публикации мы не держали в руках авторские рукописи, поэтому перед редакторами встали определённые задачи – отшлифовать, «вылечить» тексты и одновременно – не навредить. Работали не только над каждой строфой и строчкой, но и над знаками препинания, которыми поэт (или переписчики) явно злоупотребляли.

Как поэт Александр Петров вырос из культурного наследия русской словесности XIX века. В первую очередь он был хорошим читателем. Впрочем, так рождается любой поэт. В ранних стихотворениях Петров настойчиво ищет себя. Он достаточно эклектичен.

В его произведениях слышится то народная напевность лирики кольцовско-никитинского направления («Пожил ты уже не мало...», «В дороге»), то некрасовская гражданственность («Пропойца», «Горе горькое», «Умиравшему поэту»), то фетовская прозрачность («Ты – поэт! – мне пели птицы...»), а то вдруг, словно спохватившись, он возвращается к современности и с головой окунается в модный тогда мир символизма и ницшеанства («Там растут цветы...», «Полумрак... свеча мигает...», «Отшельник», «Умиравший лебедь»). Он предпринимает опыты и в неподцензурной, «опасной» поэтической публицистике («Палачам», «9 января 1905 г.»). Впрочем, и эти опыты малооригинальны. Как вся тогдашняя декадентская, не буржуазная, а уже «пролетарская» поэзия «скорби» в духе Алексея Гмырёва и других.

Поэт Петров не возвращался к уже написанным стихам, не правил их, не сокращал, не переписывал. Его легко обвинить в издержках вкуса. Например, одно из хороших стихотворений стало бы удачным, оставь автор две строфы:

*Полумрак... Свеча мигает.
Тени бродят по полу.
Что-то стукнуло в углу,
Кто-то в комнате шагает.
Может, ходит домовой,
Может, смерть пришла за мною?
Страшен мне порой ночью
Этот сумрак гробовой.*

Но начинающий версификатор не может сдержаться поэтического «зуда» и долго повторяет «отблевший» мотив. Подобными «грехами» он будет страдать и позднее. Увы, то, что Петров не работал над текстами, – не только вина автора. Настоящим поэтом, а не заимствованным из книг, «поэтом любви и грусти затаённой», Петров становится, когда размышляет о собственной судьбе – службе на флоте, Первой мировой войне, ужасах революции и гражданской войны. Именно в этот период рождаются самые главные его строки. Вплоть до своеобразного поэтического «манифеста» «Я хожу среди горящих зданий...» (1920), где автор видит своё профессиональное призвание и жизненное кредо – «спасать брата и сестру».

Из поэтического наследия Петрова можно выделить пять-шесть «заявок» на шедевр. А это немало. Достаточно, чтобы называться Поэтом. Ведь стихов без судьбы не бывает.

ПЕРЕД БОЕВОЙ СТРЕЛЬБОЙ

*Я один в кают-компании.
Крепко люки все задраены.
В напряжённом ожидании
Затаились черти-Каины.
Вспыхнут молнии неожиданные,
Загрохочут тяжело молоты,
Словно скалы первозданные
Распадутся, в прах расколоты.*

*Словно в ужасе, в смятении
Понесутся бури страшные.
И пойдёт в столпотворении
Схватка бесов рукопашная.*

22 августа 1913. «Андрей Первозванный».
Гельсингфорс

* * *

*Прожит день золотой, ночь неслышно пришла,
В тёмных высях небесных лампы зажгла.
Как во храме великом –верху тишина.
В эту ночь я не сплю, в эту ночь не до сна.
Что там в горних селеньях? Молитва идёт?
Или Бог нашу жизнь созерцает с высот?
Я на камнях прибрежных стою и дивлюсь,
В бесконечные выси душою стремлюсь.
В скорбном сердце сложилась молитва одна,
Но дойдёт ли, дойдёт ли до Бога она?*

8-12 февраля 1916

УМИРАЮЩИЙ ЛЕБЕДЬ

*Я вижу тебя, белокрылая птица,
Твои на воде распостёртые крылья.
В тебе угасающей жизни зарница –
Твой трепет предсмертный и ужас бессилья.*

*О, лебедь, ты чувствуешь конца приближенье
И хочешь подняться в тревоге и страхе.
Но крылья твои не приходят в движенье,
Утрачены силы в последнем размахе.
Ты к небу блуждающий взор обращаешь,
К собратьям далёким, летящим привольно.
Но что им за дело, что ты умираешь,
Что с жизнью тебе расставаться так больно.
Весёлый не видит тоски удручённых,
Бездушный от скорби уходит беспечно.
Ещё тяжелее удел обречённых...
Так было всегда и так будет здесь вечно.
Но тот, кто хоть раз был пленён красотой,
Тот в вечно прекрасном не мог обмануться.
Он в час предзакатный последней мечтою
Молить будет небо, чтоб к жизни вернуться.*

6 июня 1917

* * *

*Я хожу среди горящих зданий.
Там, где смерть витает надо мной.
Вечно жить среди чужих страданий –
Это крест и лучший жребий мой.*

*Вижу муки, слышу вопль и стоны
Уходящих в запредельный свет.
У судьбы железные законы,
Им от века перемены нет.
Слышу крик среди горящих зданий.
Я спасаю брата и сестру.
Только сам от нелюдских страданий
Я один беспомощно умру.*

Николаев.
14 февраля 1920 (нового стиля)

* * *

*Вижу иные картины
На необъятном просторе –
Льдины, всё льдины да льдины.
Море, полярное море!*

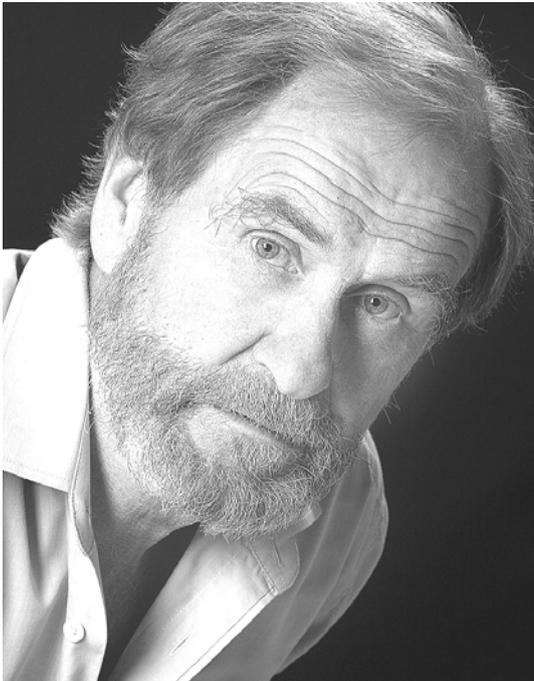
*Там не дымят пароходы.
Всюду безмолвье пустыни.
Эти студёные воды
Тихи, прозрачны и сини.
Скроется всё это вскоре,
Рушится царство Ундины.
Тает полярное море.
Тают бесшумные льдины.*

26 июля 1945

ЭТОТ НЕРЕКОМЕНДОВАННЫЙ АЛЬБЕРТ ВЕРБЕЦ

*Вербец Альберт Васильевич,
заслуженный артист Украины*

«Важнее – как по жизни вы шагали»...

Начало семидесятых прошлого века. Время «махрового застоя» на просторах СССР. Всё отчётливее наблюдается разделение культуры на «официальную» и «подпольную». Поэты, писатели, художники, режиссёры чувствуют давление со стороны худсоветов, решающих, что можно читать и смотреть советскому человеку, а что – нет. Достаточно небольшого намёка «сверху» – и издательства прекращают принимать неудобные рукописи, снимаются с репертуара слишком смелые спектакли, ложатся на полку остроактуальные фильмы.

В том далёком 1971-м молодой российский актёр и драматург Альберт Вербец пишет одну из своих первых и, как потом оказалось, главную пьесу своей жизни – «Экипаж «Летучего Голландца». Современники оценивают её как вызов тогдашней политической системе. Её читает театральная молодёжь Ленинграда, Москвы, Киева и других городов. Она попадает в руки к известным режиссёрам – Галине Волчек, Валерию Фокину (Московский театр «Современник»), Зиновию Корогодскому (Ленинградский ТЮЗ), Игорю Владимирову (театр Ленсовета), Роману Виктюку.

Отмечая актуальность и остроту пьесы, Сергей Данченко, художественный руководитель Киевского национального театра им. Ивана Франко, в частном разговоре с автором «Летучего Голландца» высказал точку зрения многих «продвинутых» режиссёров «застоялого» государства: ничего в «Экипаже...» смягчить не удастся, а ставить в таком виде – «кто ж разрешит».

Ещё один корифей украинского театрального искусства – Владимир Оглоблин (кстати говоря, горячий поклонник и наставник молодого драматурга А. Вербеца) – в 1978 году предсказывал, что пьесу поставят через 50 лет... Выходит, ждать осталось совсем недолго.

* * *

А ещё раньше, в 1968 году, свежесвыпущенный из театрального учебного заведения актёр Альберт Вербец работал в Мурманском театре Северного флота. К юбилею комсомола труппа репетировала патриотический спектакль. Одну из драматических новелл к этому спектаклю (она получила название «Глубина») поручили написать Вербецу. Сюжет у автора родился такой: авария реактора на подводной лодке; офицер, который может спасти лодку ценой своей жизни, сорок минут борется со своим вторым Я – идти самому в реактор или послать на гибель кого-то из команды... Постановка, частью которой стала новелла «Глубина», оказалась востребованной у зрителя – она объездила практически все базы Северного флота, пока кто-то из политуправления не спохватился: не может советский офицер 40 минут размышлять о том, идти ему на верную смерть или нет. Спектакль запретили.

Вот такой он, николаевский автор Альберт Вербец, во все времена живущий на передовой линии событий. В 2015 году драматург собрал свои пьесы – итог работы четырёх десятилетий, чтобы издать сборник, который получил название «Из ночи в ночь». В нём – семь «взрослых» драматических произведений, шесть пьес для детского театра.

Каждая пьеса, будь то драма или сказка для детей, интересна и неожиданна по своему замыслу. Автор сочинил смелые сложные истории, создал героев с яркими, выразительными характерами. И проблемы, которые Вербец ставит в этих историях, не пустынные-сиюминутные, а глубокие и вечные. Диалоги, людские образы насыщены философским содержанием. И приметы времени: 70-е годы, 80-е, 90-е в этих пьесах – как на ладони. И тексты – умные, грамотные... мысли, которые «проясняются в цитаты».

Но вся штука в том, что персонажи давно написанных пьес, равно как и людские взаимоотношения в оных, очень созвучны с современностью. «Экипаж «Летучего Голландца» – это сотрудники одного из отделов института. На вечеринке, в сложной стрессовой ситуации, обнажается нутро каждого из них. Оказывается, за внешней порядочностью нередко кроется гаденькое нутро: ложь, измены, малодушие, лицемерие, карьеризм... «Кто-то сказал: в человеке всё есть. И хам, и мерзавец, и сволочь, и приличное начало тоже есть. В подонке – хорошее спит, у хорошего – дрянь на дне»... – говорит один из героев пьесы.

Чудак-архитектор из драмы «Восьмое чудо света» живёт мечтами о строительстве «Воздушного замка» – дома в 250 этажей. А семье его приземлённой нужны банальные деньги, которые он мог бы заработать своим талантом.

Или «Голгофа»... Такой оригинальной трактовки библейского сюжета не знала русская драматургия. Действующие лица – «два в одном». Есть Автор, который написал пьесу и репетирует роль Иисуса Христа. Есть Актриса, исполняющая роль Марии Магдалины. Есть Режиссёр – он поставил спектакль и играет Понтия Пилата. Герои Вербеца живут в двух временных измерениях: на сцене – в библейских образах и «за кулисами» – в буднях нашей жизни. И вдруг такое происходит взаимодействие между актёрами и их сценическими образами, что «люди играющие» сами не замечают, как стирается грань между Иисусом и Автором, Марией и Актрисой.

ИИСУС

*Как часто цель, к которой вы стремитесь,
Казавшаяся важной и насущной,
Великой даже, после разбивалась
Во прах о волны времени. И гасла,
Грядущим поколениям оставляя
Лишь суету и кровь в воспоминанье.
Питает память после нас живущих
Лишь состраданье к мученикам цели,
Которые чисты в любой идее*

*И могут честью, совестью свою
Облагородить затхлость всякой веры...
Которые разборчивостью в средствах
Примером служат всем – врагам и братьям.
Не «Цель всегда оправдывает средства»,
А «Средства пусть оправдывают цель».
Важнее КАК по жизни вы шагали,
А для чего, чего достигли вы –
Об этом пусть потомки рассуждают.*

Оригинальность драматургии Вербеца ещё и в том, что автор активно использует в ней элементы фантазмагии, фарса, фэнтези. Это что касается взрослых пьес. А детские основаны, конечно же, на сказках. «Марья-краса – золотая коса», «Каменный цветок», «Избушка на курьих ножках»... В его драматических произведениях находится место и поэтическим строкам, а в детских постановках – песням. Стихотворения и песенные тексты написаны самим автором. Потому что Альберт Вербец, помимо того что актёр и писатель, – ещё и «немножечко поэт». Из пьесы «Детские игры»:

*Вот отличные игрушки:
Это – танки, это – пушки.
Вот тягач ракету тащит,
Он почти как настоящий.
Мы ведь шутим, мы играем.
Понарошку умираем.
И стреляем понарошку,
Ты – в Олежку,
Я – в Антошку.
А вот с этим пулемётом
Ты один заменишь роту.
А возьмишь гранаты эти –
Будешь всех сильнее на свете...*

...Он россиянин – из Пензенской области. В нынешнем году исполняется полвека его актёрской деятельности. Из них ровно 40 лет – отдано Николаевскому русскому драматическому театру. Заслуженный артист Украины Альберт Вербец играл в спектаклях, составляющих золотой фонд мировой классики: Ф. Шиллер – «Коварство и любовь», У. Шекспир – «Гамлет» и «Двенадцатая ночь», Карел Чапек – «Мать», А. П. Чехов – «Три сестры», «Вишнёвый сад», «Дядя Ваня»... играл героев античности Юлия Цезаря и Пифагора.

Более десятка спектаклей он поставил как режиссёр – в Николаеве, Киеве и других городах. Однако без малого полвека насчитывает и его писательский стаж.

«В 1968 году увлёкся драматургией. Начал по необходимости, почти анекдотично, оказалось – всерьёз и надолго. До этого ничего не писал, кроме эпиграмм, поздравительных шуток, студенческих капустников. Получилось сразу – драматическая новелла «Глубина»... Всего я написал 14 пьес. Десять из них поставлены разными театрами бывшего Советского Союза. В 1988 году меня приняли в Союз писателей СССР, в 1991 году окончил Высшие литературные курсы Московского литературного института им. Горького. Сейчас являюсь членом Союза писателей Украины и России», – рассказывает о себе Альберт Васильевич.

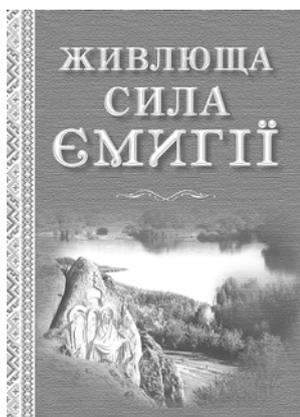
Вечер «По страницам творчества драматурга, актёра, режиссёра Альберта Вербеца», основным поводом для которого стала презентация сборника «Из ночи в ночь», состоялся в библиотеке имени М. Кропивницкого. И, конечно, не мог он «прозвучать» ни в какой иной форме, кроме как в «капустной». Были в этом капустнике сцены из спектаклей русского театра с участием Вербеца, отрывки из написанных пьес в исполнении самого автора. «Ассистировали» мэтру молодые коллеги, а мэтр читал для них «капустные» поздравления в стихах: весёлые, ироничные строки – с изюминкой, с острым, точным взглядом на каждую личность.

Поздравить автора пришли директор русского театра Николай Кравченко, николаевские писатели и поэты, издатель Ирина Гудым (в её издательстве была опубликована книга «Из ночи в ночь») и художник Любовь Николаева, принявшая участие в оформлении сборника.

Наталья Христова,
член Национального союза журналистов Украины

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПЕРЕКРЁСТОК

БЛАГОСЛОВЕННОЕ СТЕПНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

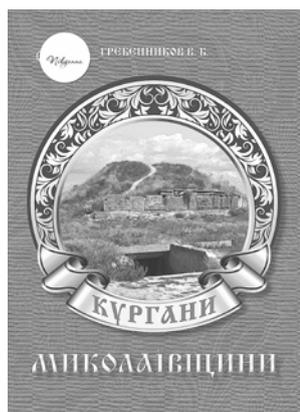

Живлюща сила ємигії: літературна антологія Миколаївщини / гол. ред. В. І. Шуляр; укл. І. Ю. Береза, П. М. Водяна, В. І. Марущак та ін. – Миколаїв: Іліон, 2014. – 412 с.

Представляя новый антологический сборник произведений писателей родного края, авторы-составители посчитали необходимым разъяснить смысл его названия. Он заключается в желании выделить литературное наследие Николаевщины как составную часть «украинской литературы в целом». «Эмигия» в переводе с древнегреческого означает «моя земля» или «магия». Благословенным производным и является художественное наследие, включающее устное народное творчество и произведения творцов, рассказавших об уникальности степного Причерноморья. Региональная подборка включает более тридцати имён – от Миколы Аркаса до Эмиля Январёва. Художественный уровень антологического сборника зависит от объективности оценок того, кто берётся репрезентовать творчество. Составители включили в сборник преимущественно тех авторов, кто является членом Национального союза писателей Украины. Нужно ли говорить о том, что подобная селекция далека от дискурсивного изучения ключевых явлений литературного процесса. Поскольку издание адресовано учащейся молодёжи, было бы уместным снабдить писательские репутации библиографическим списком.

КУРГАНЫ РОДНОГО КРАЯ

Гребенников В. Б. Курганы Миколаївщини / В. Б. Гребенников. – Миколаїв: Іліон, 2014. – 84 с.

Автор этой книги около десяти лет работал в полевых экспедициях, опубликовал более 60 научных статей по археологии, истории и краеведению. В настоящее время В. Гребенников – научный сотрудник Государственной инспекции по охране памятников культуры в Николаевской области. Новое издание содержит множество сведений о курганах в наших причерноморских степях, их поисках, раскопках, археологических культурах. Ещё к началу прошлого столетия этих конусоподобных земляных насыпей, служивших для разных народов местом захоронения соплеменников, в Украине насчитывалось около 50 тысяч. Степные курганы, утверждает автор, не только материальные памятники истории, но и неопценимое духовное наследие, которое может успешно служить гармонич-

ному воспитанию человека. Издание В. Гребенникова получило финансирование в рамках областной программы «Южная библиотека», вышло тысячным тиражом.

В СЕТИ МЕРИДИАНОВ И ШИРОТ

Вячеслав Качурин. Океан впадает в небо. – Николаев: Изд-во «Наваль», 2014. – 196 с.: илл.

Поэт и бард остаётся верен своей главной теме. Более того, целую книгу, выпущенную в рамках областной Программы поддержки отечественного книгоиздания, Вячеслав Качурин посвятил морю, которое он считает «продолжением земли». Участник нескольких рейсов в Антарктиду на китобойной флотилии «Советская Украина» и рыбопромысловой базе «Восток», поэт просто и лирично повествует о переживаниях, буднях и праздниках людей, которых называют «тружениками моря», – моряков, рыбаков, китобоев. Морская стихия, красивая и грозная, предстаёт в его книге одушевлённой, согретой человеческим взором, оваянной романтикой. Отдельный раздел книги посвящён городу корабелов Николаеву, его портам и заводам. Надо заметить: новая книга Вячеслава Качурина замечательно иллюстрирована и представляет собой фотоальбом, в котором стихи и документальные снимки из богатого архива автора составляют единое целое.

БУЙСТВО «ЛИРИЧЕСКОГО ИСТОРИЗМА»

Дмитро Кремень. Медовий місяць у Карфагені. – Миколаїв: Іліон, 2014. – 252 с.

Избранное известного украинского поэта, лауреата Шевченковской премии, изданное в рамках областной Программы поддержки отечественного книгоиздания, академически энциклопедично и в то же время злободневно. Потому что наполнено могучей лирической энергией автора, которая переплавляет события современности и даже бытовые мелочи – в драгоценный сплав поэзии. Дмитро Кремень необычайно продуктивен, он обладает цепкой памятью художника, аналитическим умом и эрудицией учёного, а главное – доброй и болящей душой, способной понять и пожалеть каждого, нуждающегося в сочувствии. В его новой книге, как и в прежних, буйствует некий «лирический историзм»: сквозь античные декорации проглядывают черты окружающей нас жизни, а современные коллизии – обретают звучание высокой трагедии. Сквозная тема книги – судьба родной Украины, выпавшие на её долю испытания, память о тех бесчисленных поколениях украинцев, которые мечтали о процветании родной земли и жизни свои положили в фундамент её будущего.

ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ ЛИТЕРАТУРУ КРАЯ

Людмила Старовойт. Література Миколаївщини: навчальний посібник до курсу «Літературне краєзнавство» для студентів філологічних спеціальностей / Л. В. Старовойт. – Миколаїв: Іліон, 2014. – 248 с.

Л. В. Старовойт уже давно и успешно занимается изучением литературно-художественного наследия Бугского края, является автором опубликованных программ, литературно-критических материалов, серии статей по вузовскому курсу литературного краеведения. Отмечая важное значение региональных знаний в системе профессиональной подготовки будущих филологов, она даёт характеристику истории словесности Южного Побужья конца XIX – начала XXI столетий, анализирует творческий вклад украинских поэтов, прозаиков, николаевцев, пишущих на украинском и русском языках. В поле зрения исследователя – проблематика, жанрово-стилевые особенности творчества более 25 авторов. Отдельный раздел учебного пособия посвящён обзору театрального искусства степного края XX столетия и новейшего времени. В соответствии с требованиями издания учебной литературы издание снабжено справочным аппаратом.

СТРАНИЦЫ ЛИРИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

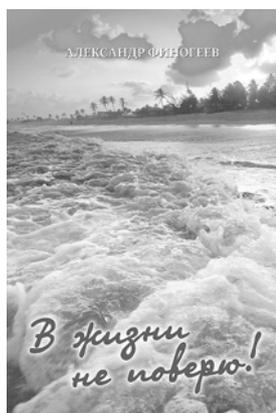

Владимир Пучков. Год бычка. Стихи разных лет / В. Ю. Пучков. – Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2015. – 64 с.

Его отличает стойкая верность самому себе. На это завидное качество индивидуального стиля поэта когда-то обратил внимание наставник николаевской творческой молодежи Эмиль Январёв. Постоянство распространяется и на интонацию, синтаксис, сквозные мотивы его лирики. Его строки узнают по местоположению музыки – «на стыке моря и лимана», по «слепящей тиши» золотой отмели Кинбурнской косы, прекрасному образу дивчины, страстно мечтающей о счастье (поэма «Покровская Ожина»). Южный Николаев, Ольвийский причал, киевский Крещатик, морская ракушка и бугский бычок, червонная нить украинской вышиванки вместе с пушкинской строкой из «Полтавы» – всё это метафоры, приметы нашего

бытия. Стихи Пучкова имеют типологическое родство с творчеством А. Вознесенского, Б. Пастернака, М. Винграновского. Они выражают состояние души и мироощущение современника, воспринимаются как откровение, страницы лирического дневника. «Год бычка» – уже девятая книга хорошо известного читателям поэта.

КОРАБЛЬ ЕГО ЖИЗНИ

Александр Финогеев. В жизни не поверю! / А. В. Финогеев. – Николаев: РАЛ-полиграфия, 2014. – 384 с.

Как влияет на творчество автора его профессия? Блестящими прозаиками, знатоками человеческой души были писатели с медицинским образованием – В. Даль, А. Чехов, М. Булгаков, В. Вересаев, В. Коротич. Вероятнее всего, профессия врача помогает угадать, более убедительно выразить психологию взаимоотношений между людьми, выстроить сюжет произведения. Всеми этими данными да ещё спасительной иронией, доброй улыбкой обладает проза А. Финогеева, практикующего врача, прослужившего в Военно-морском флоте более четверти века. Первую свою книгу рассказов «В те дни в морях дороги наши были» он напечатал в 2008-м, спустя год вышел ещё сборник – «И жизнь, и море, и любовь...», в 2013-м ещё морская цитата

в заголовке очередной книги – «По местам стоять!» Во что же верит бывалый моряк? Мужественные герои его книг дорожат армейским братством, офицерской честью, благородством отношений между мужчиной и женщиной. Только у таких, считает автор, «корабль жизни набирает обороты» и только таким «счастливо улыбается судьба».

РАССКАЗЧИК С. ЧИГИНЦЕВ

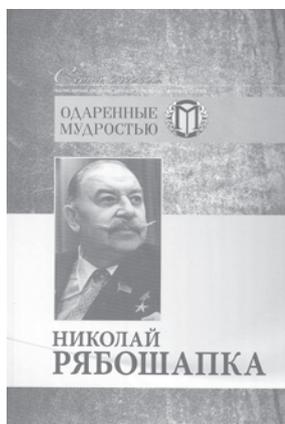

Степан Чигинцев. Метафизические сказки / С. Чигинцев. – Николаев: Издатель Шамрай В. П., 2014. – 112 с.

Народные сказки вдохновили меня на создание своих сказочных историй, утверждает автор. Он родился и вырос в Николаеве, в стремлении познать мир уезжал жить на африканский остров, посещал родовые поселения вдали от цивилизации, перепробовал разные профессии, перешёл на фрукторианство и питание «живой пищей». Я понял, говорит Степан, что «моё место в Николаеве – дарить радость людям». Недавно С. Чигинцев окончил Одесскую консерваторию им. А. Неждановой, учит игре на гитаре и пишет романы, повести, где удивительно переплетаются фантазия и реальность. На областном конкурсе «Николаевская книга – 2015» эксперты назвали «Метафизические сказки» лучшим дебютным произведением года.

ИЗ СЕРИИ «ОДАРЁННЫЕ МУДРОСТЬЮ»

Николай Рябошапка. – Николаев: Издатель Шамрай В. П., 2015. – 284 с.: илл.

Это уже третья книга издательской серии, учреждённой инициаторами проекта В. Герашенко, И. Стариковым, Р. Пашневым и Н. Цыбаняк. Ранее изданные сборники включали литературно-документальные материалы о Я. П. Погребняке и В. А. Васляеве. Памятником землякам, великим мудрецам называют эти книги те, кому пришлось хорошо знать знаменитого председателя колхоза с. Щербани Вознесенского р-на Николаевской области, Героя Социалистического Труда Н. Н. Рябошапку. «Многие хозяйственные и социальные мероприятия, которые задумал и осуществил Николай Николаевич Рябошапка, опережали время, казались фантастическими. Их значимость со всей полнотой понимается только сейчас», – вспоминают современники. Им восхищались политики, писатели, деятели искусства. В сборник вошли более 50 очерков, эссеистских заметок, воспоминаний, которые раскрывают разные стороны жизни и деятельности выдающейся личности. Общественное значение сериального издания «Николай Рябошапка» трудно переоценить.

НИКОЛАЕВСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ

Лідія Гулько. Миколаївська гражданська друкарня. Историко-бібліографічні нариси / Л. Гулько. – Миколаїв: Видавництво Ірини Гудим, 2014. – 244 с.: іл.

По истории книгоиздания на юге Украины существует множество библиографических источников, начиная с исследования Н. Мурзакевича «Начало книгопечатания в Новороссийском крае», опубликованного в Одессе в 1850 году. Сотрудница Музея книги и книгопечатания Украины (Киев) Л. Гулько посвящает свои очерки Н. Мордвинову и С. Селивановскому, основателям «Черноморской адмиралтейской типографии», первой гражданской типографии, положившей начало систематическому книгоизданию в Бугском крае. Автор называет около семидесяти названий книг, опубликованных в Николаеве в XIX веке. В краеведческом отделе Николаевской научной библиотеки им. А. Гмырёва сегодня можно найти описание более 200 книг этой поры. Некоторые из них переизданы в наши дни. Более основательные сведения содержатся в очерках Л. Гулько, рассказывающих о первых авторах николаевских сочинений: поэте Семёне Боброве, прозаике Петре Захарыне, враче-эпидемиологе Даниле Самойловиче, астрономе Карле Кнорре.

ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР 1945 ГОДА

В шахматном мире город Николаев издавна славился своими «королями» и «королевами». Я хочу рассказать о первом послевоенном шахматном турнире в городе судостроителей.

В книге Е. Разинкина, К. Рыжанова «Шахматный Николаев», изданной в 2004 году, представлена история николаевской шахматной школы, биографические данные спортсменов, зафиксирована информация о турнирах, проходивших в нашем городе. О соревнованиях шахматистов, которые состоялись в победном 1945 году, авторы сказали всего одним абзацем: «В октябре 1945 года было проведено личное шахматное первенство Николаева среди мужчин. Первым послевоенным чемпионом города по шахматам стал представитель Дома офицеров – лейтенант Махотин» (в газетных отчётах о турнире несколько раз называлась фамилия Махонин).

Почему я решил подробно написать об этом шахматном турнире? На то есть несколько причин.

Первая: авторами изложена в книге не совсем точная и полная информация. Вторая: поведать о жетоне, сохранившемся до наших дней, которым был награждён один из участников этого турнира.

Но обо всём по порядку.

Осень, точнее, октябрь, 1945 года. Прошло чуть больше пяти месяцев после окончания Великой Отечественной войны. Городское население на пределе человеческих сил и возможностей восстанавливает разрушенные и разграбленные гитлеровцами культурно-просветительные учреждения, коммунальное хозяйство, промышленные предприятия.

Из проживающих на то время в городе 86 тысяч человек – 16,5 тысячи было мужчин, около 38 тысяч – женщин; детей, не достигших 16 лет, – 32 тысячи. Физические и моральные испытания легли не только на мужские, но и на женские и детские плечи.

Но мирная жизнь налаживалась, не ограничивалась только напряжённой, двух-, трёхсменной работой. На предприятиях, в организациях, учебных заведениях создавались и начали функционировать коллективы художественной самодеятельности, спортивные секции. Организовывались и проводились конкурсы, смотры самодеятельных коллективов, спортивные состязания, турниры и т.д.

Областная газета «Бугская заря» за 30 сентября 1945 года сообщила о намерении Николаевского городского комитета по делам физкультуры и спорта провести розыгрыш личного шахматного первенства города 1945 года. Для участия в турнире приглашались шахматисты I, II и III всесоюзных категорий, а также дополнительно шахматисты, не имеющие указанных квалификаций. Соревнования запланировали открыть в первой половине октября. Было принято решение всех участников разделить на несколько полуфинальных групп по 4–5 человек в каждой. Победители этих групп должны встретиться в финальном турнире.

4 октября, как сообщалось, в 8 часов вечера в помещении редакции газеты «Бугская заря» по ул. Р. Люксембург, 37 (ныне – улица Никольская) состоялось совещание участников турнира и жеребьёвка.

7 октября газета проинформировала читателей о следующем: «Право на участие в городском шахматном чемпионате 1945 года оспаривают 30 шахматистов II, III и IV всесоюзных категорий, разделённые на пять полуфинальных групп (турниров) по 6 человек в каждой. Игры в полуфинальных турнирах будут проходить по круговой системе – в один круг два раза в неделю. Победители полуфинальных соревнований (по 3 человека от каждой группы) примут участие в финальном турнире – чемпионате гор. Николаева».

Как и было объявлено, 7 октября в помещении редакций областных газет «Бугская заря» и «Південна правда» состоялся первый тур. Закончились полуфинальные соревнования к концу месяца. Право участия в финальном розыгрыше завоевали 16 человек, кроме того, 4 человека были приглашены на соревнование персонально. В финальной части турнира выступили 14 шахматистов I, II и III всесоюзных категорий – Соломатин, Весноватый, Махотин, Вишневский, Гусев, Дзбановский, Яник, Попов, Федотов, Гаврилов, Рыбалко, Бергер, Гавбиндер, Савенко.

11 ноября в 11.00 в помещении николаевских областных газет началась финальная часть шахматного турнира. По оценке журналиста, освещавшего шахматный чемпионат Николаева, борьба с каждым туром становилась всё более напряжённой. «Південна правда» 9 декабря опубликовала турнирное положение лидеров после седьмого тура: «...Дзбановский – 5 из 5 (две отложены), Махотин – 4,5 из 5 (две отложены), Весноватый – 3 из 4 (три отложены), Яник – 3,5 из 5 (две отложены), Федотов – 3 из 5 (две отложены)». Особенно отмечалась игра Махотина».

В газете «Південна правда» за 26 декабря были опубликованы итоговые результаты закончившегося первого послевоенного шахматного чемпионата Николаева. Первое и второе места завоевали Махотин («Динамо») и Яник («Судоостроитель»), набравшие по 8,5 очка. Третье место занял офицер Красной Армии Бергер – 6,5 очка, четвёртое и пятое места поделили Дзбановский («Судоостроитель») и Федотов (КЭЧ – квартирно-эксплуатационная часть воинского формирования или гарнизона) – по 6 очков, далее Гаврилов – 5, Соломатин – 4,5, Весноватый – 4, Шинакова – 2,5 и др. Все участники подтвердили установленные ими ранее всесоюзные категории. Комментаторы

обратили внимание: среди игроков в гимнастёрках и галифе единственной женщиной оказалась Шинакова, которая впервые решила участвовать в таком сильном по своему составу турнире. Она проявила себя очень способной шахматисткой.

Турнир был бы ещё интереснее, если бы, как отмечает спортивный обозреватель, некоторые участники соревнований смогли присутствовать на нём до конца. Двое спортсменов не доиграли часть партий, выехав по неотложным служебным делам.

Ну а теперь о том, что стало мотивацией для написания настоящей статьи, – любопытной находке. В 2013 году в коллекции николаевца, заслуженного тренера Украины С. В. Затонова я увидел жетон, на котором штихелем был вырезан год – 1945. Он и побудил меня заглянуть в прошлое.

Жетон в форме ромба размером 23,0 x 23,0 мм выполнен из белого металла. На лицевой стороне вырезано стилизованное изображение шахматного поля. По центру – накладная шахматная фигура – конь, высотой 11,0 мм. На оборотной стороне жетона штихелем вырезана прямая горизонтальная надпись в пять строк:

**III МЕСТО
ШАХМАТН.
ЧЕМПИОНАТ
г. НИКОЛАЕВА
1945**

Внизу по периметру угловая надпись:

т. Бергеру.

Жетон за III место в турнире 1945 г., врученный т.Бергеру. Размер 23x23 мм. Нержавеющая сталь, краска. Вес 4,2 г

В верхней части жетона имеется отверстие и колечко для ношения на ленте или цепочке. Можно предположить: аналогичными были жетоны за I и II места. Именно с этого кусочка металла начался мой поиск, изучение истории первого послевоенного шахматного турнира в Николаеве.

К сожалению, более подробную информацию о Бергере – обладателе наградного жетона – не удалось найти. Надеюсь, в этом помогут читатели.

*Евгений Горбуров,
доцент ННУ имени В. А. Сухомлинского*

СОДЕРЖАНИЕ ВСЕХ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «СОБОРНАЯ УЛИЦА» (2012–2015)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

<i>Дмитрий КРЕМИНЬ</i> : Дорогий читачу, браво!	#1 (с. 3)
<i>Илья СТАРИКОВ</i> : О встречах на «Соборной улице»	#2 (с. 3)
<i>Евгений МИРОШНИЧЕНКО</i> : Будут ли читать?	#3 (с. 3)
<i>Алексей ТОРХОВ</i> : Соблазн провинциальности	#4 (с. 3)
<i>Владимир ПУЧКОВ</i> : Ностальгия по настоящему	#5 (с. 3)
<i>Илья СТАРИКОВ</i> : Ампутация памяти	#6 (с. 3)
<i>Дмитро КРЕМИНЬ</i> : Музи бранного поля	#7 (с. 3)
<i>Алексей ТОРХОВ</i> : Гидропонное сознание	#8–9 (с. 3)
<i>Евгений МИРОШНИЧЕНКО</i> : Пахучее евшан-зелье	#10–11 (с. 3)

БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

<i>Евгений МИРОНОВ</i> : «Дикий Сад» – памятник тысячелетий	#1 (с. 4)
<i>Александр СМИРНОВ</i> : На сакральном месте	#1 (с. 11)
<i>Наталья КУХАР-ОНЫШКО</i> : Краеведческий музей во времени и пространстве	#1 (с. 13)
<i>Зоя ШАТАЛОВА</i> : Сохраним ли живую память?	#1 (с. 19)
Человеку нужна нравственная опора. <i>Интервью с губернатором Н. Кругловым</i>	#2 (с. 4)
<i>Алина КОЛЕСНИКОВА</i> : «Сердце города» – в подарок	#2 (с. 9)
<i>Наталья ХРИСТОВА</i> : Дом на Набережной	#2 (с. 11)
Миколаївщина багатонаціональна. <i>Хроніку підготувала Лоліта Каймаразова</i>	#2 (с. 15)
<i>Владимир ПУЧКОВ</i> : На земле Святого Николая	#3 (с. 4)
<i>Василий НИКИТИН</i> : Курганы степей наших	#3 (с. 10)
<i>Андрій ІВАНОВ</i> : Чорноморська скринька	#3 (с. 18)
<i>Анатолий МИХАЙЛИК</i> : Сохраним ли уникальную природу Кинбурнской косы?	#3 (с. 24)
<i>Юрий КОТЛЯР</i> : Сакральные центры Николаева	#4 (с. 4)
<i>Леонид ШКАРУБА</i> : Овидий и варвары: встреча двух миров	#5 (с. 6)
<i>Дмитро КРЕМИНЬ</i> : Шевченківська промова	#6 (с. 4)
<i>Ірина АЛЕКСАНДРЕНКО</i> : Лабіринти його генеалогії	#6 (с. 6)
<i>Евгений МИРОШНИЧЕНКО</i> : Бывал ли Тарас Шевченко в Причерноморье?	#6 (с. 11)
Шедевры областного музея. <i>Беседа с директором музея С. Н. Росляковым</i>	#7 (с. 4)
<i>Олександра ДРУКЕР</i> : В інтер'єрі століття	#7 (с. 8)
<i>Анатолий КУЗНЕЦОВ</i> : Ольвийские встречи	#7 (с. 11)
<i>Анатолий КУЗНЕЦОВ</i> : Ольвийские встречи – 2	#8–9 (с. 4)
<i>Евгений МИРОШНИЧЕНКО</i> : Декабрь в Одессе	#8–9 (с. 16)
<i>Татьяна БЕРЕЗОВСКАЯ</i> : Из семейных хроник Аркасов	#10–11 (с. 4)
<i>Наталья ГАРКУША</i> : «В былых веках ищу своё начало...»	#10–11 (с. 8)
<i>Владимир ПУЧКОВ</i> : Под небом голубым есть город золотой	#10–11 (с. 16)

ПОЭЗИЯ

<i>Микола ВІНГРАНОВСЬКИЙ</i> : Лиманський Гайявата	#1 (с. 21)
«Від нього пахтіло Довженковими уроками». <i>Тарас Кремінь</i>	#1 (с. 25)
«Капитан своей судьбы» (о Качурине В. Т.). <i>Владимир Пучков</i>	#1 (с. 26)
<i>Вячеслав КАЧУРИН</i> : Дорога по белому свету	#1 (с. 27)

<i>Аркадій СУРОВ: «Ангел» (Мой друг – полковник неизвестных войск)</i>	#1 (с.37)
<i>Валерій БОЙЧЕНКО: Ще одна таємина буття</i>	#1 (с. 53)
<i>«Полель української культури» (До роковин Валерія Бойченка). Тарас Кремень.</i>	#1 (с. 57)
<i>Олег ДОРОШ: Так буває щотихої літньої ночі</i>	#1 (с. 67)
<i>Евгеній ПИВЕНЬ: Спиральное солнце детства</i>	#1 (с. 71)
<i>Валерія БОГУСЛАВСЬКА: Переклади російськомовних миколаївських авторів</i>	#1 (с. 78)
<i>Дмитро КРЕМІНЬ: Квадратура Кваренгі</i>	#2 (с. 17)
<i>Екатерина ГОЛУБКОВА: И плещется звезда в колодце</i>	#2 (с. 28)
<i>Блестящая монетка непрожитого дня. Владимир Пучков</i>	#2 (с. 34)
<i>Олег ДУХОВНИЙ: Дольче вита</i>	#2 (с. 61)
<i>Надія АГАФОНОВА: Грінджолята із снами про літо</i>	#2 (с. 70)
<i>Сергей ВОЙНАЛОВИЧ: Жить ребёнком в цветах бордо</i>	#2 (с. 75)
<i>Павло ГЛАЗОВИЙ: Хто поетів кривдить – влипне у історію</i>	#2 (с. 78)
<i>Король сміхології. Тарас Кремень</i>	#2 (с. 81)
<i>Эмиль ЯНВАРЁВ: Собственный почерк</i>	#3 (с. 29)
<i>«Скумбрию звали тогда баламутом...». Послесловие Владимира Пучкова</i>	#3 (с. 35)
<i>Валер'ян ЮР'ЄВ: Волошковим запахом – день!</i>	#3 (с. 37)
<i>Михаил БУЗНИК: Бесплотное сердце твоё</i>	#3(с. 48)
<i>«Мозг безгласен без Духа». Беседа Михаила Бойко с Михаилом Бузником</i>	#3 (с. 53)
<i>Світлана ІЩЕНКО: Часчине пір'я в океані</i>	#3 (с. 63)
<i>Ксана КОВАЛЕНКО: Пока меня жив'ш</i>	#3 (с. 72)
<i>Олександр ПРОКІПЕЦЬ: Наче сталь після купання</i>	#3 (с. 76)
<i>Анатолій ЛАСТОВЕЦЬКИЙ: Вже збиралася стати землею</i>	#4 (с. 11)
<i>Владимир ПУЧКОВ: Без фонограммы</i>	#4 (с. 15)
<i>Александр ШЕИН: Я – океан с планеты чужой</i>	#4 (с. 32)
<i>Ждать литературного археолога. Послесловие В. Никитина и А. Торхова</i>	#4 (с. 37)
<i>Тарас КРЕМІНЬ: Ім'я твоє гірке і чисте</i>	#4 (с. 48)
<i>Дмитрий КАЗАКОВ: Не заходи в этот шум поднебесный</i>	#4 (с. 62)
<i>Сергій ЗУБЕЦЬ: Кульгава роса</i>	#4 (с. 66)
<i>ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА: М. Ковалевский, П. Тарасовец, Л. Ратич, Е. Певзнер</i>	#4 (с. 77)
<i>Леонід ВЫШЕСЛАВСКИЙ: Зреющая тишина</i>	#5 (с. 13)
<i>Юрій ЗІНЬКОВСЬКИЙ: Ледь осяяний хризантемами</i>	#5 (с. 19)
<i>Алексей ТОРХОВ: Во сыры небеса</i>	#5 (с. 32)
<i>Ірина РЕУЛЕЦЬ: Несу до храму тільки спів</i>	#5 (с. 38)
<i>Ольга СКВИРСКАЯ: Камышовым стилетом июля</i>	#5 (с. 44)
<i>Роман СКИБА: Я живу в телефонній буді</i>	#5 (с. 90)
<i>Тарас ШЕВЧЕНКО: Не для людей, тієї слави</i>	#6 (с. 15)
<i>Дмитро КРЕМІНЬ: Епоха чорно-білого кіна</i>	#6 (с. 29)
<i>Аркадій СУРОВ: Портреты</i>	#6 (с. 35)
<i>Наталка БІЛЕЦЬКА: Всього на відстані руки</i>	#6 (с. 50)
<i>Лариса МАТВЕЕВА: Полнее не надо</i>	#6 (с. 53)
<i>Павел ТКАЧ: Опиум пустых библиотек</i>	#6 (с. 62)
<i>Анатолій ПОПЕРЕЧНИЙ: Я покидаю отчий дом</i>	#7 (с. 19)
<i>«Куда уходят кобзари..?» Евгений Мирошниченко</i>	#7 (с. 24)
<i>Олексій ТОРХОВ: Розполохавши лики зелені</i>	#7 (с. 27)
<i>Сергей ПИСКУРЁВ: Ни эллина, ни иудея...</i>	#7 (с. 39)
<i>Дарина БЕРЕЗІНА: На зап'ястках уривки рим</i>	#7 (с. 44)
<i>Елена РАСКИНА: Горький вкус потерянного рая</i>	#7 (с. 79)
<i>Марія БАНЬКО: Щось духмяне з дитинства</i>	#7 (с. 83)
<i>Арон КОПШТЕЙН: По рыбах сріблястих пливеш</i>	#8–9 (с. 24)

<i>Владимир ПУЧКОВ</i> : Камуфляжная осень	#8–9 (с. 29)
Рефлексия щедрого поэта. <i>Сергей Гаврилов</i>	#8–9 (с. 35)
<i>Борис МОЗОЛЕВСЬКИЙ</i> : Тінь коханої руки	#8–9 (с. 65)
<i>Яков ТУБЛИН</i> : Этот мелкий шрифт жизни	#8–9 (с. 71)
<i>Валерий ГРОСМАН</i> : Девочка проходит сквозь меня	#8–9 (с. 84)
А думали – что нам терять... <i>Владимир Пучков о Валерии Гросмане</i>	#8–9 (с. 89)
<i>Олег ДОРОШ</i> : Крихти хліба в долоні	#8–9 (с. 91)
<i>Дмитро КРЕМІНЬ</i> : Скрипка з того берега	#10–11 (с. 28)
<i>Вячеслав КАЧУРИН</i> : Прости меня, моя душа!	#10–11 (с. 33)
<i>Анатолій КАЧАН</i> : Гуляє парус на Лимані	#10–11 (с. 50)
<i>Ирина УХОВА</i> : Как на свет – из острога!	#10–11 (с. 55)
<i>Світлана ІЩЕНКО</i> : Оком сонця і барвами весен...	#10–11 (с. 67)
<i>Юрий БОЛЬШАКОВ</i> : Три птицы в пустоте	#10–11 (с. 71)
<i>Ольга БАКК</i> : Вишнёвые сны	#10–11 (с. 87)
<i>Олександр КУЧЕРЕНКО</i> : Жити інакше	#10–11 (с. 91)
<i>Анжела БОГАЧЕНКО</i> : Мы же – светимся	#10–11 (с. 98)

ПРОЗА

<i>Ілля СТАРИКОВ</i> : Заручини Тараса Шевченка	#1 (с. 32)
<i>Алексей ТОРХОВ</i> : Сине-жёлтая субмарина. <i>Из романа в рассказах</i>	#1 (с. 43)
<i>Олександр ГЛУШКО</i> : Ольвійська спокусниця	#1 (с. 58)
<i>Олександр СИЗОНЕНКО</i> : Переправа. Інтродукція	#2 (с. 22)
<i>Геннадій МОЛЧАНОВ</i> : Квиток до Києва. <i>Повість</i>	#2 (с. 36)
<i>Анатолій МАЛЯРОВ</i> : Мальчишка на экспорт. <i>Рассказ</i>	#2 (с. 66)
<i>Николай МАШКИН</i> : Дядя Ваня. <i>Рассказ</i>	#3 (с. 42)
<i>Юрий ГЕЛЬМАН</i> : Эндшпиль адмірала. <i>Рассказ</i>	#3 (с. 56)
<i>Ольга СЛАВНА</i> : Горобини кетяги незрілі. <i>Оповідання</i>	#3 (с. 68)
<i>Олександр ИВАНОВ</i> : Профессор на всю Губу. Музыкальный момент. <i>Рассказы</i>	#3 (с. 79)
<i>Сергій ОКСЕНИК</i> : Компот із смородини. Безвідповідальний гриб. Місячне більмо	#4 (с. 20)
<i>Анатолій МАЛЯРОВ</i> : Не оглядайся, Лот! <i>Рассказ</i>	#4 (с. 40)
<i>Володимир КАЛИНОВСЬКИЙ</i> : Розсипи. <i>Коротка проза</i>	#4 (с. 52)
<i>Ілля СТАРИКОВ</i> : Траектория полёта. <i>Историко-психологическая новелла</i>	#5 (с. 25)
<i>Татьяна ГРАЧЁВА</i> : Два рассказа	#5 (с. 41)
<i>Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ</i> : Предземшара-2	#6 (с. 21)
<i>Иван ЛЮТИКОВ</i> : Подснежники	#6 (с. 40)
<i>Ольга БАКК</i> : Последняя нота. <i>Рассказ</i>	#6 (с. 57)
<i>Юрий ЛЮБАРОВ</i> : Одноклассники.mk.ua	#7 (с. 32)
<i>Вячеслав КУЛАКОВ</i> : Ярым быком нахлынь... <i>Экологическая повесть</i>	#7 (с. 49)
<i>Віра МАРУЩАК</i> : Оповідання	#8–9 (с. 76)
<i>Олександр ФИНОГЕЕВ</i> : Крутой вираж. «Одноклассники». <i>Рассказы</i>	#8–9 (с. 95)
<i>Ілля СТАРИКОВ</i> : Интервью профессора. Горькая радость. Сто часов счастья.	#10–11 (с. 38)
<i>Алексей ТОРХОВ</i> : Бабнадя. <i>Рассказ</i>	#10–11 (с. 60)
<i>Лоріна ЛИСОГУРСЬКА</i> : Вівчарка. <i>Оповідання</i>	#10–11 (с. 77)
<i>Геннадій МОЛЧАНОВ</i> : А завтра буде все інакше. <i>Оповідання</i>	#10–11 (с. 95)

ДРАМАТУРГИЯ

<i>Анатолій МАЛЯРОВ</i> : Анафема. <i>Достовірна історія про Івана, Петра і Карла</i>	#8–9 (с. 37)

КУЛЬТУРНЫЙ КАНОН

<i>Олександр ПРОНКЕВИЧ</i> : Николаевские Дон-Кихоты	#1 (с. 74)

ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Ирина ГРИБАНОВА</i> : Учением своим просветившие	#1 (с. 85)
<i>Игорь ПОХ</i> : Николаев. Зазеркалье?..	#1 (с. 88)
<i>Александр КАРМАНОВ</i> : Куда податься Украине?	#2 (с. 84)
<i>Владимир ГАВЕЛЯ</i> : Язык как средство объединения славян	#2 (с. 89)
<i>Константин КАРТУЗОВ, Инна ЧЕРКЕСОВА</i> : Общественная библиотека сегодня и завтра	#3 (с. 83)
<i>Зоя ШАТАЛОВА</i> : Министерская программа отучила детей читать	#3 (с. 87)
<i>Александр ПРОНКЕВИЧ</i> : Электронные базы данных – вот выход	#3 (с. 90)
<i>Татьяна БЕРЕЗОВСКАЯ</i> : Николай Аркас: известный и неизвестный	#3 (с. 92)
<i>Максим ГОРЬКИЙ</i> : Вывод. Очерк	#4 (с. 70)
Он заговорил о достоинстве человека. <i>В. Гладышев, И. Ширенкова, С. Мезина, А. Вербец, З. Шаталова и О. Керлан</i>	#4 (с. 72)
<i>Александр КАРМАНОВ</i> : Пословицы службы боярской, или Слово в защиту коррупции	#4 (с. 81)
<i>Агнесса ВИНОГРАДОВА</i> : Кто вы, лейтенант Шмидт? (<i>Ещё раз о книге В. Шигина</i>)	#4 (с. 87)
Наш современник – Валерий Ганичев	#5 (с. 47)
<i>Александр МИТРОФАНОВ</i> : По следам «Маленького героя»	#5 (с. 48)
<i>Виктор ДУБОВИК</i> : Нам было по девятнадцать. <i>Тендровская история</i>	#5 (с. 61)
<i>Евгений ПАРАМОНОВ</i> : Пылинки памяти. <i>Два фрагмента</i>	#5 (с. 78)
<i>Валерий ЧЕРНЯВСКИЙ</i> : 1941-1944 годы: Депортация	#6 (с. 66)
<i>Евгений и Кирилл ГОРБУРОВЫ</i> : Победа ковалась в тылу	#6 (с. 71)
<i>Евгений ПАРАМОНОВ</i> : Оккупация. <i>Негероические воспоминания</i>	#6 (с. 78)
<i>Дмитро КРЕМИНЬ</i> : Не перервется нить Ариадны	#7 (с. 86)
<i>Александр МАКАРЕНКО</i> : «Советуем послушать оркестр завода...»	#7 (с. 89)
<i>Алексей ПИЛИПЧУК</i> : Василий Гречишников: «Иду на Берлин!»	#8–9 (с. 109)
<i>Валерий ЧЕРНЯВСКИЙ</i> : Коллаборационисты или патриоты?	#8–9 (с. 130)
<i>Дмитро КРЕМИНЬ</i> : Звёздная карта поэта	#8–9 (с. 135)
<i>Любовь СПАНАТЙ</i> : Як подзвонює тронка	#8–9 (с. 138)
<i>Людмила СТАРОВОЙТ</i> : Батько українського театру	#10–11 (с. 102)
<i>Валерій МАЛИНА</i> : Україна: парадигма зрадництва	#10–11 (с. 106)
<i>Сергей ГАВРИЛОВ</i> : Без Льва Толстого	#10–11 (с. 114)
<i>Алексей ПИЛИПЧУК</i> : Ещё раз о бессмертном десанте	#10–11 (с. 118)

ВЫШЕ ВАТЕРЛИНИИ

«ВАТЕРЛИНИЯ – 2012». Послесловие	#2 (с. 94)
<i>Алексей ТОРХОВ</i> : Ольвийские агоны. <i>Размышления агонифета</i>	#2 (с. 95)
<i>Оксана ЕВЗИКОВА</i> : Поэтический уровень погружения	#5 (с. 84)
«ВАТЕРЛИНИЯ – 2014»: Четвёртая. Виртуальная	#8-9 (с. 142)

МАСТЕРСКАЯ

<i>Анатолий МАЛЯРОВ</i> : Вечная история	#1 (с. 90)
<i>Екатерина НАТОЧА</i> : Два художника – отец и сын	#1 (с. 92)
<i>Александра ФИЛОНЕНКО</i> : Эволюция мифа	#2 (с. 100)
<i>Анна ТАБУНЧИК</i> : Концептуальные миры Ольги Максименко	#2 (с. 105)
<i>Екатерина НАТОЧА</i> : Иван и Яков – отец и сын	#3 (с. 94)
<i>Евгения КРУЧИНИНА</i> : «Взрослая» живопись Дмитрия Молдованова	#3 (с. 99)
<i>Олег ДУХОВНИЙ</i> : Жизнь в ветреную погоду. <i>О художнике А. Ипатьеве</i>	#4 (с. 96)
<i>Ольга МЕЛЬНИКОВА</i> : Тот, кто создал себя	#4 (с. 98)
Голгофа Андрея Антонюка. <i>Дмитро Креминь</i>	#5 (с. 4)
<i>Екатерина НАТОЧА</i> : Михаил Озёрный: «Природа – лучший художник»	#5 (с. 94)

<i>Алексей ТОРХОВ</i> : Быть Маркитаном.	#6 (с. 89)
<i>Игорь ЕРМОЛАЕВ</i> : Улыбайтесь, господа, улыбайтесь! <i>Театральный дневник</i>	#6 (с. 95)
<i>Елена ТРЕГУБ</i> : Пластические образы Юрия Одробинского	#6 (с. 100)
<i>Сергій РОСЛЯКОВ</i> : Він хоче йти далі. <i>Живопис Леоніда Яценка</i>	#7 (с. 94)
<i>Зоя БУРЛАКА</i> : Олицетворения. <i>Куклы Елены Маркитан</i>	#7 (с. 98)
<i>Сергій РОСЛЯКОВ</i> : Самотній човен Юрія Гуменного	#8–9 (с. 152)
<i>Марина ВАСИЛЬЕВА</i> : «НОМО LUDENS» – территория взаимопонимания	#8–9 (с. 156)
<i>Юрий ОДРОБИНСКИЙ</i> : Дивоцветы. <i>Батик Елены Тригуб</i>	#8–9 (с. 160)
<i>Наталья САПАК</i> : Мыслить и творить. <i>О скульпторе Юрии Макушине</i>	#10–11 (с. 127)
«Поставьте рабочего и колхозницу. Как в Москве». <i>Беседа с Ю. А. Макушиным</i>	#10–11 (с. 131)
<i>Александра ФИЛОНЕНКО</i> : «Відкрита Ніч» в Николаеве.	#10–11 (с. 134)
<i>Екатерина НАТОЧА</i> : Властвующий над стихией	#10–11 (с. 138)

АРХИВ

«Евгений Замятин: «Пошёл по Соборной...». <i>Евгений Мирошниченко</i>	#1 (с. 96)
Письма из Николаева. <i>Из рукописного наследия Е. А. Замятина</i>	#1 (с. 98)
<i>Исаак БАБЕЛЬ</i> : Сказка про бабу. Соль. <i>Рассказы (прижизненные редакции)</i>	#3 (с. 103)
«И. Бабель: «Конармия» мне не нравится». <i>Евгений Мирошниченко</i>	#3 (с. 107)
<i>Адриан ТОПОРОВ</i> : Большой террор	#4 (с. 101)
<i>Лідія ГУЛЬКО</i> : Блиск і злигодні миколаївського Цицерона	#5 (с. 98)
<i>Влас ДОРОШЕВИЧ</i> : Еврейский погром в Николаеве (1899 г.)	#5 (с. 104)
<i>Владимир ЩУКИН</i> : Как это происходило в Украине	#5 (с. 111)
<i>Сергей ПИСКУРЁВ</i> : «Terza polonica» Эмиля Январёва	#6 (с. 103)
<i>Всеволод ГАРШИН</i> : То, чего не было. <i>Сказка</i>	#7 (с. 102)
<i>Леонід ДУДЕНКО</i> : Його врятувала Юхимівка	#7 (с. 104)
<i>Василий МАЛАГУША</i> : «Это ошибка, мама...»	#8–9 (с. 163)
<i>Игорь ГАВРИЛОВ, Елена ПОНОМАРЁВА</i> : Николаевская любовь Эдуарда Багрицкого	#8–9 (с. 168)
<i>Александр КУПРИН</i> : В клетке зверя. <i>Добрая осень</i>	#10–11 (с. 142)
<i>Евгений МИРОШНИЧЕНКО</i> : Южные рассказы Александра Куприна	#10–11 (с. 146)
<i>Сергей ПИСКУРЁВ, Елена ПОНОМАРЁВА</i> : Доктор Петров. Судьба в стихах	#10–11 (с. 150)

НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Обзор новинок местных издателей. <i>Евгений Мирошниченко</i>	#1 (с. 116)
<i>Тамара ПЕРЕСУНЬКО</i> : Десять избранных фрагментов книги	#2 (с. 108)
<i>Надежда АГАФОНОВА</i> : Служение длиною в жизнь	#2 (с. 112)
Обзор новинок местных издательств. <i>Евгений Мирошниченко</i>	#2 (с. 114)
<i>Сергей ПИСКУРЁВ</i> : «Такое было это время. Такими были мы тогда»	#3 (с. 111)
<i>Владимир ГЛАДЫШЕВ</i> : «Здесь я дни коротал, в адмиралы играл»	#3 (с. 114)
Новинки издательства «Илион»	#4 (с. 110)
<i>Анна РУМЯНЦЕВА</i> : «Золотой фонд – это книги, за которые не стыдно»	#4 (с. 111)
Время действия – наши дни. <i>Евгений Мирошниченко</i>	#4 (с. 115)
<i>Владлена РУССОВА</i> : Несподівана сторінка краєзнавчого шевченкознавства	#5 (с. 116)
<i>Александр ИВАНОВ</i> : Избираю «избранное». <i>О новой книге А. Малярова</i>	#5 (с. 117)
<i>Павел ШАМРАЙ</i> : Продолжить традицию издания литературы. <i>Беседа с издателем</i>	#6 (с. 112)
<i>Дмитрий СЕМЧИШИН</i> : О загадочных «беглецах библиотечных».	#6 (с. 116)
<i>Владимир ПУЧКОВ</i> : Как попасть в энциклопедию. <i>Памяти Валерия Карнауха</i>	#7 (с. 109)
<i>Евгения САМОЙЛОВА</i> : Uno spiritu. <i>О книге А. Торхова «Безвыдыханно»</i>	#7 (с. 113)
<i>Зоя ШАТАЛОВА</i> : Новые друзья – детские книжки	#7 (с. 115)
Кожен номер – відкриття!	#8-9 (с. 172)

<i>Ігор МАРЦІНКОВСЬКИЙ</i> : Надрукована в Миколаєві у 1832 р.	#8–9 (с. 173)
<i>Евгений ГОРДЕЕВ</i> : В. В. Верещагин в музейной коллекции	#8–9 (с. 177)
<i>Наталья ХРИСТОВА</i> : Этот нереконмендованный Альберт Вербец	#10–11 (с. 166)
Издательский перекрёсток. Новые книги	#10–11 (с. 169)

ЭКСЛИБРИС

Этот загадочный книжный знак. <i>Евгений Мирошниченко</i>	#1 (с. 118)
<i>Евгений и Кирилл ГОРБУРОВЫ</i> : О чём поведала старая печать	#2 (с. 118)
<i>Татьяна СЕРЕБРЯКОВА</i> : З приватної колекції Аркасів	#3 (с. 118)
<i>Лариса ЖАЙВОРОНОК</i> : Сбережённая память	#4 (с. 117)
<i>Евгений ГОРДЕЕВ</i> : Корабельные сны Александра Вычерова	#5 (с. 114)
<i>Ирина ШЕЙКО</i> : Свечу богам и людям	#6 (с. 118)
<i>Лариса ТРЕГУБ</i> . Сто четыре рисунка к поэме	#7 (с. 117)
<i>Юрий ЛЮБАРОВ</i> : «Конвертированный» Николаев	#8-9 (с. 178)
<i>Евгений ГОРБУРОВ</i> : Шахматный турнир 1945 года	#10-11 (с. 173)

ОБЛОЖКА

Почему «Соборная улица», а не «Флотский бульвар»?	#1 (с. 120)
<i>Алексей ТОРХОВ</i> : Памятник адмиралу Грейгу	#2 (с. 120)
<i>Татьяна БЕРЕЗОВСКАЯ</i> : Львы в Каштановом сквере	#3 (с. 120)
<i>Алексей ТОРХОВ</i> : Конка на Соборной улице	#4 (с. 120)
<i>Володимир ЦУКІН</i> : Адміралтейський собор	#5 (с. 119)
<i>Ирина АЛЕКСАНДРЕНКО</i> : Памятник корабелям и флотоводцам	#6 (с. 120)
<i>Олександра ДРУКЕР, Лариса ТВЕРІТІНОВА</i> : Верещагінський знак	#7 (с. 120)
<i>Алексей ТОРХОВ</i> : Подстанция, кафе, банк	#8–9 (с. 180)
«Соборная улица» (2012–2015): Содержание всех номеров журнала	#10–11 (с. 175)

Примечание. В сводном содержании материалов используется нарастающая нумерация номеров журнала: #1 – № 1 /2012; #2 – № 2 /2012; #3 – № 3 /2012; #4 – № 1 /2013; #5 – № 2 /2013; #6 – № 1 /2014; #7 – № 2 /2014; #8–9 – № 1–2 /2015; #10–11 – № 3–4 /2015.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция исходит из того, что авторы публикаций придерживаются действующего законодательства, несут ответственность за достоверность фактов, дат, имён, цитат и пр.

Мнение редакции может не совпадать со взглядами авторов.

Рукописи принимаются вместе с текстами, набранными на цифровых носителях.

Ответственность за содержание рекламы несёт рекламодатель.

Все права защищены.

Иван Булавицкий. «Иконописец». Мрамор, 2001 г.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ:

■ БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

«Там страна и город мужей киммерийских»

■ ПОЭЗИЯ

Ксана КОВАЛЕНКО

Ольга СКВИРСКАЯ

Евгений ПИВЕНЬ

■ ПРОЗА

Сергей МИСЬКО

■ ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид ШКАРУБА. «Заметки иконоведа»

■ ВЫШЕ ВАТЕРЛИНИИ

Маршруты «Спасского трамвая»

■ АРХИВ

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ. «Сто один»

■ НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Тамара ПЕРЕСУНЬКО. «Николаев. Пять углов»